

М.К. ОСМАЕВ

**ЧЕЧЕНЦЫ:
ОБЫЧАИ, ТРАДИЦИИ, ОБРЯДЫ**

(историко-культурные аспекты проблемы)

Монография

Грозный 2016

**Печатается по решению Ученого совета ФГБОУ ВО
«Чеченский государственный университет»
Протокол № 5 от 28.05.2015 г.**

**УДК 39 (470.661)
ББК 63.5 Рос. (Чеч.)
О-74**

**Ответственный
редактор:**

Ахмадов Ш.Б., доктор исторических наук,
профессор

Рецензенты:

Туркаев Х.В., доктор филологических наук,
профессор;
Турпалов Л.А., кандидат исторических наук,
доцент

Осмаев М.К. Чеченцы: обычаи, традиции, обряды (историко-культурные аспекты проблемы). Монография. – Грозный: издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», 2016. – 176 с.

В данной монографии рассматривается творческое наследие чеченцев в сфере материальной и духовной культуры. Прослеживаются межэтнические связи чеченцев, история взаимодействия с соседними народами и особенности их речевого этикета. Основной акцент автор делает на наиболее значимых обычаях, традициях и обрядах, культуре общения и нравственных ценностях чеченского народа.

Книга предназначена для студентов, аспирантов, докторантов, преподавателей и научных работников высших учебных заведений, а также для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-91127-158-9

© ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. История чеченцев с древнейших времен (краткие сведения).....	21
Об этногенезе и этнокультурной истории чеченцев.....	25
О языке чеченцев.....	54
Глава II. Материальная культура чеченцев	64
Поселения и жилища.....	65
Одежда, обувь и головные уборы	91
Пища.....	106
Орудия труда	120
Оружие	134
Транспорт.....	144
Глава III. Духовная культура чеченцев	147
Эволюция религиозных верований	156
Рекреативная культура.....	164
Похороны	171
Культура общения чеченцев.....	174
Этика бытовой культуры	179
Мужской этикет.....	181
Этика воспитания	188
Этика человеческого облика	191
Этика свадебного обряда	195
Культ коня.....	199
Гостеприимство	201
Условные обозначения	204
Список сокращений.....	205
Использованные источники.....	206

ВВЕДЕНИЕ

Чеченцы (самоназвание «нохчи») – один из древнейших народов мира со своим антропологическим типом и самобытной культурой. На Северном Кавказе – это самый крупный этнос (свыше 1 млн. чел.). К чеченцам очень близки по генотипу, культуре и религии их соседи ингуши. Вместе они образуют вайнахский народ, связанный кровным родством, общей исторической судьбой, территориальной, экономической, культурной и языковой общностью.

Вайнахи (чеченцы, ингуши) являются аборигенами Кавказа и говорят на нахском языке, входящим в северо-кавказскую группу иберийско-кавказской семьи языков. Чеченское общество исторически формировалось, как полиэтническое, оно постоянно впитывало в себя различные этнические элементы кочевых и соседских горских народов.

Выделяются плоскостной, шатойский, аккинский (ауховский), чеберлоевский, шароевский, мелхинский, итумкалинский, галанчоужский и кистинский диалекты. В фонетике для чеченского языка характерен сложный вокализм (противопоставление простых и умлаутированных, долгих и кратких гласных, наличие слабых назализованных гласных, большое число дифтонгов и трифтонгов). Для синтаксиса характерно широкое использование причастных и деепричастных конструкций.

Литературный чеченский язык сложился в 20 веке на основе плоскостного диалекта. Письменность на чеченском языке до 1925 года существовала на арабской основе, в 1925-1938 – на латинской, с 1938 – на основе русской графики.

Большинство чеченцев принадлежат к шафиитскому мазхабу суннизма. Суфийский ислам среди чеченцев представлен двумя тарикатами: накшбандия и кадирия, в свою очередь делящимися на мелкие религиозные группы – вирдовые братства, общее количество которых достигает у чеченцев тридцати двух.

Кроме религии для чеченцев огромное значение имеет этический кодекс чести «Къонахалла». По убеждению самих чеченцев, «Къонахалла» – это универсальный кодекс поведения для любого мужчины. Практически в нем отражены все нравственные нормы, которыми обладает верующий человек и достойные сыны своего народа.

Чеченский этический кодекс «Къонахалла» сложился задолго до принятия чеченцами ислама, корни его уходят в далекую древность. Несомненно, в аланскую эпоху он уже существовал. На его характер оказали заметное влияние драматические события времен нашествия на Кавказ монголов и Тимура, когда война стала для нахов-аланов обычным состоянием. О древности кодекса говорят многочисленные параллели культа къонаха – достойного человека, народного героя с древнейшими слоями нартского эпоса.

Структура чеченского общества состоит из тайпов и тукхумов. Чеченский тукхум – это союз определенной группы тайпов, не связанных между собой кровным родством, но объединившихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач – защиты от нападения противника и экономического обмена. Тукхум занимал определенную территорию, которая состояла из фактически заселенной им местности, а равно и окружающего района, где тайпы, входившие в тукхум, занимались охотой, скотоводством и земледелием. Каждый тукхум говорил на определенном диалекте.

Чеченский тайп – это общность людей, связанных между собой кровным родством по отцовской линии. Каждый из них имел свои общинные земли и тайповую гору (от названия которой часто происходило название тайпа). Тайпы внутри себя делятся на «гары» (ветви) и «некъьи» – фамилии. Чеченские тайпы объединены в девять тукхумов: аьккий, маьлхий, нохчмахкхой, орстхой, т1ерлой, ч1антий, ч1еберлой, шарой, шатой. Кровнородственные связи у чеченцев служили целям экономического и военного единения.

В середине XIX века чеченское общество состояло из 135 тайпов. В настоящее время они подразделяются на горные (около 100 тайпов) и равнинные (около 70 тайпов).

В настоящее время представители одного тайпа живут рассредоточено. Крупные тайпы распределены по всей территории Чечни.

История чеченского народа полна драматических событий: это и массовые переселения, и страшный геноцид, и духовное порабощение, и жестокий террор и т.д. Вспомнить хотя бы трагические события конца XX – начала XXI веков.

Но чеченский народ находил в себе силы, духовные им-

пульсы для возрождения, благодаря своей национальной культуре, обычаям и традициям. Любая нация существует, пока сохраняется ее культура.

В понятие «культура», в его широком толковании, входит весь образ жизни народа, его духовные и материальные ценности. Речь идет о культуре тела, духа, общения, быта, труда, земледелия...

Чеченцы имеют веками выработанную культуру: высокое развитие получило устное творчество, уникальные народные традиции, обряды, ритуалы, ремесла, орудия труда, оружие, одежда, украшения...

Особого внимания заслуживают культура общения чеченцев, этика их бытовой культуры, мужской этикет, этика воспитания, этика человеческого облика, этикет свадебного обряда, этика гостеприимства и т.д.

От древних предков чеченцев (нахи) эпохи бронзы и железа остались совершенные произведения металлической пластики и керамического производства. Такие всемирно известные археологические культуры, как Куроаракская, Майкопская и Кобанская представлены на территории Чечни всеми видами и типами археологических памятников, включая поселения, городища и просто города.

Древние и средневековые чеченцы – земледельцы, скотоводы и ремесленники – получали немало культурных импульсов от других народов: грузин, дагестанцев, скифов, сарматов, алан, хазар и др.

Следы языческих верований, христианства, некогда имевших место в Чечне, мы находим в культовых сооружениях и археологических памятниках, языке и отголосках некоторых древних обычаев и обрядов.

Ислам окончательно утверждается в Чечне в XVII веке через миссионеров из Дагестана.

В эпоху Средневековья в горной Чечне сооружаются множество жилых, сторожевых и боевых башен, замковых комплексов, мавзолеев, усыпальниц и т.д. Этот развитый здесь вид фортификационного искусства выдвинул Чечню, как и соседнюю Ингушетию, в разряд регионов, имеющих уникальные памятники всемирного значения. В Чечне в XI-XVII вв. было сооружено свыше 300 жилых и боевых башен, замков, укреплений крепост-

ного типа и т.д.

В XVII-XIX вв. созданы ранние трактаты на чеченском языке медицинского, философского, исторического, учебного характера с использованием арабской графики.

На протяжении своей этнической истории, корни которой уходят не менее чем на 10 тысячелетий назад, чеченцы неизменно сохраняли верность своей Родине, своим ущельям, долинам и рекам. Территория Чечни, за исключением степных и некоторых равнинных районов, тысячелетиями оставалась под культурным воздействием одного и того же народа, сохранявшего здесь редкостное экологическое равновесие, нарушенное только в XIX в. царской армией, планомерно вырубившей за 25 лет войны девственные леса на всей чеченской равнине.

На протяжении последних столетий Чечня, как и весь Кавказ, не раз оказывалась в сфере геополитических интересов великих держав, что приводило к военно-политическому противостоянию. Военные действия и другие насильственные акции, колониальная политика царизма, депортация чеченцев с исторически обжитых районов сталинским режимом имели глубокие последствия в сфере культурного наследия. Уничтожались историко-архитектурные памятники – традиционные чеченские башни, культовые сооружения, сокращались традиционные народные ремесла и художественные промыслы, разрушалась традиционная среда обитания чеченцев и т.д. Наиболее катастрофическими для чеченского народа оказались XIX-XX вв. На этот период приходится усиление российской колониальной политики и хищническая эксплуатация природных богатств Чечни, главным образом, нефtezалежей, земельных угодий и лесов. Тоталитарный советский режим еще более усугубил процессы деэтнизации с помощью плановой «борьбы с реакционным прошлым». Геноцид, осуществленный сталинизмом в форме депортации всего чеченского народа 23 февраля 1944 года, нанес невосполнимый ущерб, в том числе и культурно-историческому наследию. Чеченское население, и до того поставленное в рамки жестких ограничительных мер, на 13 долгих лет (до 1957 г.) вынужденно оставило свои реликвии, связывавшие многие поколения людей, традиционные жилища с национальным интерьером и предметами быта, орудия материального производства, изделия художественных промыслов и ювелирного искусства, образцы традиционной

национальной одежды и их атрибутики (украшения, холодное и огнестрельное оружие) и др. Многие из этих вещей были вывезены органами НКВД, другие достались переселенцам в Чечню из соседних республик, краев и областей.

В горных районах были взорваны и уничтожены около сотни памятников древней и средневековой культуры, сжигались и растаскивались бесценные рукописи: фолианты на арабском языке, семейные летописи – тептары, архивные материалы по истории и культуре чеченцев, уникальная инкрустированная посуда, вазы, подносы, кувшины, мужские и женские украшения, шашки, сабли, кинжалы, старинная одежда, ковры, истанги (войлочные ковры), конские сбруи и многое другое.

Сознательно уничтожались книжный фонд, рукописи, мемориальные предметы известных в республике людей. На площадях Грозного в феврале 1944 года пылали книги и документы на чеченском языке. Лишь отдельные экземпляры были спасены и сохранены бывшим директором библиотеки имени Чехова Иваном Сергеевым.

В период современной истории чеченского народа военные действия и социально-политические катаклизмы 1991-2001 годов в Чеченской Республике являются по своим масштабам наиболее губительными для историко-культурного наследия чеченцев.

Чеченская Республика, объявившая в 1991 году курс на «независимость», приобрела целый букет социальных болезней: разрушенное хозяйство и инфраструктура, тотальная безработица, дикий рынок, коллапс (ослабление) государственных органов власти (в особенности правоохранительных структур). Культурно-исторические ценности стали объектом преступных интересов криминальных элементов. Так, в период обострения общественно-политической ситуации в Чечне летом 1992 года вследствие разбойного нападения на государственный краеведческий музей было похищено 1657 единиц фондового хранения. В числе похищенных были 28 ранних орденов Ленина, выполненных из золота и платины, 32 кинжала с декоративной отделкой из драгметаллов XIX – нач. XX в. (в том числе кинжалы абрека Зелимхана и известного деятеля периода Кавказской войны Хаджи-Мурата), 6 кремневых пистолетов, 5 орденов имама Шамиля, 7 кремневых ружей, инкрустированных драгметаллами и перламутрами, столовый прибор, принадлежавший семье имама Шамиля в период

их пребывания в ссылке в г.Калуге, часть богатейшей нумизматической коллекции XVII-XIX вв.

Самый страшный удар по культурному наследию Чечни был нанесен во время событий 1994-1996 и 1999-2000 годов. В ходе военных действий были уничтожены Государственный объединенный музей Чеченской Республики, Республиканский музей изобразительных искусств им. П. Захарова, музей А. Шерипова в с. Шатой, многие средневековые башни, целые архитектурные комплексы, склепы и мавзолеи. Республиканская библиотека им. А.Чехова (2,7 млн. единиц хранения), государственный архив, научные библиотеки и архивы Грозненского нефтяного института, Научно-исследовательского института гуманитарных наук, фонд Гостелерадио, республиканский художественный фонд, Русский драматический театр им. М. Лермонтова, Республиканский театр кукол (с документами, кино-, видео-, аудиоматериалами, фотодокументами, сценическим реквизитом, скопившимся за всю историю их существования) превратились в пепел под массивными ударами авиации и артиллерии.

Чеченские музеи комплектовались всем музейным сообществом бывшего СССР и являлись детищем совместного труда многих поколений жителей республики разных национальностей, беззаветно увлеченных своим делом сотрудников местных музеев России. За время существования республиканских музеев здесь по крупицам были собраны и научно укомплектованы музейные фонды, объединявшие в себе памятники естественной истории, истории, этнографии и культуры чеченского и ингушского народов; бесценные археологические коллекции – единственные немые свидетели нашей древней и средневековой истории; мемориальные предметы, связанные с жизнью и деятельностью известных в Чечне людей, оставивших заметный след в истории нашего общества, государства; подлинники документов, рукописный научный архив, произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства мастеров русской, чеченской и западноевропейской школ; нумизматические коллекции, великолепные коллекции холодного и огнестрельного оружия XVIII-XIX вв.

До начала военных действий в Чечне в 1994 году один только Чеченский государственный объединенный музей насчитывал в своих фондах вместе с филиалами около 255 тысяч единиц хра-

нения, из которых около 86 тысяч составляли предметы основного фонда, а Республиканский музей изобразительных искусств им. П. Захарова имел около 5 тысяч художественных произведений (живопись, скульптура, чеканка).

В период одной только первой военной кампании в Чечне в 1994-1996 гг. в результате интенсивных бомбардировок и артобстрелов было разрушено головное здание республиканского музея – историко-архитектурный памятник начала XX века; под его обломками погибли все экспозиции, подавляющая часть музейных фондов, библиотека, рукописный фонд и все оборудование. Среди утраченного имелись такие раритеты, как картины «Портрет мальчика с книгой» В. Тропинина, «Пейзаж» и «Кавказ» П. Верещагина, «Лунный пейзаж» и «Алхан-юрт» И. Айвазовского, «Изголодавшиеся» И. Репина; курильница-водолей «Эрзи» - декоративный сосуд VIII в., изображающий хищную птицу, вся этнографическая коллекция (в том числе 68 истангов – войлочных ковров), редкая коллекция холодного и огнестрельного оружия; печать и шашка Шамиля, подаренная им У. Дуеву, одному из лидеров национально-освободительного движения в Чечне XIX в., мемориальные предметы А. Шерипова, выдающегося политического и военного деятеля Чечни и Северного Кавказа; предметы археологии, обнаруженные за полвека раскопок, оригинальная трехъярусная деревянная посуда -«шун» для национального блюда «жигиг-галнаш» и многое другое.

Особенно чувствительна утрата произведений первого профессионального чеченского художника П. Захарова, удостоенного, несмотря на свою недолгую жизнь (1816-1846), звания академика живописи Российской академии художеств. Среди них: «Портрет Л.А. Волкова» (1840), «Портрет герцога Максимилиана Лейхтенбергского» (1846), «Портрет неизвестного с тростью и шляпой» (1845), «Портрет Александры Петровны Постниковой» (1939), «Мужской портрет» (1840), «Портрет молодого человека», «Портрет неизвестной на смертном одре» (1845).

Злоключения грозненских музеев продолжились и в период «августовских событий» 1996 года в Грозном. Из боксов гаражей, находившихся на территории Министерства культуры ЧР, были похищены экспонаты, спасенные от гибели: 16 единиц горских сабель и шашек XVIII-XIX веков с декоративной отделкой из драгметаллов, всего в количестве 178 ед.; произведения европей-

ского, русского и восточного декоративно-прикладного искусства XVIII-XIX вв. в количестве 77 единиц; картина Ф. Рубо «Смерть генерал-майора Слепцова» и многое другое. В ходе пожара, устроенного грабителями, было сожжено 40 инвентарных книг с данными обо всех музейных фондах, 50 томов отчетов археологических экспедиций, осуществленных на территории республики с 1947 года, и другая документация.

В 1999-2000 годах военные подразделения довершили уничтожение Национального музея ЧР, который был организован на базе Чеченского государственного объединенного музея и Чеченского республиканского музея изобразительных искусств им. П. Захарова в результате их юридического объединения в единый музей в октябре 1996 года. В ходе авиабомбардировок и артобстрелов разрушено до 80% музейных площадей, прямым попаданием авиабомбы уничтожен запасник произведений изобразительного искусства (около 500 единиц хранения), уничтожены и разграблены частично сохранившиеся в первую войну фонды этнографических и археологических коллекций, выставочный зал, служебные помещения и т.д.

Ущерб, нанесенный культурному наследию Чечни, выразился не только в уничтожении памятников культуры и истории, находящихся под опекой государства, но и в гибели культурно-исторических ценностей, архивных материалов, документов, находившихся в частных коллекциях и в личной собственности. Эти потери, к сожалению, невозможны.

Военные конфликты на территории Чеченской Республики и их последствия для культурного наследия одного из древнейших народов земли, как никогда прежде актуализируют вопрос об охране культурно-исторических ценностей любого народа, которые являются частью мирового культурного наследия. Особенность ситуации в Чечне заключается в тотальности уничтожения культурного наследия. Здесь гибло все, что связывало народ с прошлым, что свидетельствовало о его историческом прошлом. Единственное – не погибла историческая память и национальные традиции народа.

Культурное наследие – это самое незащищенное достояние народа. В условиях социальных катаклизмов и военных конфликтов оно гибнет в первую очередь. Даже малейшее ослабление охранных мероприятий ведет к тяжелым последствиям.

Среди противоборствующих сторон всегда находятся люди, готовые поживиться за счет музейных ценностей, либо те, кому в силу моральной недоразвитости и низкого образовательного уровня попросту не дано осознать подлинное значение того или иного памятника культуры. К тому же есть немало дремучих душ, склонных к вандализму, обуреваемых жадной разрушения. Например, в декабре 2001 г. с расстояния в тридцать метров было произведено восемь артиллерийских выстрелов прямой наводкой по архитектурному памятнику – Ушкалойской башне. Установлены виновники этого варварского поступка, однако бессмысленное злодеяние до сих пор остается безнаказанным. Факты подобного рода, отягощают историческую память народа, загромаждают дорогу добрососедству и взаимопониманию.

Велика радость каждого культурного человека, когда, несмотря на крайне неблагоприятные обстоятельства, удается отвести беду от наследия минувших времен, сохранить какой-либо раритет для грядущих поколений.

Практически полностью уцелели два филиала Национального музея Чеченской Республики: Литературно-этнографический музей Л. Н. Толстого в станице Старогладовской Шелковского района и Литературно-мемориальный музей А. Мамакаева в селе Надтеречном Надтеречного района.

Музей в станице Старогладовская в своем нынешнем виде функционирует с 1987 года. Имеет четыре экспозиционных зала и отдельно – типологический уголок «Усадьба казака – горца середины XIX века». Оформление экспозиционных залов произведено мастерами музейного дизайна из г. Санкт-Петербурга. По всем своим параметрам (наличие площадей, основного и научно-вспомогательных фондов – 1872 единицы хранения) заслуживает статуса самостоятельного юридического лица.

Музей в селе Надтеречном (1442 ед. хранения) создан в память одного из основоположников чеченской лирической поэзии Арби Мамакаева. Основателем и директором музея является сын поэта – Эдуард Мамакаев.

В ноябре 2006 года, по инициативе автора этих строк (тогдашнего министра культуры Чеченской Республики), в с. Мескеты Ножай-Юртовского района был открыт литературно-мемориальный музей народного писателя ЧИАССР Абузара Ай-

дамирова. Директором музея является дочь писателя – Машар Айдамирова. В музее на сегодняшний день насчитывается более 400 единиц хранения.

Опыт последних войн в Чечне свидетельствует, что обе воюющие стороны и, прежде всего, РФ (будучи членом ЮНЕСКО и не раз выступавшая инициатором многих конвенций по охране культуры), не обременяли себя международным правом и обязательствами в отношении культурных памятников и ценностей, находящихся на территории Чеченской Республики.

Исторические и культурные памятники с резаными и колотыми повреждениями, сожженные и разбитые, груды пепла, оставшиеся от музейных фондов, факты вывоза из республики культурных ценностей, уничтожение православной церкви, здания синагоги, католического костела, десятка мечетей, историко-архитектурных памятников Средневековья свидетельствуют о том цинизме, с которым действовала в Чечне военная машина.

В конце 70-х и начале 80-х годов в Чеченской Республике (тогда – Чечено-Ингушская АССР) действовала широкая сеть учреждений, в которых работали профессионалы и энтузиасты своего дела.

Культурные потребности населения удовлетворяли: театрально-концертный зал, два драмтеатра (русский и чеченский), кукольный театр, ансамбль танца «Вайнах», Госфилармония, 48 учреждений кинопроката, которые суммарно имели 15 тыс. посадочных мест.

Фонд Национальной библиотеки (тогда – Республиканская библиотека им. Чехова) насчитывала 2,7 млн. ед. хранения. В 48 детских школах дополнительного художественного и музыкального образования обучались более 7 тыс. учащихся; действовали два средних специальных учебных заведения: училище искусств и музыкальное училище.

Вследствие социальных потрясений, случившихся в конце XX века в Чеченской Республике, произошли культурная и демографическая катастрофы, которые коснулись не только чеченского, но и других народов, проживавших на ее территории. Для сотен тысяч русских, украинцев, евреев, татар, ингушей и других народов Чечня являлась исторической Родиной.

Сейчас заново отстроен Государственный русский драматический театр им. М. Лермонтова. Его труппа в советские времена

считалась одной из лучших среди региональных театров России. Воссоздан симфонический оркестр филармонии, который услаждал слух любителей классической музыки в здании с редчайшей акустикой. Но, к сожалению, произошел мощный отток из республики квалифицированных специалистов разных национальностей, составлявших добротный кадровый потенциал.

Если взглянуть на проблему в исторической ретроспективе, то мы увидим, что Чечня дала миру изрядное количество талантливых личностей. Вот некоторые из них: Петр Захаров, академик живописи; Абдул-Муслим Магомаев, композитор, один из основоположников азербайджанской классической музыки; Махмуд Эсамбаев, легендарный танцор XX века, Умар Димаев, Валид Дагаев, Рамзан Паскаев и много других мастеров культуры.

В историю культуры Чечни вписали яркие страницы люди разных национальностей: режиссер Александр Туганов, композиторы Александр Халевский, Георгий Мепурнов; дирижер-хоровик Леонид Брайловский, теоретик музыки Михаил Бронштейн, дирижер Чечено-Ингушского симфонического оркестра Ярослав Вошак, народная артистка СССР Галина Поливанова; балетмейстеры: Отари Мунджишвили, Георгий Дзыба; у истоков кукольного театра были актеры и режиссеры: М. Яковлева, А. Н. Вострикова, Л. А. Емельянова, А. А. Попова Л. П. Рыжкова, Н. И. Сулименко, Л. Ф. Тарасенко и директор театра В. Шашин.

Возобновили свою творческую деятельность все республиканские учреждения культуры и искусств: Государственный ансамбль танца «Вайнах», Чеченский государственный драматический театр им. Х. Нурадилова, Республиканский театр кукол, Государственная филармония, Национальный музей, Национальная библиотека, Республиканская специализированная библиотека для слепых, Республиканская детская библиотека, Центр этнокультурного развития Чеченской Республики, Государственное управление по кинематографии.

Чечня в последние годы уверенно возвращается в культурное пространство России. Неотложная задача наших дней – осмыслить нравственно-философское своеобразие культуры народа, накопленной им на протяжении столетий, и реинтегрировать ее в общероссийский и мировой контекст.

Первыми серьезными исследованиями в этом направлении явились:

– монографическое исследование доктора филологических наук, профессора И. Алироева и кандидата философских наук, доцента Д. Межидова «Чеченцы: обычаи, традиции, нравы».¹ В данной монографии рассматриваются национальные обычаи и традиции в плане их социально-философского изучения.

– коллективная монография известных ученых России, изданная под эгидой Российской Академии наук (автор проекта и ответственный редактор – доктор филологических наук, профессор Х. В. Туркаев)².

– монография М. К. Осмаева и И. Ю. Алироева «История и культура вайнахов», изданная в 2003 году в московском издательстве «Academia»³. Она представляет собой обобщение ряда исследований, объединенных проблемой культуры, языка, истории и этнографии чеченцев, ингушей и бацбийцев, известных в научной сфере под терминами «вайнахи» (чеченцы и ингуши) и «нахи» (чеченцы, ингуши и бацбийцы). В данной работе акцент делается на самом ценном феномене культуры народа – языке. Опираясь на достижения современного языкознания, прослеживаются, в частности, межэтнические связи вайнахов, история их взаимодействия с соседними народами, особенности речевого этикета. Также говорится здесь о том уроне, который был нанесен культурному достоянию республики в результате военных действий. В довольно обширном приложении к монографии публикуются статьи, письма и другие материалы, тематически связанные с проблемами культурного строительства в Чеченской Республике. Однако, несмотря на фундаментальный характер этих исследований, в них не получило полного осмысления все многообразие культуры народа.

Чеченская Республика расположена в северо-восточной части Кавказа, занимает северные склоны Большого Кавказа, а также прилегающие степи и равнины. Площадь 16,1 тыс.км. Численность населения составляет 1 млн. 346 438 человек (2014 г.). Протяженность территории с севера на юг – 170 км., с запада на восток – 110 км.

На западе Чеченская Республика граничит с Ингушетией,

¹ Межидов Д.Д., Алироев И.Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Социально-философский аспект. Грозный, «Книга». 1992.

² Культура Чечни. История и современные проблемы. М.: «Наука». 2002, 2006.

³ Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. М.: Academia, 2003.

Северной Осетией, на севере – со Ставропольским краем, на востоке – с Дагестаном, на юге – с Грузией.

Столица Чеченской Республики – город Грозный с населением около 300 тыс. человек. Расстояние от Грозного до Москвы 2007 км.

Чечня – традиционно многонациональная республика. Коренная национальность – чеченцы. На протяжении нескольких веков вместе с чеченцами на территории республики проживают русские, ингуши, кумыки, армяне, ногайцы, терские, сунженские, гребенские казаки, представители многих других народов. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, в Чеченской Республике проживают представители около 96 национальностей. Чеченцы – народ полиэтничный, с ним смешались представители многих народов Кавказа и Европы. Упоминания о первых государственных образованиях на территории Чечни относятся к концу раннего средневековья (IX-XII вв.).

В XVI-XVIII вв. исторические документы отмечают наличие крупных феодальных княжеств в Чечне – это Окоцкое и Чеченское владения. В конце XVIII в., в 1785-1791 гг., шейх Мансур предпринимает попытки создания единого горского государства с центром в Чечне. В начале 40-х годов XIX в. складывается единое государство народов Чечни и Дагестана – имамат Шамиля, просуществовавшее до 1859 года.

После окончания гражданской войны на Северном Кавказе 20 января 1921 года была образована Горская Автономная Советская Социалистическая Республика.

30 ноября 1922 года декретом ВЦИК РСФСР была образована Чеченская автономная область. В 1934 году Чеченские и Ингушские автономные области объединились в Чечено-Ингушскую автономную область, которая 5 декабря 1936 года была преобразована в Чечено-Ингушскую АССР. 23 февраля 1944 года Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована с насильственной депортацией чеченского и ингушского народов в районы Казахстана и Средней Азии.

9 января 1957 года Чечено-Ингушская АССР была восстановлена.

В 1992 году съезд народных депутатов Российской Федерации постановил преобразовать Чечено-Ингушскую Республику в Чеченскую и Ингушскую республики.

Чеченская Республика имеет выгодное географическое расположение. По ее территории проходят имеющие важное значение Северокавказская железная дорога с эксплуатационной длиной железнодорожных путей общего пользования 306 км. и автомобильная магистраль Ростов – Баку, связывающие районы Северного Кавказа со всем Кавказом и странами СНГ.

Протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием – 3,0 тыс.км. Восстановлен в Грозном крупнейший аэропорт на Северном Кавказе. С марта 2007 года возобновлено воздушное сообщение с регионами России. В настоящее время уже решен вопрос о придании Грозненскому аэропорту международного статуса.

Имея небольшую по площади территорию, республика отличается разнообразием природных условий. Плодородные равнины постепенно переходят в ландшафты северной части, напоминающие знойные пустыни Средней Азии. На юге раскинулось царство вечных снегов и льдов. Республика богата ценными породами дремучих лесов, субальпийскими и альпийскими лугами. Здесь большие запасы нефти, минеральных строительных материалов и других полезных ископаемых. Чеченская Республика входит в состав Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации.

В результате известных событий 1991-2000 годов экономика, культура, социальная инфраструктура республики подверглись полному или частичному разрушению.

В настоящее время практически завершены строительно-восстановительные работы. Реализация Федеральной целевой программы «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики» и беспрецедентные меры, предпринятые руководством региона по восстановлению разрушенных объектов в целях скорейшей ликвидации следов военных действий, позволили в короткие сроки восстановить Грозный, Гудермес, Аргун, Шали, Урус-Мартан, Наур и множество других населенных пунктов.

Грозный же является самым красивым городом Северного Кавказа. Сегодня впечатляют красотой и архитектурой восстановленные объекты. Удалось сохранить архитектурно-художественный облик центра Грозного. На месте разрушенных зданий построены парки и скверы, украшенные малыми архитек-

турными формами. Грозный приобрел также статус города фонтанов и цветов. Восстановлены основные магистральные улицы и центральные площади в г. Грозном, обустроены и прилегающие территории.

В республике проводится также активная работа по духовно-нравственному возрождению чеченского народа, сохранению и популяризации его обычаев, традиций и обрядов.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН (краткие сведения)

Древнейшая история чеченцев известна еще до нашей эры, она отражена в археологических изысканиях на территории бывшей Чечено-Ингушетии. Следы пребывания древних чеченцев за много сотен лет до нашей эры ученые обнаружили на плоскости и в горах. Найденные при раскопках кости животных показывают, что аборигены этих мест охотились на бизонов, мамонтов, оленей, кабанов, туров, медведей, горных козлов, баранов, косуль и других животных.

Восемь тысяч лет тому назад в горах возникает культура земледелия, перешедшая затем на плоскость к берегам Терека и Сунжи. А 5-6 тысяч лет тому назад предки чеченцев научились добывать из руды медь, а позже выплавлять бронзу и изготавливать металлические предметы, оружие, а также предметы домашнего обихода.

Примерно три тысячи лет тому назад на территории Чечни начали выплавлять железо. Так, например, в Сержень-Юрте археологами найдена мастерская, где изготавливались наконечники стрел, ножи, шила. Такие же очаги были найдены в других районах Северного Кавказа, которые говорят о том, что Северный Кавказ стал в этот период одним из центров металлопроизводства.

Самыми любимыми предметами того времени у северокавказцев становятся бронзовые и железные топоры, красивые пряжки для широких поясных ремней, разнообразные браслеты, нагрудные украшения.

Расширение скотоводства и земледелия в горах вынуждает людей еще больше расселяться на равнине, по берегам Терека, Сунжи, Ассы, Фортанги, Аргуна, Аксая и другим рекам.

В земледелии широко пользовались орудиями труда: сохой, мотыгой, бороной, возделывались разные сорта пшеницы, ячменя, овса.

Ремесло же было посвящено изготовлению изделий из золота, серебра, а главным образом, оружия.

Из меди и бронзы изготавливались украшения для головных

уборов и одежды, сбруи лошади.

Восхищают своим изяществом серьги, браслеты, зеркала, раскопанные у селений Бамут, Бачи-Юрт, Сержень-Юрт, Харачой, Зандак, где при археологических раскопках найдено и много оружия.

Это, главным образом, бронзовые и железные мечи, наконечники копий и стрел, среди них есть и привозные вещи – бусы, подвески (украшения), амулеты, изготовленные из полудрагоценных камней (сердолика, стекла, фарфора, фаянса).

Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (конец 2-го и 1-я половина 1-го тыс. до н.э.) свидетельствуют о значительном уровне социально-экономического развития племен, наличии у них развитой металлургии меди, а затем и железа.

В раннем Средневековье большинство равнинных и часть предгорных районов Чечни входило в раннефеодальное государственное объединение – Аланию.

Сведения по истории чеченцев до XVI-XVII веков довольно скудны. Неблагоприятные природные условия и малоземелье тормозили развитие земледелия и скотоводства, ремесло было развито слабо. Хозяйство вплоть до XIX века сохраняло натуральный характер.

Низкий уровень развития производительных сил способствовал сохранению в течение длительного времени сильных пережитков патриархально-родового строя, а также патриархального рабства. На территории Чечни существовали отдельные роды (тайпы) и общины (в основном на равнине), объединявшие несколько тайпов. Пахотные земли, как правило, находились во владении семьи, пастбища, сенокосы и леса – во владении тайпов или общины. Каждые 2-3 года старейшины родов собирались на совет (кхеташо), на котором решались вопросы войны и мира, устанавливались нормы обычного права.

Феодальные отношения, зародившиеся в XVI веке, из-за условий жизни в городах затягиваются, отсюда отставание в социально-экономическом развитии от своих соседей: кабардинцев, кумыков, грузин и др. Поэтому чеченцы попадали в зависимость от соседних феодалов и до начала XIX века вели упорную борьбу с кабардинскими князьями и дагестанскими феодалами.

С конца XVI века чеченцы устанавливают добрососедские отношения с терскими казаками. В XVII веке русский гарнизон

вместе с чеченцами оборонял пограничные рубежи от иранских, турецких и татарских вторжений.

XVI – XX века (до 1917 года) обозначены интенсивной интеграцией чеченцев в военную, политическую и экономическую жизнь России. Так, в XVI – XVII веках русские гарнизоны и терские казаки совместно с горцами, в частности чеченцами и ингушами, защищали пограничные рубежи от персидских и турецко-крымских вторжений.¹

Чеченцы и ингуши устанавливают добрососедские отношения с гребенскими казаками. «Казаки, - писал историк Терского казачества И. Попко, - держались в своих гребнях, благодаря поддержке князей Нижней или Малой Кабарды, землю которых они прикрывали, и приятельским связям с соседними чеченскими обществами, из которых брали себе даже жен».²

Историки утверждают, что в период Кавказской войны чеченцы продолжали общаться с русскими, свободно переселяться в крепость Грозную.

К этому времени можно отнести начало взаимообмена духовными и культурными ценностями между чеченским и русским народами. Этот процесс усиливается по мере втягивания чеченцев в военную историю России, приобщения чеченских офицеров Царской армии к передовым демократическим идеям русской общественной и просветительской мысли в XIX начале XX века. Исследования, публицистика, активное участие в политической жизни России таких просветителей, как Умалат Лаудаев (автор исследования «Чеченское племя», 1872), Бек Саракаев («По трудобам Чечни», Владикавказ, 1413), Ахмет-Хан Мутушев (просветитель и общественный и политический деятель начала XX в.), герой Гражданской войны Асланбек Шерипов способствовали интенсивной интеграции чеченцев в общероссийскую политическую и культурную жизнь, началу процесса сложения национальной идентичности чеченского народа.

Веками соприкасаясь с русским народом, чеченцы познали его характер, нравы, убедились в миролюбии. Один из знатоков чечено-русских отношений прошлого Н. Семенов в конце XIX века писал: «Интересно, что русских они (чеченцы – М.О.) еще

¹ См. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР (с древнейших времен до наших дней). Грозный. 1967. Т.1. с.69.

² Там же. с.70

делят на настоящих и ненастоящих, к которым относят офицеров и чиновников нерусского происхождения. Настоящий русский – в этом они сильно убеждены – человек в высшей степени добрый, снисходительный, прямодушный и справедливый; настоящий русский никого и никогда не обижает, а напротив всем покровительствует... А много произошло бы на Кавказе не так, если бы побольше поселили этих настоящих русских...».¹

...Начавшиеся во второй половине XIX века преобразования в области образования в России, способствовали внедрению в чеченское общество образования и сохранения его культурного наследия.

ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ЧЕЧЕНЦЕВ

Нахские (или чеченские, ингушские и бацбийские) племена известны на Кавказе с очень давних времен. О древнейшем бытовании предков чеченцев на современной территории говорит и наличие собственных названий флоры и фауны, топонимики и гидронимики, ряда этногеографических понятий, отраженных в чеченском языке.

Особенность фольклорной поэтики чеченцев состоит в многочисленных попытках приписать появление их предков на Северном Кавказе из Передней Азии, в частности, из Сирии, а строительство высотных башен в горах связать с греками, которые известны чеченцам под этнонимом «джелт» - «грек» («джелти» - «греки»). Но научные данные свидетельствуют о том, что чеченцы являются коренными жителями центральной части Северо-Восточного Кавказа.

«Хевсуры, – писал царский офицер, – говорят вообще древним грузинским языком, но все живущие по северному склону Главного хребта, употребляют между собой кистинский (чеченский). И далее: «Вообще, чеченский и лезгинский языки следует считать за господствующие между всеми кавказскими горцами восточной части края»².

Чеченцы, ингуши и бацбийцы родственны другим народам Кавказа, имеют с ними много общего. Первые сведения о предках

¹ Там же. С.77.

² Зиссерман А.И. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. I. СПб., 1879. С.110.

этих народов встречаются в древних греческих, армянских, грузинских источниках и русских летописях.¹

В исторических документах они упоминаются под разными названиями: например, под этнонимами: мичкизы, буртели, шашане, нахчматьяне, шибутяне, кистинцы понимались чеченцы; под дзурдзуками, джейраховцами, назрановцами, макхалонами, цори – ингуши; под тушинцами/тушинами/вабой/ваьппий – бацбийцы; под панкиссами – представители кистинского диалекта, проживающие в Хасав-Юртовском районе Республики Дагестан.

В «Армянской географии», написанной в VII веке нашей эры, перечисляется 53 названия кавказских народов. Среди них встречаются «нахчиматяны», т.е. «чеченцы» («нахчи мотт» – чеченский язык), «кусты» («кисты» – от племенного названия «кей/кий, где «ст» – топонимический суффикс) – так называли горных чеченцев грузины (ср., например, М1аисты, Мелхисты – местности в горах, где проживали представители майстинского и мелхинского племен).

Последнее название, установившиеся за крупнейшим нахским народом – «чеченцы» – распространилось с XVII века от топонима «Чечен» – села Чечен-аул, находящегося в настоящее время в Грозненском районе Чеченской Республики.

При селе Чечен русское войско, участвовавшее в персидском походе под предводительством Петра I, впервые встретилось с племенами нохчий. На месте этого села в XIII веке была ставка татаро-монгольского хана Сечена/Чечена (ср. тюрк. «чечен» – «красноречивый, оратор»).

Этноним же «нохчий», как себя называют чеченцы, приводится первым историком из чеченцев У. Лаудаевым и связан со словом «нехч» – сыр, т.е. «нохчо» – «сыродел» или «потребитель сыров»², что, конечно, является малоубедительным, поскольку в

¹ См.: Шопен И. Новые заметки на древнюю историю Кавказа и его обитателей. СПб., 1866; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Ч. I. Грозный, 1967; Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978; Моравели Леонти. Жизнь картлийских царей. М., 1979; Путешествие Абу-Хамида ал-Гернати. М., 1971; Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963; Хицунов П. Сношение России с северной частью Кавказа // Газета «Кавказ», 1846. 20 апреля.

² Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып.4. С.4

искусстве изготавливать сыры чеченцам не уступали и другие народы Кавказа.

Заслуживает внимания и довольно интересная этимология данного этнонима на базе андийского языка, где «чи» означает «человек», т.е. чеч. «нах» («народ») + «чи» («человек»). Таким образом, «нахчи» представляют собой этноним из двух компонентов. Известно, что андийцы - одно из аварских племен, давние соседи чеченцев, граничившие с носителями древних чеченских диалектов – чеберлоевского и веденского. Страна Андия упоминается как соседка древнего государства Урарту.

На наш взгляд, этноним нуохчуо-нуохчий восходит к нуохчийчуо, т.е. букв. – место чеченцев.

В чеченском языке имеются названия племен, связанные с родом занятий: «дзумсой» – «племя, изготавливающее телеги» (дзум – «горная телега»), «нихалой» – «бражники, племя изготавливающее брагу» (них – «брага»), «бловлой» – «башенники, племя, занимавшееся строительством боевых башен» (блов – «военная башня»).

Носители третьей языковой единицы называют себя «бацав/бацба», чеченцы называют их «бацо» (мн.ч. «бацой»), соседние кистинцы – «вабо» (мн.ч. «вабой»). По мнению проф. Ю. Дешериева, этот этноним связан со словом «буц» – «трава».¹ По преданию, они пришли из Горной Ингушетии и считаются выходцами из Фяппи (так называлось общество Джейрах).

Интересно, что тушин, поклонявшихся божеству Туш, называют «туш-бацой» или «члагма» – «тушинцы», а поклонявшихся божеству Цлу – «цлу-бацой».

Причем нужно отметить, что Туш (ср. чеч. Тушоли) – «богиня деторождения», а Цлу – один из главных богов чечено-ингушского языческого пантеона. В начале прошлого столетия из-за наводнения бацбийцы переместились в Кахетию из четырех сел, расположенных в живописной Цловской котловине, называемой Цловата. По-видимому, как члагма – тушины (или тушбацой), так и грузинские племена пшавы и хевсур, учитывая мнение академика Н.Я.Марра, «грузинизированные племена чеченского народа».²

¹ Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык (фонетика, морфология, синтаксис, лексика). М., 1953. С. 9.

² Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с Юга и с Севера Кавказа //

Грузинские ученые Г. Утургаидзе и А. Чинчараули – исследователи горских диалектов грузинского языка Восточной Грузии – также отмечают их тесные исторические языковые связи.¹

Об этом говорит и лингвистический анализ этнонимов «пшавы» и «хеврусы», где «пша» по бацбийски «лед» (ср. чеч. – ша), «пшавы» – букв. «ледовики», т.е. «люди, проживающие у ледников», а «хевсуры» – «войско, стражники ущелья» (ср. чеч. «хе», кист. «хеу/хев» – «ущелье», «сур» – «войско»). С нахским языковым материалом увязывается и этноним «сваны», которых чеченцы называют «шоьной» (ед.ч. «шоьн»), (ср. инг. «шоьй», кист. «шуоно/суоно, своно»), где «шу/шоь» означает по-чеченски «холм, возвышенность, обрыв» (ср. «шутьто» – «шатоевец», житель горного района Чечни, «шу т1е», т.е. «на возвышенности»).

Что касается современных грузинских чеченцев-кистин, то они начали поселяться в Панкисском ущелье с начала XIX века, а возможно и раньше. Ныне они проживают в шести селах Ахметовского района Грузии.²

Нахско-картвельские связи далеко уходят вглубь истории. Согласно сборнику исторических сочинений грузинского народа «Картли Цховреба» и сведениям грузинского летописца XI века Леонтия Мровели, эти взаимосвязи начались в конце I тысячелетия до н.э.

В этих исторических документах нахи именуются дзурдзуками, страна которых локализуется на территории современной Чечни. По этим же источникам, первый грузинский царь Фарнаваз (III в. до н.э.) был женат на дочери дзурдзукского властелина. Впоследствии его сын Саурмаг использовал в борьбе с восставшими против него эриставами (князьями – **авт.**) отряды дзурдзуков (вайнахов – **авт.**), осетин и, разгромив с их помощью противников, утвердился на престоле.³

В I веке до н.э. дзурдзуки совместно с осетинами и лезгина-

Известия Императорской Академии наук. СПб. 1912. № 11.

¹ Утургаидзе Г.Ф. Некоторые особенности горских диалектов Грузии. Тбилиси, 1966; Чинчараули А.А. Грузинско-нахские сходжения в отраслевой лексике // Тезисы докладов. Вопросы отраслевой лексики иберийско-кавказских языков. Грозный, 1969 С. 24-25.

² Алироев И.Ю. Кистинский диалект чеченского языка // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Языкознание. Грозный, 1962. Т. 3, вып. 2. С. 87.

³ Шавхелашвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами Грозный, 1963. С.21.

ми принимают участие в войне с политическими противниками Иберии, а «в конце VI века правитель Картлии (часть Восточной Грузии) Гуарам нанимал осетин, дзурдзуков и дидойцев и вел военные операции против персов в районе Адарбагадана».¹

Между народами Северного Кавказа и Закавказья с древнейших времен существовали тесные взаимоотношения, – пишет академик Н.Бердзенишвили. – Они продолжали быть и тогда, когда политические и экономические могущества феодальной Грузии достигают своего наивысшего расцвета. Абхазские князья и цари объединенной Грузии в одинаковой степени стремились укрепить существующие взаимоотношения с северными соседями. Черкесы, осетины, дзурдзуки и глигвы все больше и больше принимают участие в создании одной феодальной монархии, так как народы Северного Кавказа не могли оставаться в стороне от исторического процесса. Последний период царствования царицы Тамары характерен тем, что все племена Северного Кавказа и Закавказья становятся вассалами Грузии и находятся под ее сильным культурным влиянием².

Замечательны христианские храмы, некогда построенные грузинскими миссионерами. Среди них выделяется своей оригинальностью и торжественностью грузинский христианский храм Тхаба-Ерды (XII в.), сохранившийся в Ингушетии. Здесь в конце XIX века еще хранилась рукопись-псалтырь на грузинском языке, которая в 1927 году была передана на хранение в Ленинград. Это говорит о взаимосвязи христианской Грузии с чеченцами.

Культурные центры в чеченском и ингушском нагорье, куда проникало и распространялось влияние Грузии, находились в Ассинском и Аргунском ущельях. Здесь сохранились древние христианские храмы. Архитектура и строительный материал их говорит о том, что в Средневековье одним из главных каналов, по которому в Чечню и Ингушетию приходило христианство, являлась Грузия.

В Южной Грузии, в частности, в Кахетии, а также Казбегском районе, и сегодня встречаются пшавы, хевсуры, тушины и грузины, которые признают себя потомками горных чеченцев, в Казбеги – Мальсагошвили, в Хорбло – Дашашвили, Маргошвили,

¹ Тогошвили Г.Д. Из истории грузино-вайнахских политических взаимоотношений во второй половине XVIII века // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный. 1964. Т.5., вып.1. С.150.

² Бердзенишвили Н. История Грузии. Тбилиси, 1959. С. 240.

в Тийнетском районе – Ковтарашвили, в Кварельском районе – Гарашвили и Таазашвили, в селе Чабано – Ганиашвили, Кистаури, а также Кистишвили, Апбуташвили, Таугавири из села Кимхи, Ликолели из Хевсуретии. «В Муцо, – писал А.Зиссерман, – жители нескольких семей кистин, переселившихся сюда, скрывались от преследования кровомстителем. Один из переселенцев – Лабуро».¹

Сами Тушины, говоря о Перекительской Тушетии, отмечают, что значительная часть ее населения по происхождению кистины. «Как рассказывал тушин Саба Цадзикадзе, несколько поколений предков, которые родились в Парсме, жители этого села знали кистинский язык, а дети вплоть до последних лет в игре дже-ракваоба (тип нардов), сохраняли чеченский счет»².

Отдельные же чеченские тайпы и сегодня не забывают о своем грузинском происхождении. Например, представители тайпа чартой в Чечне (ср. топоним «Чартапы» в Кахетии) (ср. груз. «картавелы» - грузины) утверждают, что они ведут свое начало от пришлых, переселившихся в горы, грузин.

Таким образом, связь кистин с Грузией уходит далеко вглубь истории. Одинаковые географические и экономические условия, совместная жизнь, близость адатов, суровый образ жизни всегда сближали кистинов, пшавов, тушин и хевсуров. Именно благодаря такому дружественному отношению со стороны этих исторических «стражников» горных районов Грузии, кистины без опасности могли поселяться в Кахетии.

Позднее, в период Кавказской войны, когда началось массовое поселение чеченских горцев в Панкиссии, переселение из горной Чечни поощрялось царским правительством. По рассказам кистин старшего поколения, царское правительство всевозможными средствами вербовало из переселившихся в Кахетию чеченских горцев боевые отряды, переводчиков и использовало в борьбе против их «мятежных» братьев в горах, и особенно в борьбе против Шамиля.

В настоящее время носители кистинского диалекта являются выходцами из двух горных районов Чечни – Итумкалинского и Галанчожского. Здесь мы встречаем майстинцев, эрстхоевцев,

¹ Зиссерман А.И. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. I. СПб., 1879. С. 112.

² Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 175-178.

мелхинцев, горноаккинцев, хильдиехароевцев, терлоевцев, харочоевцев. Надо отметить, что основную массу кистин составляют представители галанчоожского диалекта, подразделяющегося на майстинский, мелхинский, аккинский и эрстхоевский говоры.

Профессор А. Н. Генко, побывавший в 1926 году в Кахетии, писал: «Руководствуясь материалами лингвистической анкеты, производившейся в связи с первой переписью 1897 года, и записями, произведенными в 1926 году в Кахетии, мы получаем следующую картину распределения диалектов: кроме джераховцев, языком имеющих некоторые существенные фонетические, морфологические, лексические особенности, характеризующие ингушский язык, в отличие от прочих чеченских наречий, говорят.... 3) так называемые (по-грузински) кистинские общества верховьев Аргуна, в частности, общества Саханойское (Мелхинское – авт.) и Маистское (Маистинское – авт.) бывшей Тифлисской губернии и Хильдиехароевское Аргунского округа. В сравнительно недавнее время (XIX век) из указанных обществ выселилось в Панкисское ущелье (верховья кахетинской Алазани), небольшое количество кистин, образовавших селения в Джаколо (Жокъалаюрт) и Дуйсопели (Дувюрт) и занявших селения Омоло, Хорджа (Хорджаниз) и другие.

По сведениям Радде, собранным в 1876 году, кистины имелись также в тушинском селении Чиго (Дартлоское общество), в грузинском селении Зенамхари (Земо-Тионетское общество) и в селениях Бахтриони и Хорбало.

В настоящее время встречаются они же в таких грузинских селениях Кахетии, как Артана (Напереульского общества), Ахметы и др».¹ Но сегодня в вышеуказанных селах – Чиго, Артана, Зенамхари, Бахтриони и Хорбало – кистов уже нет. Они полностью ассимилировались с грузинами.

Обширная топонимика, имеющаяся на территории Северной Грузии, также говорит о массовом распространении кистин. Помимо вышеназванных кистинских сел встречается масса топонимов чеченского происхождения. Часто топонимы и гидронимы состоят из двух компонентов, один из которых обычно грузинского происхождения.

К юго-западу, например, от Дуиси расположено село

¹ Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. П., 1930. Т. 5.. С. 683.

Бларашчу – букв. «место орехов» (груз. К1ак1лияни – Коклияни), а также Ковшкие (кист. «верх, возвышенность»), груз. Кварецхали («Ковшские»). По преданиям кистинцев, в период их поселения в Кхорбало (груз. Хорбало) там находилась гора, на которой росло много грушевых деревьев (кист. «кхор» – «груша», а «бало» по-грузински «гора»). Илли-юрт (кист. «илли» – «песня» + «юрт» – «село») – небольшое село, находящееся в горах Грузии, где раньше проживали кистины.

«В горной Тушетии и Панкиссии встречаются топонимы чеченского, ингушского, бацбийского происхождения: Ц1аро (бац. «Ц1аро»), Ц1овата (бац. «Ц1овата»), Индурга, Сагирта, Этельта, Мозарта.... Это топонимы более позднего происхождения... В горной Тушетии бацбийцы основали село Ц1аро. Название этого села происходит от общенахского слова «ц1а» – дом; «Ц1аро» – форма исходного падежа с флексией «-о», возникшей позже под влиянием грузинского языка. «Ц1аро» для бацбийцев – родина их предков. Летом значительная часть бацбийцев направляется вместе с детьми в горы, чтобы отметить там один из своих местных праздников. Из-за того, что село Ц1аро расположено на крутом склоне горы, приезжие на праздники останавливаются в живописной котловине Цовата (от слова «ц1а» – «дом»).... Более древнего происхождения наименования населенных пунктов в Горной Тушетии, от большинства которых в настоящее время сохранились только одни развалины: Хисо, Дик1ло, Ч1иг1о, Ч1ешо, Ч1онт1ио (бац. Ч1онт1), П1арсма (бац. Пхьарсма). В настоящее время трудно объяснить происхождение названий этих сел. По народной этимологии тушин Хисо, например, происходит от нахского слова «хи» – «вода» (недалеко от этого населенного пункта протекает река); Дик1ло – от нахских слов «дик1» – «топор» + «ло» – «дает». Поводом для такого объяснения происхождения этих слов могло послужить почти одинаковое звучание указанных слов»¹.

С нахскими языками связаны и многие названия гор, рек и ручейков на территории современной Грузии. Гора Сакисто – Кистетия, т.е. Чечня, где «са» – собирательный префикс в грузинском языке + «кист» + «о» – суффикс (ср. «Сакартвело», т.е.

¹ Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. Грозный, 1963. С. 27, 62.

«Грузия»). Название этой горы связывается кистинами с тем, что через эту гору проходили обычно горные чеченцы, когда совершали набеги на Грузию. По преданиям, на этой горе они отдыхали и делили добычу.

Торхнаждар – гора в горной Кахетии, где «торх//тарх» - по-кистински «скала», а «наждар» – «стоянка овец». Здесь проводят почти все лето жители Кахетии, занимающиеся скотоводством. По этимологии кистин, место так называется потому, что в окрестностях много дубовых деревьев («наж» - «дуб» + «дар» – «есть»). Причем, это слово имеется и у бацбийцев. Кроме того, оно широко употребляется и грузинами, проживающими в Кахетии (груз. «наждари»).

Бабейнаждар – гора, где по преданиям останавливал и пас баранов один из знатных кистин Бабей, имеющий несметное количество овец.

Хорджанлам («Хорджан» - имя собственное + «лам» - кист., чеч. – «гора») – гора, расположенная близ бывшего аккинского села Хорджане, жители которого позже переселились в Панкисское ущелье.

Іешкилам («Іешк» – по кист. «железо» + «лам» - «гора») – название горы, по рассказам кистин, связано с тем, что в ее недрах встречается железняк.

Массарехлам (кист. «гора серн») – по словам кистин, на этой горе в прошлом обитало большее количество серн.

ЧІонтло/ЧІонтио – гора, расположенная в верховьях Алазани (ср. ЧІанти-Аргун – река в Центральной Чечне).

Кроме того, встречаются в Кахетии и гидронимы, часто состоящие из двух компонентов – грузинского и чеченского. Как правило, к грузинскому топониму добавляется слово «хи» – «вода»: Махвал-хи, ЦІипцан-хи, Полашан-хи, Арго-хи, Хайр-хи, БлацІар-хи – названия притоков Алазани. Что касается топонимов Арго-хи, то они чисто нахского происхождения. «Арго» восходит к слову «Аргун» - река центральной части Чечни, «хайр» (кист., чеч., инг.) – «мельница».

Часть гидронимов, как правило, имеют свои грузинские параллели: Махвал-хи (груз. Махвалис-Цкъали, где Цкъали по-грузински «вода»), ЦІипцан-хи (груз. ЦІипцованис-Цкъали) и др.

Грузинские легенды, сказки, песни, обычаи и многие другие этнографические параллели говорят о наличии связей между гру-

зинскими и чеченскими горцами.

Переселение чеченцев в Кахетию, видимо, носило в различные эпохи постоянный характер. Не исключено, что наши предки очень часто, в периоды перемирия, устремлялись в плодородные долины как Терека на севере, так и Алазани на юге, обосновывались, обзаводились хозяйством, но опять-таки, теснимые более могущественными соседями или ордами пришельцев, вынуждены были снова уходить в тесные ущелья, где их не мог настичь и истребить безжалостный враг.

В 1801 году после смерти царя Картлии-Кахетии Георгия XI, унаследовавшего престол царя Ираклия II, грузинское царство утратило свою независимость в связи с присоединением его к России, а в начале XIX века на всей территории Западной Грузии устанавливается владычество России.

В 1812 году, воспользовавшись недовольством населения эксплуатацией царских чиновников и местных князей, разразившимся голодом и свирепствовавшей в Кахетии чумой, наследник царского престола Александр Ираклиевич поднял широкие массы населения на борьбу с царизмом. Через несколько месяцев прибывшие карательные отряды под начальством генерала Симоновича жестоко подавляют это восстание.

В нем активное участие наряду с грузинами (хевсурами, пшавами) принимают и кистинцы. Жестокое подавление восстания, разорение хевсурских, пшавских и кистинских сел заставляют многих кистин снова уйти в горы к своим соплеменникам.

Карательными экспедициями царских сатрапов Симоновича, Цицианова были сожжены и уничтожены многие поселения кистин в Северной Кахетии. Свободолюбивые горцы наряду с грузинами, поселившимися в Кахетии, подвергались всяческому поборам, частым притеснениям со стороны местной администрации и князей. Многие не желали принимать насильственно насаждаемого христианства.¹ Об этом говорят не только исторические факты, но и ряд преданий.

«И сатрап царя-тирана, чтобы губить и вешать нас, Цициани - князь грузинский – ехал с войском на Кавказ», – поется в гру-

¹ См.: Месхиа 111. А. История Грузии. Тбилиси, 1968. Мааров О. Восстание в Кахетии в 1812 году. Спб.-М., 1851; По поводу документов, публикуемых в статье Г.Д. Гошвили Из истории грузино-вайнахских политических взаимоотношений во второй половине XVIII века, см.: Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1964. Т. 5, вып. 1. С. 146.

зинской народной песне.

Не менее сложной была история заселения чеченцами и ингушами северных равнинных территорий. В Северном Предкавказье перебивало в течение тысячелетий множество кочевых и некочевых народов (скифы, сарматы//савроматы, аланы, гунны, хазары, печенег, половцы, монголы, татары, калмыки), которые, безусловно, оставили след в истории чеченцев и ингушей. В связи с этим приведем интересную чеченскую легенду «Об изгнании калмыков из Чечни», подтвержденную некоторыми документами. В легенде говорится о том, как калмыки (пришедшие, как известно, из Северного Китая в XVI веке) заняли почти всю чеченскую плоскость, оттеснив ногайцев. Ставка исторически известного Аюкхана находилась в чеченском ауле Элстанжа (ср. Элиста – столица Республики Калмыкия). В середине XVIII века чеченцы решили избавиться от калмыков, но рассчитав свои силы, и, убедившись в невозможности победить их в бою, они пошли на то, что выдали за калмыцкого хана самую красивую девушку, чтобы он со своим кочевьем ушел в Астраханские степи. Хан согласился на этих условиях удалиться.

В конце XVIII века побывавший в Астрахани граф Ян Потоцкий¹ встречал эту пожилую чеченку – калмыцкую княгиню. Вот как описывает он эту встречу:

«Как я уже говорил о жителях Кавказа, то прибавлю, что я много их видел в Астрахани и между прочим одну чеченскую княжну: война принудила ее удалиться в этот город. Она довольно хороша и довольно образована по-своему, т.е. она знает турецкий так, как на нем говорят в Персии»².

Здесь, на наш взгляд, важно его сообщение о реальности княжны, которая своим браком с калмыцким ханом отвела кочевья калмыков в Астраханские степи.

Современные историко-лингвистические исследования о

¹ Граф Ян Потоцкий (1761-1815) – историк, географ, этнограф, археолог, почетный член Российской Академии наук, представитель крупного польского магнатства графов Потоцких. Получил образование в Женеве и Лозанне, был членом польского сейма. После падения Польши переселился в Россию. Много путешествовал – был в Италии, Сицилии, Мальте, Испании, Тунисе, Марокко, Греции, Константинополе, Египте, Персии. Им было предпринято путешествие на Кавказ, он прошел от Москвы на Царицын, Астрахань, от Астрахани – на Кизляр, Моздок, Георгиевск, Тамань, а также из Кизляра – в Дагестан, в Кабарду, Ищеру, Калиново, Наурскую и т.д.

² Северный Архив № 2. Путешествие графа Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году. СПб., 1828. С. 256-257.

чеченцах подтверждают сведения древнейших и новейших источников об интенсивной торговой связи между народами Закавказья и Северного Кавказа даже в самые трудные периоды истории, ибо отсталое натуральное горское хозяйство, сохранившееся вплоть до нашего века, не могло обеспечить все потребности горцев в одежде, оружии и т.д. На продукты животноводства чеченцы обменивали (в частности, в Грузии) предметы домашнего обихода, ткани, ремесленные изделия и другие товары. Об обширных торговых связях, знакомстве чеченцев с известными торговыми путями говорит и наличие в их языке топонимов южной России, Приволжья, Закавказья, Передней и Средней Азии и даже Индии. Уместно тут вспомнить и широко бытовавшее у чеченцев выражение: «Сиккам г1ойла хьо» – «Да уходи ты хоть в Сикким»¹.

Огромный удар сложившимся нахским взаимосвязям с соседями в раннем Средневековье как на севере, так и на юге, был нанесен татаро-монгольским игом. На долгие годы, осевшие на Кавказе кочевые орды татар и монголов превращали города и села в развалины, вырубали сады и виноградники, истребляли трудоспособное население. В этих условиях сплоченность горских народов с народами Закавказья являлась решающим фактором в вопросе самосохранения. В горах Чечни сохранились крохотные террасы земельных участков, огромные труднодоступные каменные башни, где могли при приближении врага прятаться члены семьи вместе с имуществом и скотом, жестокость татаро-монгольских правителей, отраженная в устных преданиях вайнахов, говорит о горькой участи, которая выпала на их долю.

Накапливается все больше данных об исторических связях нахских, адыгских и дагестанских народов как с народами Передней Азии (протохеттами или халами, хурритами, урартами), так и проживавшими на Кавказе народами Албании. Некоторые ученые прямо говорят об этом родстве: «родство нахско-дагестанских языков с хуррито-урартами в настоящее время считается уже доказуемым»², и «хурритский и урартский языки счи-

¹ Сикким – княжество, расположенное в северной части полуострова Индостан, исторически известное своим шелководством.

² Чикобава А.С. Проблемы родства иберийско-кавказских языков // Тезисы докладов национ. конференции. Историко-лингвистические связи народов Кавказа. Махачкала, 1965. С. 7.

тались родственными языками»¹, «... по характеру эргативности урартский ближе к бацбийско-кистинско-дагестанской группе, чем к картвельской... По степени развитости склонения урартский ближе к картвельским...»².

Ряд историков подтверждают широкие языковые связи урартийцев и вайнахов³.

Древнегреческие, римские, византийские, армянские, грузинские и арабские источники относят существование Албании (или Агвании) с IV века до н.э. по VII век н.э., вплоть до завоевания Закавказья арабами. Тайна албанского письма почти не разгадана, за исключением отдельных слов. Однако до нас дошел албанский алфавит, состоящий из 52 букв, обслуживавший, вероятно, один из кавказских языков. По отзывам армянских хронистов, язык албанцев был грубым и гортанным. О строе албанского языка, его лексике и грамматике почти ничего не известно, за исключением небольшого количества слов – личных имен, топонимов и этнонимов, сохраненных у Плиния, Птолемея, Плутарха и других античных информаторов⁴.

По словам Страбона, албанская народность образовалась из 26 племен, где каждое племя имело свой язык и своего вождя. Однако, по сообщению этого же Страбона, «у албанов выдающиеся цари, ныне один царь над всеми властвует: прежде каждое племя имело свой язык, имело своего царя. Переписка албанского царя Оройса с Гнем Помпеем, о которой говорят римские источники, подтверждает мнение ученых о наличии у албанцев арамейско-понтийской письменности.

О культурно-экономическом положении и могуществе этого государства говорят археологические памятники и сообщения о войнах албанов против римских консулов Лукулла, Помпея, Ан-

¹ БСЭ. Т. 28. С. 425.

² Браун И., Климов Г. Об историческом взаимоотношении урартского и кавказских языков // Тезисы докладов. Тбилиси, 1954. С. 50-51.

³ Государство Урарту было расположено на территории современной Армении и отчасти Турции и Ирана. Оно просуществовало почти 300 лет (конец IX – начало VI вв. до н.э.). Это самое древнее государство на территории СССР. См. об этом подробнее: Марр Н.Я. Язык клинописных надписей на основе яфетического языкознания. Л., 1935; Меликишвили Г.А. Урартские клинописные надписи. М., 1960; Урартские клинообразные надписи. Тбилиси, 1960; Мещанинов И.И. Аннотированный словарь урартского языка. М.-Л., 1978; Джаукян Г.В. Взаимоотношения индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967.

⁴ Тревер Е.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959.

тония. Так, например, в период первого похода Помпея в Закавказье в 65 году до н.э. когда он, преследуя понтийского царя Митридата, столкнулся с албанцами, албанский царь Оройс выставил против римлян конное и пешее войско в 40 тысяч человек.

С проникновением христианства в Албанию, армянским просветителем Месропом Маштоцом был составлен алфавит на основе наречия гаргарского. Известный армянский историк Моисей Хоренский писал: «Месроп... создал письмена говора гаргарского, богатого гортанными звуками, грубого, варварского, в высшей степени нескладного»¹.

Армянская историческая хроника сообщает о том, что Месроп Маштоц, придя в страну албанов, содействовал возрождению научных знаний, возобновлению алфавита и, оставив у них так же, как в Армении, наставников (варданетов), вернулся в Армению. Далее хроника сообщает, что Месроп Мештоц в течение своей жизни, обучал новым письменам во всех частях Армении и в стране «албанов», до распространения в этой стране современного алфавита арабов. Сообщения армянской хроники о «возобновлении алфавита» и «возрождении научных знаний», говорят о существовании албанской письменности.

Албанский алфавит Маштоца просуществовал три столетия.

В 1886 году Н. Карамянц списал с армянской рукописи VI века приписку в две строчки с пояснением, что она сделана на албанском языке. Но, как оказалось впоследствии, албанскими буквами был написан армянский текст. Ему удалось отождествить 21 букву албанского и армянского алфавитов.

Народ – албаны – в разных источниках назывался по-разному, причем некоторые народы, входившие в албанскую государственность, имели свое собственное название. В античных источниках этот народ именовался «албаны», в армянских – «алуанты», в грузинских – «эры», у Плиния в составе албанского государства упоминается народ – «удины». Страбон говорит о «гаргарах», Моисей Хоренский упоминает о стране Гаргараци (V век н.э.). В армянских источниках, кроме того, сказано, что царь армян Арташес I (189-160 гг. до н.э.) присоединил к Армении ряд соседних областей, в том числе и правобережье Куры, где обитали шаки, утины и гаргары – албаны. Согласно письменным ис-

¹ Моисей Хоренский. История Армении. М., 1893. Кн. 3. Гл. 54.

точникам, страна была населена многочисленными народами и племенами, часть из которых, по-видимому, родственна народам северо-восточного Кавказа, а самое большее племя – албаны – вероятно, дало обобщающее название государству Албания. Советские ученые ряд этнонимов Албанского государства отождествляют с современными этнонимами и топонимами народов Кавказа. Так, например, по мнению Е. И. Крупнова, гаргары Албании – предки вайнахов, ибо слово «гаргара» (ср. чеч. «гергара») на чеченском языке обозначает «соседний, близкий, родственный»¹. Упоминаемые же у Плиния удины сохранились и сейчас в небольшом селе на границе Азербайджана и Дагестана и говорят на удинском языке, относящемся к лезгинской группе языков.

«В Британской энциклопедии было высказано предположение о лезгинском происхождении албанцев» – сообщает Ю.Д. Дешериев. Аналогичной точки зрения придерживаются Р. Вейнхольд и Д. Трейде, утверждающие, что древние кавказские албанцы приняли участие в образовании современных народностей Дагестана. Ю.Д. Дешериев название страны Албания связывает с современным названием сел в Ахметовском районе Грузии – Верхнее и Нижнее Алвани. Они располагаются на алванском поле, приблизительно на том месте, где встречались войска Помпея и Оройса. «По преданию бацбийцев, – пишет Ю. Д. Дешериев, – рассматриваемое место получило свое название в связи с тем, что там была резиденция какого-то царя, феодала или князя: от бацбийского (общенахского) слова «ал» (бац. ала, чеч. «эла», инг. «аьла») – «князь», «феодал» и «в-а» – есть (где «в» – префикс класса мужчин). Таким образом, слово «Ал-в-а-н» означает «князь» (феодал) есть...»² Древние греки слово «Албан» произносили как «Алван».

В 1995 году в Махачкале вышла книга Я. А. Ярамова «Алупанская (кавказско-албанская) письменность и лезгинский язык», где автор пытается поставить точку над дешифровкой албанского языка. «Хотя подавляющее большинство лингвистов относили албанский язык к современной лезгинской группе кавказских языков, ни один из дешифровальщиков, как ни парадоксально, не

¹ Крупнов Е.И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961. С. 42.

² Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков... Грозный, 1963.

взял за основу современный лезгинский язык для раскрытия тайн албанских письменных памятников», – пишет автор. Первая же попытка дешифровки албанской письменности на основе лезгинского языка, сделанная автором настоящей книги, увенчалась успехом. Прояснились все до единой не только мингечаурские надписи, не только названия букв албанского алфавита, но легко прочитывались и другие письменные памятники, считавшиеся кавказско-албанскими. В последнее время обнаружены фотокопии 50 страниц одной книги, написанной албанской графикой.

Вот некоторые фрагменты этой книги:

Исследователи русско-нахских исторических контактов возводят эти связи еще к XI веку – с Тмутараканским княжеством на полуострове Тамань.¹ Но раскопки советских археологов на Киевщине и Северном Кавказе и найденные при этом предметы материальной культуры говорят о еще более древних связях предков чеченцев с населением Восточноевропейской равнины, так как территория Северного Кавказа с древнейших времен находилась на скрещении торговых путей, связывающих Запад и Восток, северные области с Югом.

«История Северного Кавказа богата фактами, подчеркивающими крупнейшие культурные достижения населения этого края, особенно явные в позднебронзовую эпоху. Жизнь населения северных областей, в силу природных (географических, климатических) условий, отличалась в древности более медленными темпами развития, и поэтому, естественно, Северный Кавказ по отношению к Европейской равнине в эпоху бронзы играл роль передового района»², – писал Е. И. Крупнов.

Предки современных нахских народов еще в глубокой древности контактировали с другими древними обитателями Северного Кавказа, а также со славянами и народами Закавказья, а через них – и с другими народами, устанавливая военные, культурные и торгово-экономические связи. Об этом говорят многочисленные древнейшие источники и сохранившиеся названия

¹ См.: Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» // Известия ЧИНИИЯЛ. Языкознание. Грозный, 1959. Т. 1, вып. 2. С. 120-167; Гриценко Н.П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1965; Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI – начало XX века) // Известия ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1963. Т. 3, вып. 1. С. 22-51.

² Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

нахских племен у этих народов: гаргареи Страбона, глигви, кисты, кусты, дзурдзуки, двалы, буртасы и др.

Исторические документы сообщают также, что князь Святослав, опустошив царство хазаров на Дону, простер свое оружие до гор Кавказа, затем разбил во второй половине X века ясов и косогов (осетин и черкесов) и утвердил господство Киевской Руси на берегах Кубани. Известно, что князьями русскими основывается на полуострове Тамань княжество, столицей которого Мстислав Удалой, победивший в единоборстве косожского богатыря Реддею, избирает Тмутаракань.

Безусловно, связи славян с кавказскими народами наблюдаются в этот период не только на западе, но и на востоке Северного Кавказа. Правда, эти связи не носили постоянного характера. Этому сначала мешали ранние кочевые племена, а позже – кипчаки и половцы, осевшие на Северокавказских равнинах и постоянно вступавшие в военные конфликты как с русскими, так и с народами Северного Кавказа.

И все же, несмотря ни на что, чеченцы в какой-то степени сохраняли связи с Древней Русью. Об этом говорит и проф. Д. Д. Мальсагов, утверждающий, например, что кипчак Овлур, способствовавший побегу князя Игоря из половецкого плена, был вайнахского происхождения.¹

В XIII веке русско-нахские контакты на целые столетия прерываются нашествием татаро-монгольских орд. С разгромом Золотой Орды и с падением в середине XVI века Казани и Астрахани, связи с Русью постепенно восстанавливаются.

Первыми официальными дипломатическими связями с Московской Русью можно считать приезд в 1588 году в Москву чеченских послов, направленных окоцким владельцем Ших-Мурзой, обосновавшимся вместе со всеми людьми у крепости Терки.

С начала XVI века на Тереке появляются казаки, а с середины XVI века здесь закладывается ряд крепостей с гарнизонами. Рядом с крепостями располагаются слободки горских народов, в том числе и окоцкая слободка у крепости Терки.

Гарнизон Терского городка не только охранял границу, но и отправлял царских послов, направляющихся из Москвы в Персию, Грузию, а также обратно. Так, например, «при проезде в

¹ Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» // Известия ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1959. Т.1, вып. 2.

Грузию в 1651 году царского посланника Толочаникова и дьяка Ивлева вместе с грузинскими и имеретинскими послами из Москвы, в провозатые от города Терека были выделены 60 конных стрельцов, 30 человек новокрещен, да 30 окочень»¹.

В этот период происходит массовое переселение чеченских племен на плоскость и заселение присунженских плодородных земель.

В период знакомства европейцев с Северным Кавказом над частью вайнахов будто бы господствовали кабардинские, кумыкские и дагестанские феодалы. Позднее многие исследователи социально-экономического строя Чечено-Ингушетии часто основывались и на информации самих вайнахов, категорически отрицавших наличие у них в прошлом господствующего сословия.

И действительно, почти весь чеченский фольклор насыщен сценами борьбы представителей народных масс Чечено-Ингушетии против феодалов всяких мастей. Князья и феодалы наделены отрицательной характеристикой в пословицах, поговорках («Элин къант аганара ма г1оттийла, берзан к1еза 1уьргара ма долийла», – «Пусть сын князя не встанет из колыбели, пусть из норы не выползет волчонок») и в преданиях вайнахов. Так, например, одно из ингушских преданий говорит о попытке ингушей избрать себе некогда князя.

«Собрались, говорят, на плоскости ингуши из всех тайпов и решили избрать князем самого почетного и умного мужа из знатного ингушского тайпа по имени Малсаг. «Как же, рассуждали они, у дагестанцев, осетин, кабардинцев есть свои князья, а у нас их нет?» И послали они нарочных срочно за Малсагом.

Вскоре явился Малсаг, восседая на осле, подпоясанный веревкой (что считалось у ингушей самой крайней бедностью), и, выслушав стариков, сказал: «О, ингуши! Посмотрите на меня, вы все меня хорошо знаете. Достоин ли я ездить на осле и быть подпоясан веревкою? Нужно ли мне это? Нет, конечно! Вот так и не нужен князь ингушам». Все присутствующие, говорят, поддержав его, разошлись по домам».

В силу ограниченности жизненного пространства в горах, скудности горского хозяйства и малоземелья, особенно в период блокирования ущелий кочевниками-завоевателями, закрывавши-

¹ Потто В.А. Два века терского казачества. Владикавказ. Т. 1. С 27.

ми выход на плоскость, чеченцы должны были постоянно противодействовать дифференциации общества во имя сохранения.

Еще на памяти старшего поколения горцев, до революции, действовал давний закон, направленный против имущественной дифференциации горных чеченцев – «байтал ваккхар» (букв. – «разорить, пустить по миру»). Он заключался в том, что общество отбирало все имущество, скот у разбогатевшего односельчанина и делило все собранное между членами аульского общества.

Однако, следующий мирный промежуток в истории снова способствовал появлению у чеченцев небогатой специфической горской феодальной верхушки.

В этой связи заслуживает внимания довольно ценное замечание А. И. Робакидзе и М. О. Косвена: «Незнание фактического материала и неправильный методологический подход, – пишут они, – приводили подчас к полярно противоположным выводам относительно характера общественного строя горцев Кавказа. Одни исследователи старались найти, например, у хевсур «затянувшийся процесс разложения родового строя» или даже «дородовые производственные коллективы», другие искали у горцев Кавказа «сводную республику». Попытка доказать наличие в прошлом у тех же хевсур рабовладельческой формации древневосточного типа, хотя и занимает промежуточное положение между этими крайними точками зрения, так же, как они, далека от истины. Общественный быт многих народов горного Кавказа XIX века представлял собой сложный конгломерат различных укладов; ведущим из них был не «затянувшийся процесс разложения родового строя» (и об этом писал еще Н.Хазанашвили), а так называемый горский феодализм, в свое время начавший складываться в процессе разложения общинного строя».¹

Лексические данные также говорят о давности в Чечне рабства, правда, рабы среди самих чеченцев встречались довольно редко, и рабы-иноплеменники и ясыри – чаще. Рабы подразделялись на «лай» – собственно раб и «ясыр» – пленник. Ясыром же называли захваченного в бою пленного, превращенного затем в раба. Причем, по свидетельству исследователей, «едва ли даже в древней Греции работорговля имела такое широкое распространение, как в XVI, XVII и даже в XVIII веках на Кавказе».²

¹ Робакидзе А.И., Косвен М.О. Советская этнография. М., 1965. С. 192-193.

² Тотоев Ф.М. Развитие рабства и работорговли в Чечне // Известия ЧИНИИИЯЛ. Гроз-

Вот как описывал царский офицер Ю. Шидловский группу рабов на Ясырь-Базаре в Кизляре: «Бледные, желтые, тощие, покрытые грязными лохмотьями, босиком, бывало, стоят эти несчастные, жалобно смотря на проходящих и сами напрашиваясь на купцов. Часто сын находил здесь отца под лоскутами бурки в женских шароварах; муж встречал свою жену, наряженную в солдатские рейтузы, закрывавшую волосами остальные части тела»¹.

На протяжении всей Кавказской войны царские генералы и офицеры, огнем и мечом подавляя любое освободительное движение горцев Кавказа, занимались торговлей пленными горцами, служившей одним из источников их дохода. Об этом не упоминалось в трудах официальных историков царизма.

Так, например, в 1823 году генерал Вельяминов, один из «гуманных» ближайших помощников Ермолова (сторонник последнего в осуществлении политики жестоких репрессий против горцев, проводивший, как и Ермолов, беспощадные карательные экспедиции), учинив кровавый погром, благословил продажу караногайцам двух тысяч пленников, захваченных в боях в Чечне.²

В одном из посланий надтеречным чеченцам Ермолов прямо предупреждал: «Малейшее неповиновение, набег или грабеж, и ваши аулы будут разгромлены, семейства распроданы, аманаты повешены», а в случае причастности самого аула – «деревня истребляется, жен и детей вырезают».³

Майор Якубович, известный «гроза горцев», освобождал пленных за определенную плату. В период экспедиции в Большую Кабарду были захвачены в разгромленном ауле более тысячи голов скота и 149 пленных. На вопрос: «Что делать с пленными?» тот же Вельяминов приказал: «Жен и детей разменять на наших, а тех, кои за разменом оставаться будут, и мужчин отдать казакам в услуги»,⁴ говоря точнее – отдать в рабство. Генерал Ермолов (по словам друга Пушкина и Грибоедо-

ный, 1958. Т. 8, вып. 1. С. 193

¹ Шидловский Ю. Записки о Кизляре // Журнал Министерства Внешних дел. СПб., 1843. Ч. IV. С. 180.

² О движении горцев под руководством Шамиля // Материалы сессии Дагестанского филиала АН СССР 4-7 октября 1956 г. Махачкала, 1957. С. 197.

³ Кавказская война. СПб., 1887. Т. 2, вып. 1. С. 94-95. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. 3. Ч. II. С. 40.

⁴ Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис. 1904. Т. 3. Ч. II. С. 40.

ва, декабриста В. К. Кюхельбекера) на Кавказе «продавал пленниц по рублю за штуку». Достоверность этих слов не подлежит сомнению, так как Кюхельбекер в те годы служил при штабе Отдельного Кавказского корпуса, которым командовал все- сильный «проконсул Кавказа» Ермолов.¹

В одном из первых своих рассказов Л. Н. Толстой, осуждавший жестокую и бессмысленную Кавказскую войну со свойственной ему реалистичностью, нарисовал картину взятия чеченского аула и предания его огню и мечу. Вот как в рассказе «Набег» генерал, улыбаясь, дает «добро» на грабеж:

« – Ну что же, полковник, – сказал он – пускай их жгут и грабят; я вижу им ужасно хочется...»

В таких случаях торговлю пленниками начинали тут же, буквально после очередного погрома или боя.

Рабынь-наложниц «из азиатцев» содержали офицеры и генералы царской армии. Ермолов сам подавал им пример в бесцеремонном обращении с местным населением. Та, для утехи Ермолова, по его приказанию из аула Акуша (в Северном Дагестане) была похищена и насильственно увезена от мужа недавно вышедшая замуж красавица Тотай.

По свидетельству академика А.П. Берже, кроме Тотай Ермолов имел еще Сюйде, Султанум. Генерал Пулло насчитывал у Ермолова шесть таких пленниц, а фактическое же их число покрыто мраком, так же как и массовая торговля военнопленными из числа горцев.

В первой половине XIX века думается, по всей Чечне не было продано или куплено столько пленников-рабов, сколько с благословения генерала Вельяминова их было продано только после одной упомянутой экспедиции против чеченцев.

Согласно «Положению от 17 мая 1835 года», торговля невольниками-ясырями царским правительством была запрещена как «несвойственная по российским законам». Тем не менее, спустя десятилетия это зло не было до конца искоренено².

Рабы – холопы имелись и в казачьих станицах Кубанского и Терского казачьего войска. Даже в пореформенный период царское правительство вынуждено было специально заниматься их

¹ Берже А.П. Алексей Петрович Ермолов и его кебинные жены на Кавказе (1816-1827) // Русская старина. СПб., 1884. Кн. IX. С. 524-528.

² «Положение от 17 мая 1835г.» С. 3. Т. 9. 1842. С. 915.

положением В 1864 году отдельным предписанием правительства предлагалось освободить всех «холопов-азиатцев» (горцев), принадлежавших казачеству Кубанской области. В 1866 году снова было опубликовано высочайше утвержденное «Положение Кавказского Комитета об освобождении ясырей Ставропольской губернии от зависимости и распространении на них положения 19 февраля 1861 года об устройстве дворовых людей».¹

Патриархальный характер рабства и рабского труда в чечено-ингушских обществах у советских историков не вызывал и не вызывает сомнения, оно не достигло здесь такого развития, чтобы стать основой производства.

«Рабство в ингушском обществе не имело большого социально-экономического значения. Рабы здесь не являлись основной рабочей силой, – пишет Крупнов, – да и применялась она ограниченно. Это было подлинно патриархальное рабство»². И там же автор указывал, что рабский труд не являлся двигателем производства этого общества.

По исследованию Е. И. Крупнова, ингушские материалы свидетельствуют о том, что «иногда такие домашние рабы (лай), если они не выкупались, постепенно становились членами владевшей ими родовой организации, хотя и с ограниченными правами. Уже своим существованием, – писал он, – они увеличивали численность рода»³.

На домашних рабов ингуши смотрели как на младших членов семьи; часто их отпускали на волю и без откупа. Отпущенник формально по адату получал права свободного общинника. Однако, несомненно, он не мог пользоваться заметным влиянием в местном обществе, так как ему недоставало родственных связей, на которых основывался большой или меньший вес, к тому еще свежо было его недавнее положение. Часто отпущенник «брал замуж одну из дочерей или родственниц своего господина и навсегда водворялся при нем, как член его семейства»⁴.

Потомственных рабов, сословно обязанных крестьян с различными повинностями или платежами в пользу владельцев, в

¹ ССКГ. Тифлис. 1897. Отд. 2. С. 35.

² Крупнов Е.И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961.

³ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 336.

⁴ Берже А. Чечня и чеченцы. Тифлис. 1859. С. 90-91; Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев. ССГ. Тифлис, 1898. С. 117.

чечено-ингушских обществах не было.

Продолжительное время служивший в Чечне и пристально изучавший быт, нравы, общественные отношения в чеченских округах А. Ипполитов фиксировал, что, например, в Аргунском округе пленник-раб скорее считался одним из младших членов семьи, нежели бесправным рабом.¹

По имеющимся сведениям, женщины-холопки, главным образом, выполняли функции домашней прислуги, а мужчины использовались как дворовые слуги или как дворовые рабочие.

Б. Далгат, один из скрупулезных исследователей быта, обычного права и истории чеченцев и ингушей, не раз посещавший многие районы Ингушетии, вполне уверенно утверждал, что «из среды самих ингушей вовсе не было рабов. Родственники жестоко мстили за продажу в рабство их детей».² Чеченцы всячески старались не попадать в плен. Ибо, обороняясь отчаянно, плену предпочитали смерть, как отмечали многие авторы. Они же считали священным долгом увозить своих убитых с поля сражения. Если случалось, как отмечали многие авторы, что тело кого-нибудь из них оставалось на поле брани, они старались выкупить их, если даже они преданы земле.

Ф. Тотоев указал на специфику рабства в Чечне: «Рабство в Чечне рассчитано на удовлетворение потребностей индивидуальной семьи господина. Эксплуатация рабского труда происходила в Чечне при господстве натурального хозяйства, рабство носило патриархальный характер, но не «идиллический»³. Ф. Тотоев, на наш взгляд, вполне обоснованно делает вывод о том, что «использование рабского труда в сельском хозяйстве Чечни носило ограниченный характер. Раб никогда не играл в Чечне роль основной рабочей силы. Для XVIII – первой половины XIX вв. рабство – показатель отсталости общественного развития Чечни».⁴

В связи с «освобождением» подвластных рабов, чтобы «облегчить материальное положение феодалов-владельцев, наместник Кавказа сделал великодушный жест – ассигновал значитель-

¹ Ипполитов А.П. Этнографический очерк Аргунского округа // ССКГ. Тифлис, 1868. Отд. 3. С. 43.

² Далгат Б. Родовой быт чеченцев // Известия Ингушского науч. – исслед. ин-та. Владикавказ, 1930. Т.2.

³ Тотоев Ф. Развитие рабства и работорговли в Чечне // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1958. Т.8. вып.1. С.195.

⁴ Там же.

ную сумму на «пособие».

«Из материалов, собранных Чеченским научно-исследовательским институтом истории языка и литературы, нам известно, – пишет М. Мамакаев, – что Хайти из Шароя и Доса из Чинхоя были проданы Гендергеновым из Большого Мартана. Бузурт из Валерика был продан Цинцхольгам из того же Валерика. Анга и Хоса из Гези-Юрта были проданы Алхазуром из того же Гези-Юрта, Асхад и Ташу из Галанчахсой Аьккхи были лаями у Ходжи из Валерика. Лека, Юша, Амати, Дади и другие из Кень-Юрта были лаями у Шаптуко из того же Кень-Юрта – владельца всей Западной части обширной Кизлярской степи и больших стад скота. Хунга, Балда, Бункиш и другие из Шеди-Юрта были лаями у Эльби из того же селения – владельца более 14 тысяч голов одних только овец»¹. «Но в массе народонаселения, – писал в свое время И. Иванов, – находится в Чечне немногочисленный класс личных рабов, образовавшийся из военнопленных. Класс этот ежедневно увеличивается вновь захваченными в набегах, и хотя состояние и тех, и других почти одинаково, но их различают: первых зовут «лаями», вторых – «йессирами», потому что судьба их еще не совсем определена: йессир может быть выкуплен и воротиться на родину, тогда как лай, забывший свое происхождение, без связей с отечеством, составляет неотъемлемую собственность своего господина. Положение лаев в Чечне есть то безусловное рабство, которое существовало в древнем мире».²

Однако, освободившийся от рабства становился полноправным членом общества. «Раб, отпущенный или выкупившийся, тотчас же поступает в сословие людей свободных и пользуется всеми их правами. Нередко случается, что освобожденный раб вступает в семейство своего прежнего господина. Для него не закрыта даже возможность поступить в духовное сословие».³

«Рабство всего более было развито на Северном Кавказе и Кабарде и у горцев Кубанской области, – писал автор конца XIX в. В 60-х годах при уничтожении крепостного права, в этих областях было до 40 тысяч рабов, но в большей или меньшей степени рабство было распространено и во всех горских обществах.

¹ Мамакаев М. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973. С.50.

² Иванов И. Чечня // Журнал «Моквитянин». М., 1851, № 19-20.

³ Самойлов К. Заметки о Чечне // Журнал «Пантеон». СПб., 1855. № 10. С.35

Оно было, так сказать, ограниченным продуктом всего склада их жизни. Число рабов в Кабарде доходило до 21 тысячи».¹

О ЯЗЫКЕ ЧЕЧЕНЦЕВ

Впервые русские ученые ознакомились с нахскими языками, пользуясь записями академика И. Гюльденштедта, в которых содер­жится около трехсот чеченских слов с параллелями из ингушского и тушинского (бацбийского) языков².

Записанные на немецком языке фактурным готическим шрифтом, подчас в довольно искаженной форме, без элементарной транскрипции, многие слова в его записи совершенно неясны. Однако определенная часть зафиксированной лексики является ценным подспорьем в освещении истории вайнахских языков, так как анализ слов – как тех, где отсутствуют специфические звуки нахских языков, так и не представляющих затруднений для записи немецким алфавитом, – а также отдельных лексем, вытесненных позже заимствованиями, проливает определенный свет на лексемы нахских языков почти двухсотлетней давности.

Взять, к примеру, названия числительных. Известно, что в современном чеченском языке название числительного 1000 – «эзар» – заимствовано из восточных языков (ср. перс. «хазар», осет. «аьрзаъ», дарг. «азир», авар. «азарго», лезг. «агъзур», табас. «гъазур»). Гюльденштедт же фиксирует это числительное в чеченском и ингушском языках как «иттбаха» (совр. чеч. «иттб1аь» – букв. «десять сто», а в бацбийском – как «итза» («пхеитзтка» – букв. «десять раз двадцать по пять»). По записям профессора Ю. Д. Дешериева зафиксировано «шап1т1къаузт1къа иц1ат1акъ» – «дважды двадцатью двадцать и десятью двадцать». Правда, в последнее время числительные «сто» и «тысяча» в бацбийском языке уступают место заимствованным из грузинского языка числительным «аси» – «сто» и «атаси» – «тысяча». Подвергая сомнению транскрипцию Гюльденштедта, нельзя себе представить, чтобы при наличии слова «эзар» в тот период он не записал бы его. Можно предполагать, что оно было заимствовано позже.

¹ Лилов А. Очерки быта кавказских горцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. 14. С.18.

² Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., Изд. Германа, 1809.

Обращает на себя внимание и запись числительных 21, 22, 23 и т.д. Известно, что в современном чеченском языке названия числительных от 11 до 19 образуются путем сочетания «один» (ца1//цхъа), «два» (шиъ//ши), «три» (кхоъ//кхо)... с названием «десять» (итт), т.е.: «цхъа+итт» – «одиннадцать», «ши+итт» – «двенадцать», «кхо+итт» – «тринадцать»...; а от 20 и далее – путем прибавления к названиям «двадцать» (ткъа), «сорок» («шовзткъа» – букв. «два раза двадцать») названий числительных от 1 до 19, т.е. «ткъе-ца1» – «двадцать один», «ткъешиъ» – «двадцать два», «шовзткъаца1» – «сорок один», «шовзткъашиъ» – «сорок два» и т.д. Причем, в количестве числительных от 1 до 19 название числительного «десять» стоит на втором месте, а в числительных от 20 и далее – название «двадцать», «сорок» и т.д. стоит на первом месте. Что касается записей числительных, приведенных Гюльденштедтом, то у него в названиях от 20... встречаем обратный порядок: «тца ткъа» – букв. «один двадцать», «шиле тка» – букв. «два двадцать», но «тридцать» – «ткъе итта». Итак, по его записям названия числительных от 20 образуются по аналогии с названием числительных от 1 до 19.

По нашему мнению, если бы академик Гюльденштедт записал ошибочно название числительных от 20 до 29 по аналогии с образованием числительных от 1 до 19, то он также зафиксировал бы ошибочно и порядок числительных тридцать: вместо «ткъе итта» – «итта ткъа». По всей вероятности, это не ошибка, как показывает запись материалов, ученый, видимо, понимал, что от него требовалось.

Более раннее описание нахских языков было дано в большом сравнительном словаре Екатерины II, в который включены слова из языков более двухсот народов Европы и Азии¹. В частности, в этом словаре приведено около четырехсот чеченских слов с ингушскими и бацбийскими параллелями.

Краткое описание чеченского языка сделал академик Г. Ю. Клапрот, совершивший поездку на Кавказ в 1807-1808 годах по поручению Российской академии наук. В 1823 году в выпущенной в Париже книге он посвящает целый раздел чеченскому языку под названием «Язык мицжегов» (чеченцев – авт.). Его

¹ Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. СПб., 1787. Т.1, 2.

работа отличается этнографическим уклоном, а также попыткой классифицировать кавказские языки и доказать родство с тюркскими и угро-финскими языками.

В 1887 году в Лейпциге вышла работа Р.Эркерта «Кавказ и его народы», а в 1895 году в Вене выходит вторая его книга со списком слов и «образцами языков». Наряду с наблюдениями этнографического характера, в его работе даны краткие характеристики кавказским языкам, в том числе чеченскому.

Значительный вклад в изучение нахских языков внес и академик А. А. Шифнер, востоковед, филолог-языковед. Важнейший дореволюционный период в изучении кавказских языков связан с именем выдающегося русского кавказоведа П. К. Услара.¹ «Прекрасно понимая состояние и нужды кавказского языкознания, он считал необходимым изучать языки Кавказа последовательно, глубоко и всесторонне»². Он впервые дал научное описание грамматики чеченского языка, со словарем и образцами устного народного творчества, тем самым заложив основной фундамент для изучения нахских языков и фольклора. В Чечне же дело П. К. Услара было продолжено первыми чеченскими просветителями К.Досовым – автором чеченского букваря³, а затем И. Мутушевым, Ч. Ахриевым, И. Магомаевым, которые подготовили и опубликовали ряд произведений из устного народного творчества вайнахов⁴.

Такое участие в общественно-культурной жизни России было им по плечу лишь благодаря творческому содружеству с русскими учеными. Яркой иллюстрацией этого содружества и совместной плодотворной работы служат исследования, вошедшие в ряд сборников, отражающих богатую духовную культуру нахских народов⁵.

Известный вклад в изучение нахских языков внес и Адольф Дирр, продолжавший традиции П. К. Услара и описавший ряд языков Дагестана (например, удинский, табасаранский, андийский, арчинский, рутульский и др.). Наиболее ценным его трудом считается «Введение в кавказские языки», в котором рассматри-

¹ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Чеченский язык. Тифлис, 1888. С.336.

² Дешериев Ю.Д. Изучение иберийско-кавказских языков в советскую эпоху // Известия ЧИНИИЯЛ. Языкознание. Т.1, вып. 2.

³ Досов К. Нохчийн джуж ду хIара. Тифлис, 1862.

⁴ Алироев И.Ю. Библиография по нахскому языкознанию. Грозный, 1968. С.38, 73-83.

⁵ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т.1. С.60-268.

ваются 35 языков и несколько диалектов. В частности, вопросам чеченского, бацбийского и ингушского языков в этой работе уделяется заметное место¹.

Достойный вклад в разработку вопросов нахского языка внесли также ученые других стран: Р. Блейхштейнер, Р. Лафоон, Л. Зоммерфельд, Г. Шухардт, Н. Трубецкой и др.² Исследование вайнахских языков продолжается и в послеоктябрьский период.

В 1923-1925 годах были созданы чеченский и ингушский алфавиты. Чеченский – сначала на арабской, а затем на латинской графической основе, ингушский алфавит был создан с самого начала на латинской графической основе.

В 1938 году под руководством профессора Н. Ф. Яковлева и при активном участии авторов школьных учебников и работников Наркомпроса Д. Мальсагова, Х. М. Магомаева, С. Озиева, Х. Дукузова, И. Оздоева, М. Чантиевой и других после долгих обсуждений и дискуссий были составлены чеченский и ингушский алфавиты на русской графической основе и разработаны основы их орфографии.

После Октябрьской революции чеченский язык стал испытывать острый недостаток в словарях, которые отражали бы преобразования, произошедшие в жизни и духовной культуре чеченцев. Если при составлении грамматики родного (чеченского) языка можно было бы в какой-то мере использовать монографию П. К. Услара «Чеченский язык», то нескольких сот чеченских слов, приведенных в приложении к этой работе, было бы недостаточно для составления нового чеченского словаря.

Появление новых терминов и понятий, массовое вовлечение чеченцев в общественную и трудовую жизнь республики, быстрый рост молодой чеченской художественной литературы, открытие национальных школ, где преподавание велось на родном языке, дали сильный толчок развитию чеченского языкознания.

Особенно быстро стала обогащаться лексика, так как издание учебников и учебных пособий на родном языке, переводы политической и художественной литературы принесли в вайнахские языки целые слои русской и интернациональной лексики.

Новая жизнь, а с нею новые понятия и названия реальной

¹ Дирр А.М. О классах (родах) в кавказских языках // Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа. Тифлис, 1907. Вып. 37, отд. 3. С.91-102.

² Алироев И.Ю. Библиография по нахскому языкознанию. Грозный, 1968. С.73-83.

действительности способствовали возникновению в вайнахских языках новых слов, а также расширению семантики старых. Перед исследователями вайнахских языков встала задача поисков новой лексики и грамматических моделей, отражавших эти преобразования. За короткий промежуток времени чеченский язык, развиваясь и обогащаясь за счет, главным образом, лексики русского языка, занял достойное место среди младописьменных языков народов Советского Союза.

Если чеченский литературный язык имел определенную научную базу для своего развития («Чеченский язык» П. К. Услара, букварь К. Досова), то в ингушском литературном языке такая база отсутствовала. Поэтому в Ингушетии языковое строительство необходимо было начинать с ингушской научной грамматики и создания словаря.

В 1925 году выходит «Грамматика ингушского языка» с приложением небольшого ингушско-русского словаря З.К. Мальсагова, который впервые уточняет звуковой состав ингушского языка, обстоятельно описывает его грамматический строй и морфологическую структуру.

Словари П.К. Услара и З. К. Мальсагова явились основой для создания ряда вайнахских национальных словарей в последующие годы.

Расцвет социалистической культуры чеченцев, а в связи с этим – обогащение словарного состава вайнахских языков, привели к повышению роли лексикографии. В 1925 – 1930 годы выходят двуязычные словари А. Мациева, З. Шерипова, И. Мальсагова, М. Мальсагова.¹

Основным недостатком вышеприведенных двуязычных словарей является отсутствие в них фразеологии. То же самое можно сказать о словарях Х.-Б. Муталиева и М. Чантиевой, изданных в 1940 году.

Не останавливаясь на характеристике всех вышеперечисленных словарей, и, не отрицая их огромного значения в развитии словарного фонда чечено-ингушских литературных языков, необходимо отметить как наиболее удачный «Терминологический словарь» А. Г. Мациева и М. Д. Исламова, изданный в 1930 году.

¹ Там же. С.94.

Он был составлен с учетом современной ему методики, содержал около 3500 словарных единиц и охватывал большую часть новой общественно-политической лексики. Почти каждое слово снабжено пояснением. Этот словарь явился ценным пособием для работников печати, радио, широкого круга интеллигенции и учащихся.

Многие недостатки и недочеты этого словаря были учтены при создании большого «Чеченско-русского словаря» А.Г. Мациева и «Словаря-справочника общественно-политических терминов» К.З. Чокаева и И. А. Оздоева.

В 1932 году был издан трехязычный словарь А.Г. Мациева, где были собраны бацбийские слова с параллелями на чеченском и русском переводах¹. Его появление вызвало широкий отклик в печати².

Наиболее обстоятельной рецензией на этот словарь, с указаниями на его достоинства и недостатки, явилась рецензия проф. А. Н. Генко.³

Одним из первых фундаментальных исследований по ингушскому языку является другая работа проф. А. Н. Генко, где, наряду с богатым этнографическим, археологическим и фольклорным материалом, представлены тесные и разнообразные связи ингушского словаря с осетинскими, грузинскими, арабскими, персидскими, кумыкскими и русскими словами⁴.

Рассматривая заимствованную лексику на фоне исторических контактов ингушей с соседними народами, автор прибегает часто к этимологическим экскурсам, однако, по его мнению, «этимологические сопоставления... не ставят, конечно, целью обоснованное подробным лингвистическим анализом изучение ингушского языка, а имеют в виду предварительную суммарную задачу – ориентировать в массе материала, почти не вовлеченного пока в научный обиход»⁵.

¹ Мациев А.Г. Тушко-чеченско-русский словарь. Грозный, 1932.

² См., например: Сердюченко Г.П., Мациев А.Г. Тушко-чеченско-русский словарь с предисловием М.Мамакаева [Рецензия] // Письменность и революция. М.-Л., 1933. № 1. С 214-220; Мамакаев М.А. Письмо в редакцию. Ответ на рецензию Г.П.Сердюченко на тушко-чеченско-русский словарь // Революция и горец. 1933. № 3. С.85.

³ Генко А.Н. Из области чеченской диалектологии [Рецензия] // Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.-Л., 1935. Т.1. С. 118-133.

⁴ Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее. Л., 1930. Т.5

⁵ Там же

В 1939-1940 годах проф. Н.Ф. Яковлев при участии местных учителей Хумпарова, Саидова, Джамалханова и Бекова разработал синтаксис и морфологию чеченского литературного языка.

В 1941 году были составлены первые орфографические словари чеченского языка Х.Г. Гугиева и ингушского языка А. И. Оздоева, которые увидели свет в 1942 году. Они были составлены с учетом свода орфографических правил чеченского и ингушского языков.

Несмотря на небольшой объем, эти словари отражали на тот период основное ядро словарей как чеченского, так и ингушского литературного языков и полностью отвечали требованиям национальной школы.

В послевоенный период исследованием нахских языков занимается профессор Ю. Д. Дешериев, а также Д. Имнайшвили, Т. Гониашвили, Р. Гагуа, К. Чрелашвили, Г. Кадагидзе и другие. Ими написан и издан ряд научных работ, представляющих значительную ценность для нахского языкознания.

Работы Н.Ф. Яковлева, А.Н. Генко, З.К. Мальсагова, О. Егорова, Г.П. Сердюченко, М.Н. Немировского, Д.Д. Мальсагова, а также Х. Яндарова, А.Г. Мациева и других, как мы уже говорили, заложили в послеоктябрьский период прочную базу для дальнейшего развития нахского языкознания, поставили его по объему исследования в один ряд с другими кавказскими языками.

Большой вклад в дело изучения нахских языков внесли грузинские ученые во главе с академиком А. С. Чикобава. Старейший центр кавказоведения Тбилиси, является не только городом, где были напечатаны монография П.К. Услара «Чеченский язык» и первые чеченские буквари, но и историческим центром сосредоточения научных кадров по изучению нахских языков.

Долгие годы исследованиями нахских языков занимались доктор филологических наук Д. С. Имнайшвили, Т.Б. Гониашвили, доценты Г.Р. Гагуа, П. Кадагидзе, профессор К.Т. Чрелашвили.

Так, работа Т.Б. Гониашвили «Словарные сходжения чеченского и картвельского языков», где автор рассматривает около 100 картвельско-нахских параллелей, уже многие годы является ценным исследованием, касающимся как генетического родства

картвельско-нахских языков, так и этимологических разысканий,¹ а статья доктора филологических наук Д. С. Имнайшвили «К закономерностям развития заимствованных слов в кистинском говоре чеченского языка из грузинского языка», написанная на высоком научном уровне, дает всестороннее представление о фонетических закономерностях заимствованной лексики.

Нельзя не упомянуть здесь и ценнейшие работы академиков Н. Я. Марра, И. А. Джавахишвили и Г. А. Меликишвили, которые в своих многочисленных исследованиях постоянно оперируют нахским языковым материалом, чем внесли ощутимый вклад в изучение исторической лексики нахских языков.²

Широкий размах исследования нахских языков приняли в 1957 году – только в б. ЧИАССР, помимо учебной литературы, были выпущены десятки монографических исследований и до 200 научных статей, освещающих фонетику, морфологию, синтаксис, лексикологию, говоры и диалекты нахских языков.

Впоследствии значительный вклад в изучение и развитие чеченского языка внесли Ю. Дешериев, А. Мациев, З. Мальсагов, З. Джамалханов, И. Арсаханов, И. Алироев, В. Тимаев, М. Овхадов, М. Халидов и другие исследователи.

¹ Гониашвили Т.Б. Словарные схождения чеченского и картвельского языков // Труды института языка, истории, материальной культуры им. Академика Н.Я.Марра, Тбилиси, 1940 Т. 5-6. С.576-623.

² Марр Н.Я. О ново-тушинском диалекте в наречиях андо-дидойской группы // Известия Российской Академии наук. Пг., 1916; Значение и роль изучения нацменьшинств в краеведении // Краеведение. Т.4, вып. 1. 1927. С. 3-20; Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа // Труды комиссии по изучению племенного состава населения России. Пг., 1920. С.64.

Меликишвили Г.А. О происхождении грузинского народа. Тбилиси, 1952; Он же. Наири – Урарту. Тбилиси, 1954; Джавахишвили И.А. Основные историко-этимологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // Вестник древней истории. 1939, № 14; Первоначальный строй и родство грузинского и кавказского языков. Тбилиси, 1937.

ГЛАВА II

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЧЕНЦЕВ

Изучение материальной культуры народов имеет огромное историческое значение, так как она показывает уровень их общей культуры, культурно-исторические связи с окружающими их народами, прогресс этих народов, а также социальное положение племени и слоев населения. Материальная культура чеченцев во многом сходна с материальной культурой ингушей, осетин и народов Дагестана, она имеет также общие черты с материальной культурой Грузии.

Что касается традиционной материальной культуры чеченцев, то она достаточно хорошо описана в письменных источниках дореволюционных ученых и в исследованиях, проведенных до 40-х годов прошлого века. К сожалению, многие предметы, находившиеся в музеях и селах республики, были уничтожены или распределены по музеям соседних республик в период выселения чеченцев.

С восстановлением чечено-ингушской автономии в 1957 году изучение материальной культуры вайнахов начинается по аналогичным образцам соседних народов, у грузинских чеченцев (так называемых панкинцев или кистин).

Сейчас же главным источником остается язык вайнахов, который сохранил названия предметов материальной культуры. Благодаря сохранным в языке данным, вайнахским этнографам часто приходилось разыскивать предметы материальной культуры в северокавказских музеях и у кистин. В 60-х годах прошлого века в Ахметовском районе Грузинской ССР у кистин был обнаружен ряд предметов домашнего обихода, одежды, орудий труда, транспорта, сбруи и особенно – оригинальная древнейшая вайнахская доска для молотбы зерна, подбитая кремневыми осколками. Аналогичная доска позднее была обнаружена и в Тбилисском музее, где она приписывалась горским народам Кахетии, хотя ее изготовителями были вайнахи.

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

Поселения и жилища людей имеют довольно долгую историческую жизнь, отражая историю народа, архитектуру, этнографию. Они являются ценным источником при изучении этногенеза и общественного быта народа.

Разнообразие природных условий и географического положения, ряд исторических факторов наложили заметный отпечаток на хозяйственные занятия и материальную культуру чеченцев и, в частности, на характер поселений и жилищ.

Характерным типом поселений чеченцев издавна считалось селение, как на плоскости, так и в горах. Они обозначались разными терминами: пхья (Пхья-Меттой, Эль-Пхья, Пхьеда), кхаьлла (Гучун-кхаьлла, Ак-кхаьлла), керт (Улус-Керт), эвла (Дуби-эвл), юрт (Ножай-Юрт). В горах же села-башни назывались г1ала. Это название было позднее перенесено на плоскость, где большие поселения городского типа, и особенно казацкие станицы, стали называться г1ала(ми), например: Соьлжа-Г1ала – «город на Сунже», т.е. Грозный, Х1инжа-Г1ала – Махачкала, Буре-Г1ала – Владикавказ.

«Г1ала» в понятии вайнаха «укрепленный, обнесенный крепостными стенами и сторожевыми башнями населенный пункт».

Есть и такое название оборонительной башни, как «б1ов», нижняя часть которой служила жилищем. Слова «юрт», «эвла» заимствованы из восточных языков. Названий сел с этими компонентами в горах очень мало, что говорит об отсутствии в этом отношении влияния тюркоязычных народов на горцев – вайнахов. Термины же пхья, кхаьлла в нахских языках являются исконными и относятся к древнейшему слою лексики. В вайнахских языках пхьеда – село, аул (например, название аула Ц1ай-Пхьеда в горах Чечни или, как его сейчас называют, «город мертвых») восходит, по нашему мнению, к названию древнейших богов вайнахов: пхья//тхья и ц1у//ц1иу//ц1иво. Термин кхаьлла увязывается исследователями с названием навоза – кхаьллий.¹

Сохранившиеся поселения чеченцев (жилые и боевые башни, склепы), датируемые учеными эпохой раннего Средневековья, в основном сделаны из камня. Камень служил также для из-

¹ Семенов Л.Н. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия ЧИНИ-ИИЯЛ. История. Грозный, 1959. Т.1. Вып. 1. С. 205.

готовления разного боевого оружия: из него чеченцы делали шары для пращей, булавы, а то и просто метали камни во врага. Не случайно проф. Л.Н. Семенов обратил внимание на культ камней у вайнахов. «По представлениям ингушей и осетин, – пишет он, – происхождение нартов из камня свидетельствует об их необычной физической силе и крепости. Описывая подвиги нартов, нартские певцы постоянно упоминают о камнях, скалах, монументальных каменных сооружениях»¹.

Кроме того, проф. Л. Н. Семенов говорит и о мифических существах, родившихся из камня².

Издавна окруженные дремучими древними лесами, где они могли бы получить прекрасный строительный материал – дерево, чеченцы предпочитали строить из камня, и благодаря этому мы имеем сейчас возможность говорить о строительной, духовной, материальной культуре своих предков по сохранившимся памятникам.

По мнению многих исследователей, чеченцы в Средние века настолько постигли искусство строительства, что их часто приглашали строить военные сооружения (в основном боевые башни) в Осетию, Хевсуретию и т.д.³

В Чечне и Ингушетии постройки из камня отличались многообразием: ца – одно- или двухэтажное жилое помещение; гIала – двух-, трехэтажная жилая башня; бIав – многоэтажная боевая башня; кашков – склеп; Iамраж – храм; маьлхан кешнаш – солнечные могильники.

Строительным материалом – коьчап («кийча» - «готовый») в основном служили камни – кхераш, чхар – бут, тIорциш – каменные плитки наподобие плоских клиньев размером с детскую ладонь и меньше, которые употреблялись для установления равновесия и горизонтального положения строительных камней или бутовых валунов; у – доска; экъа – каменная плитка, служащая для покрытия боевой башни; гериг – осколок, черепица, часто естественные плоские сланцевые плитки, служащие для покрытия стен помещений.

Жилые и боевые башни обычно строились без фундамента на прочной каменистой почве. Однако в основание башни (лард),

¹ Семенов Л.Н. Указ. изд. С.207

² См. Робакидзе А.И. Указ. соч.

³ Вахушти Багратиони. География Грузии Тифлис, 1904. С.152.

клали камни-монолиты. Угол – са//маъ1иг и стены – пен укреплялись большим специальным угловым камнем – сенакхиер, который выступал внутрь и служил опорой для перекрытий на этажах. Для сообщений между этажами служила лестница – лами, которую в целях безопасности на ночь поднимали вверх.

Вот основная древняя строительная терминология, сохранившаяся в горах, которая дает представление о помещениях чеченцев: къора куор – глухая ниша; куор – наблюдательное окно или защитный балкончик, машикуль; тоьпан 1уьргаш – бойницы; нартол – целый камень, свод, камень-арка; не1 – дверь; ц1енкъа – пол в нижнем этаже; уй – деревянный пол; чухулволу 1ург – лаз в межэтажных перекрытиях; тхов – потолок, крыша, беда – глиняная крыша, навес; г1айба – деревянные опоры для крыши боевой башни; чорг1а – желоб, гребень крыши; васхал – полка для посуды, перекладина для сушки мяса (акк. «терхие»); кхерч – очаг; г1ап – застава, крепостная стена; ков – ворота.

Позднее, для новых сел стали выбирать хорошие участки в горах, однако по разбивке сел не придерживались определенного плана. Это объясняется, во-первых, тем, что при разделе земли многосемейные представители рода, тайпа, получали больше земли, малосемейные – меньше; во-вторых, при отделении из семьи ее членов (сыновей) после женитьбы, они наделялись землей из участка отца. Малоземье не позволяло делить землю по плану и строить села с прямыми улицами, поэтому участки и построенные на них дома располагались, иногда как попало. Тем не менее, в селах имелись площади для сбора населения (пхьобг1а, майдан) с мечетями. Эту планировку сел позже вайнахи перенесли на плоскость. В селах обычно различали: куп – квартал, участок; ваьр или йукъ – квартал, участок села, где проживают односельчане, связанные родством.

Кроме того, различались: пхьадухие – низменная, нижняя часть села в горной местности; пхьакочие – возвышенная, верхняя часть села в горной местности.

Как в горах, так и на плоскости, в прошлом веке чеченцы строили дома разнообразных типов: от двухэтажного каменного в мирное время, до землянок – в военное. В связи с этим, в номенклатуре названий, связанных с понятием дом, различается несколько названий разнообразных строений.

Все строения, включая дом, сараи и другие дворовые по-

стройки, называются г1ишлуо; дом вообще называется ц1а, который может быть с двумя, тремя и более комнатами, сенями и длинным коридором. Различается несколько названий домов: ц1аблиг – комнатка, домик, обычно из одной комнаты с сенями; лаппаг1а – лачуга, хибарка; х1усам – дом, жилище; тобла – берлога, землянка. Внутреннее помещение – чо, находящееся под одной крышей, разнообразно. Помимо комнат, подразделяющихся на нанц1а – букв. мать-комната, общесемейную комнату – хьашц1а, кунацкую, гостиную, букв. гость-комната, имеются и ряд других названий, дающих представление о жилище чеченцев: уьсанг – комната, каморка; сени – коридор; учи – коридор, галерея (<уй – доски + чуо – внутреннее помещение, то есть букв. «деревянное помещение»); уьйт1е – букв. двор на досках), по видимому раньше дворик сакли мостили лесом.

Приведем для наглядности описание сакли в Веденском районе Чечни в прошлом веке. «По общему виду, будучи плоскокрышей, оно напоминает коробку. Крыша состоит из земли и нередко на ней растет трава, но обыкновенно хорошая хозяйка этого не допустит и польет крышу, смазывая глиной и утрамбовывая особенной гладилкой... Две трубы выходят из двух половин сакли, обыкновенно состоящей из двух комнат, разделенных сенями, где обыкновенно складываются седла, вешается сбруя, стоят кадучки с маслом, творогом и проч.

Входная дверь всегда в середине и со двора... Комнаты в сакле узкие, ибо чаще потолок делается так: посередине верхней потолочной рамы сакли кладется одна длинная, во всю длину дома идущая балка (дукъ), на нее поперек сакли кладут в обе стороны жердочки (по 2,5-3 аршина в два ряда (чеч. «орцаш»). На них укладывают липовую кору и насыпают землю. Стены обыкновенно... турлучные»¹, – пишет В. Маркович.

Дом состоит из четырех комнат и балкона. У каждой комнаты свои назначения и свое название. 1. Материнская комната – нена ц1а. 2. Маленькая комната – жима ц1а. 3. Гостиная – хьеша ц1а. 4. Комната молодоженов – нускал ц1а.

Материнская комната была самой большой... Здесь посередине комнаты строился и очаг – кхерч. В потолок при помощи специального крепления была вделана цепь (з1е), на которой

¹ Маркович В.В. В лесах Ичкерии. Записки кавказского отдела Русского географического общества. Кн. 19. Тифлис, 1897. С.314.

подвешивался котел, а внизу лежал плоский камень для выпечки чурека... Дым выходит через отверстие в потолке».¹

Ряд названий, имеющих в вайнахских языках, говорит о распространенности строительных реалий: турба//бирг1а – труба; к1ажа – петля для прикрепления створки; плендаг1а – планка, при помощи которой забивают наглухо дверь или окно; ринжа – калитка; палсту – пластина; варкхел – боковые балки в земляных крышах, стропила; атлан – железная скоба для скрепления деревянных частей постройки; боршам – панель, жидкий раствор глины с примесью песка; шога-т1улг – алебастровый камень; сицкър – плоский камень.

Лексика, отражающая названия других стройматериалов: к1ир – белая глина; джаг1а – гравий; сацкър – глина; т1улг – камень; сазз латта – желтая глина; г1ум – песок; г1айракх – песчаник, брусок; поппар – раствор глины; аьрда б1ог1ам – опорный столб в комнате; буог1ам – столб; левшик – стружка, а также тахта – лист железа; хьокха – кол, шест, жердь; терхи – сруб колодца; цхар – навес над забором; кхалор – кровля из соломы, глины; утарма – веревка, столб, на который навешиваются ворота; терхи//чир – выступ фундамента, здания.

Во дворе чеченского жилья обычно строились: раг1у – сарай, навес; божал – конюшня, хлев; хьяавда – стойло, ясли; дуо – хранилище для кукурузы, сапетка; бух//ваз – дно, днище сапетки; т1е//ч1а – ступени, перекладина внутри сапетки для скрепления ее стенок.

Всю вайнахскую архитектуру Л. П. Семенов делит на:

- 1) памятники оборонительного характера: башни, замки, крепости;
- 2) памятники ритуального, религиозного характера: святилища, храмы;
- 3) памятники погребального характера: памятные плиты и столбы; надземные и подземные склепы, пещерные погребения, подземные погребения.

«В 1928-29 гг. нами подробно осмотрены многочисленные святилища, – пишет он, – основными видами которых являются:

1. Христианские храмы, впоследствии превращенные в капища.

¹ Гегечкори Г.Г. Жилища, типа «ц1а» в ущелье реки Армхи и ее притоков // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. С.252-253.

2. Христианско-языческие храмы, сохранившие преемственную архитектурную связь с первыми.

3. Столпообразные языческие святилища, почти утратившие связь со вторым видом. Каждый из этих видов имеет свои варианты»¹.

Сооружения первого и второго вида, по Л. Н. Семенову, имеют следующие общие черты: продолговатое прямоугольное основание, вход с полукруглым сводом, двускатная кровля, желтая облицовка, каменная ограда.

Памятники второго вида очень похожи по внешнему виду на наземные склепы со ступенчатой двускатной кровлей. Эти храмы имеют внутри одну или несколько арок, иногда – каменный алтарь или столп с нишами для икон. Наиболее древними считаются христианские храмы, более поздними – сооружения второго вида, самыми поздними – столпообразные святилища, отличающиеся иногда чрезвычайной примитивностью.

В целях экономии пригодной для посевов земли, чеченцы и ингуши (как и дагестанцы, и осетины) строили жилища в горных ущельях, иногда даже на неприступных скалах, опять-таки в целях экономии пахотной земли. Сторожевые же башни строились в основном у входа в ущелье и в конце его на выступах так, чтобы была возможность передавать сигналы при приближении врага.

Упомянутые выше маълхан кешнаш – «солнечные могильники» также обычно строились на непахотных землях в несколько ярусов.

На плоскости же, да и в горах, строились турлучные дома, стены которых плели из хвороста, затем обмазывали снаружи и изнутри слоем смеси глины с мякиной и свежим навозом. Строились дома и из кирпича-сырца. Саман изготовлялся из глины, куда добавлялась соломенная сечка. Такой дом ставился в середине двора и огораживался забором. Комнаты обычно обогревались камином-очагом, позже – железными печками. Еще на памяти стариков времена, когда комнаты обогревались камином, куда всовывалось одним концом бревно, горевшее несколько дней, так как по мере необходимости его ежедневно подталкивали. И рассказывают, когда оно догорало, приходили соседи в гости, для

¹ Семенов Л.Н. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-32 годах. Грозный. 193. С.33

которых хозяева на последнем куске бревна готовили мамалыгу и угощали гостей. В моде был, говорят, призыв: «У таких-то догорит в доме бревно, пойдем к ним кушать кашу».

Комнаты обставлялись самодельной деревянной мебелью. У очага (обычно справа) ставилось кресло для ужина главы семьи. Для сиденья использовались диваны-тахты, низкие скамейки.

Еда подавалась на маленьком круглом треножном столике «шун//шу», иногда стол был и четырехугольным.

Жилища чеченцев в Кавказскую войну, когда часто уничтожались целые селения, представляли собой страшную бедность.

«В чеченской войне, – писал Властов, – выпадает всегда самая тяжелая работа по уходу русских, на другой день чеченец снова строил свою незатейливую саклю, которая через неделю была готова...»¹.

Чеченские сакли, длинные и низкие, на плоскости строились обычно турлучные, одноэтажные; в горах, как мы говорили, – из камня или самана. «Каждый дом, – писал И. Иванов, – состоит из двух отделений: в одном живет хозяин и там же принимает гостей, в другой жена и его дети: эти отделения не имеют между собой сообщения и дверь из каждого ведет под общий навес»².

«Чеченские сакли, – пишет профессор Н. П. Гриценко на основании наблюдений современников Кавказской войны, – не имели в нашем понимании обыкновенных окон...

От самого пола прорубалось четырехугольное отверстие, которое на ночь закрывалось внутренней ставней. Вместо печи устраивался своеобразный камин; плетеная труба, плотно обмазанная глиной, спускалась с крыши на аршин выше от пола.

Под самой трубой на полу находился глиняный настил, на котором ежедневно горел огонь, как летом, так и зимой. К трубе прикреплялась цепь с крюком внизу, куда подвешивался котел для пищи. Столб, подпиравший потолок, являлся местом хранения оружия. На стенах сакли были пристроены широкие полки, где складывались матрацы, одеяла, войлоки, ковры, паласы, иногда сундуки и медная посуда.

Плетневая с небольшим покатом крыша сакли покрывалась плотным слоем глины, затем засыпалась землей и снова покрыв-

¹ Властов Г.К. Война в Большой Чечне // Газета «Русский инвалид». 1856. 19 июля.

² Иванов И. Чечня // Мосвитянин. 1851. № 19-20.

валась глиной».¹

Древние горные поселения Чечни и Ингушетии являются наиболее сохранившимися архитектурными памятниками. Вайнахи достигли высокого строительного мастерства при возведении «г1ала» и «б1ов» – жилых и боевых башен, которые строились на труднодоступных, высоких скалах высотой 14-28 метров, имея пирамидальное венчание.

«При удивительной стройности, пропорциональности и довольно большой высоте, – отмечал И. П. Щеблыкин, – они устойчивы и прочны. Поражаешься мастерству строителей, их вкусу и умению так великолепно разрешить и воплотить в реальные формы свои замыслы и фантазии».²

Профессор Е. И. Крупнов отмечает: «Культура вайнахских племен имеет глубокие местные корни, а сам вайнахский народ является одним из древнейших этнических массивов Кавказа».³

Наиболее оригинальная форма боевой башни возникает также в Чечено-Ингушетии. Н.К. Зейдлиц, исследовав горные районы Центрального и Восточного Кавказа во второй половине XIX века, пришел к выводу о своеобразии башенной культуры горцев. Говоря о том, что в каждом горном ауле Ингушетии имеется по несколько высоких башен, автор отмечал: «... в Осетии подобных башен не встречается, зато нередко такие башни встречаются в Аргунском округе, особенно в его западной части, в аккинском и мелхистинском обществах»⁴.

Осетинский исследователь Г. А. Кокиев писал: «Превосходство надо признать за чеченскими и ингушскими башнями, в которых чувствуется своеобразная культура и высокая техника».⁵

«В горах Чечни и Ингушетии... до настоящего времени еще высятся жилые и боевые башни, в кладке которых можно встретить отдельные камни, украшенные разного рода рисунками – петроглифами, которые порой образуют сложные сюжетные кар-

¹ Гриценко Н.П. Современники середины XIX века о Чечне и чеченцах // Археологический сборник. Грозный. 1968.

² Щеблыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. Владикавказ, 1928.

³ Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1972. С.58

⁴ Зейдлиц Н.К. Поездка в Галгаевское и Дешерахоевское ущелье. // ИКОРГО. Тифлис, 1873. Т.2. №4. С.147

⁵ Кокиев Г.А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии. Орджоникидзе, 1933. С219.

тины, не лишённые представлений о симметрии и художественной эстетике», – пишет наш современник. По словам Кобычева: «Еще большее значение придавали красоте архитектурного облика боевые башни, входившие в состав замкового усадебного комплекса. Среди них выделяются законченностью своих форм чеченские и ингушские башни, многие из которых с полным основанием можно назвать архитектурными шедеврами среди им подобных»¹.

По свидетельству исследователя А. Дирра, лично обследовавшего Тагаурское и Куртатинское ущелья Северной Осетии, часть надземных склепов, сохранившихся здесь к началу нашего столетия, считались ингушскими. Примечательно и то, что до недавнего времени грузины-рачинцы тоже пользовались в Осетии популярностью как мастера-строители.

Взаимовлияние строительного мастерства горцев осветил С. И. Макалатия. В одном из исследований он указывает на то, что башни в Хевсуретии сходны с тушинскими, и по местным преданиям их строителями являются кистины-ингуши.²

Площадь основания ингушской башни колебалась от 25 до 50 кв.м. Невелики и так называемые «замки». Так, «Замковый комплекс» Точиных в Мецхале, считавшийся одним из крупных, со своими башнями, надворными постройками (жилыми и хозяйственными) вместе с внутренним двориком, занимал всего 796 кв.м., что меньше усадьбы малочисленной колхозной семьи в наше время³.

Архитектура, строительное мастерство за многовековую историю претерпели значительные изменения. На эволюцию башенной культуры определенное влияние оказала и имущественная дифференциация. Структура каждой башни определялась многими факторами: географией и топографией местности, эпохой строительства и назначением башни. На эти и другие факторы, учитывавшиеся при возведении башни, обратили внимание Б. Далгат, Л. Семенов, И. Щеблыкин и другие исследователи.

Жилую и боевую башни, а также небольшой дворик вместе с надворными хозяйственными службами, если так можно их

¹ Кобычев В.П. Новые и традиционные черты в современном жилище народов Северного Кавказа. Этнические и культурно-бытовые процессы Кавказа. М., 1978. С.192

² Макалатия С.И. Хевсуретия. Тбилиси, 1940. С. 95.

³ Щеблыкин И.П. Указ.соч. С.18

именовать, огражденные невысоким забором из камня или из сланцевых плиток, исследователи условно стали именовать «замковыми комплексами».

Знаток башенной и склеповой архитектуры И.П. Щеплыкин, обследовавший лично многие подобные сооружения, производивший собственноручно их обмеры, зарисовки, снятие планов, пояснял: «Такие соединения приобретают тип замкового характера, не специального, а случайного».¹

Большинство построек в Чечне и Ингушетии составляли тип таких «замковых» сооружений, служивших для повседневной хозяйственной жизни большой патриархальной семьи или патронимии, с их имуществом, скотом, хозяйственным инвентарем, запасами продуктов и фуража.

Большинство из подобных «замковых» сооружений были уничтожены в 1830 году ничем не вызванной военной экспедицией генерала Алхазова, а позже – и барона Розена в горную Ингушетию, в Южную и Северную Осетию.

Выполняя рескрипт Николая I «Об усмирении навсегда горских народов или истреблении непокорных», генерал Паскевич разработал обширный план «покорения» горцев всего Кавказа. Военный поход царских войск в горную Ингушетию и Осетию был одним из звеньев этого коварного плана.²

Организованные Паскевичем военные карательные экспедиции его биографом квалифицировались так: «Не заботясь более о нахождении среди них (горцев) христианства, одним ударом уничтожил самостоятельность Осетии и обратил ее в простое русское приставство»³.

Широкое распространение в Чечне издавна получило строительство водяных мельниц и лесопилок, мастерских и кузниц на водяных источниках, вызвавших к употреблению определенный слой строительной терминологии.

Рассмотрим эти и ряд других названий, связанных со строительным делом в Чечне: хьер – мельница (<гл. «хъие» - и «мять, молоть» + р – суффикс масдара); апари – деревянный желоб, по которому вода идет на мельничное колесо; к1ар-к1ар – трещотка

¹ Щеплыкин И.П. Указ. соч. С.18.

² Щербатов К. Генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский. СПб., 1891. Т.3. С.229.

³ Щербатов К. Указ. соч. С.489.

или мельничный ползунок, названа по звукоподражанию; т1ай – мост, подстропильная балка; пхьалг1а – мастерская, кузница (<гл. «пхья» – «село» + г1а – суффикс словообразования); г1опаста – прилавок, стойка; ч1инг – плотина; шаршуолг – каток для катания на льду («шарша» – «скользить» + лг – суффикс); хал с ту – шлюз, водоспуск.

Чеченские мельницы вполне удовлетворяли потребность в помоле зерна. Они строились обычно на быстрых горных речушках и приводились в движение силой воды. Вода под сильным напором по мельничному каналу падала на лопатку колеса мельницы и вращала ось, на которой был закреплен мельничный камень.

В искусстве изготовления водяных мельниц чеченцы достигли большого мастерства. К чеченским мельничным мастерам за помощью обращались часто соседи из соседних республик.

Мука (как кукурузная, так и из другого зерна разного помола) имела свои названия по месту помола. Так, славились водяные мельницы шалинских и мартановских мастеров.

Оригинальностью отличались и постройки для овец и крупного рогатого скота. Обычно за деревней строили каменные ограды, где зимой содержались овцы. В летнее же время они просто были на пастбищах.

Стоянка животных обычно имела несколько названий: джобла – кошара («<джа» – «овцы» + суффикс – ла); меттамуотт – стойбище, место стоянки овец, стада; г1уота – кутан.

В рассматриваемой терминологии привлекает внимание древнейшее нахское слово наждар//нажт1ар, сохранившееся в бацбийском языке и кистинском диалекте. Оно обозначает место, стойбище далеко в горах, куда с семьями выезжают кистины, бацбийцы и другие грузинские горцы, и где они живут на протяжении всего лета, изготавливая молочные продукты и запасая на зиму мясо. Само слово происходит, согласно народной этимологии, от слова «наж» – «дуб».

Здесь же рассмотрим понятия, связанные с названием огня.

Слово ц1е – «огонь» – генетически общее в иберийско-кавказских языках. Х. Д. Ошаев считает, что в основе этого слова лежит звукоподражание удару камней друг о друга (ц1е-ц1е) при добыче огня человеком. Наличие в нахских языках солидного слоя слов с корневым ц1е (см. ц1е – огонь, очаг; ц1а – дом, где

находится очаг; цле – имя человека; цла – фамилия, семья), цлу или цлиу (<цле + лу – охранник, попечитель, главное божество, жрец, охраняющий идола бога цлу и т.д.) говорит об остатках обожествления вайнахами огня, его мистического почитания. Культ очага был настолько велик, что и по сегодняшней день сохранился ряд религиозных ритуалов, связанных с ним»¹.

Интересные примеры почитания огня у чеченцев приводит А.А. Исламов: «При купании ребенка кладут в воду кусок древесного угля или какой-нибудь железный предмет в качестве охранительной силы, направленной против действий злого духа...

Часто суеверная чеченка, выводя ночью малолетнего ребенка на улицу, дает в руки кусок древесного угля, как зангезургские армяне, так как шайтан (черт), боясь угля, не приблизится к ребенку.

Чтобы оградить спящего ребенка от злого духа, кладут в его люльку под подушку уголь и ножницы, иногда с той же целью ночью перед отходом ко сну мать зажигает спичку и затем трижды обводит ею, нашептывая заклинание вокруг спящего ребенка, а коробку со спичками кладет под подушку ребенка².

Общность корня прослеживается и в нескольких названиях, связанных с огнем клега – «раскаленный уголь»; клурыз – «копоть, сажа»; клора – «уголь».

Сохранившееся в итумкалинском диалекте слово «цуй//суй» - «искра» говорит о его происхождении из названия огня.

Здесь же рассмотрим названия предметов домашнего обихода, посуду, домашнюю утварь, мебель, постельные принадлежности, светильники и др.

Посуда у чеченцев почти вплоть до конца XIX века была деревянная, гончарная и медная. Чеченцы достигают высокого совершенства в изготовлении посуды и домашней утвари, особенно в средние и последующие века. В XIX веке преобладает уже гончарная посуда, покрытая глянцем, а деревянная посуда вытачивается на токарном станке, приводимом в движении силой горных речек.

¹ Ошаев Х.Д. Слова пха и цла в чеченском языке // Известия научного общества Чеченской автономной области. Грозный, 1930. Т.2. С. 56-60.

² Исламов А.А. вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чантты-Аргун // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1963. Вып. 1. Т. 3. С. 40.

С появлением более усовершенствованного гончарного круга и токарного станка в Чечне намного улучшилось качество изящных предметов ремесленного производства. Гончарная посуда делалась из лучших сортов глины, а деревянная – из крепких пород дерева (из дуба, клена и карагача).

Впоследствии в связи с развитием в Чечне товарно-денежных отношений, усилился приток товаров народного потребления, начавших вытеснять ремесленную продукцию горцев. Однако вплоть до первых десятилетий XX века часть ремесленной продукции еще продолжала успешно конкурировать с промышленными товарами.

Состояние развития кустарных промыслов, ремесла и ремесленных занятий – это довольно слабо исследованный вопрос чеченской этнографии. Обычно, отмечая специализацию селений по видам ремесла, многие исследователи говорят о зависимости ремесла от сельского хозяйства. В то время как отдельные ремесленные очаги в селах Чечни уже к концу XIX века специализируются на изготовлении отдельных видов продукции – транспорта, предметов домашнего обихода, оружия и т.д.

Производство бурок, гончарных изделий, обработка шерсти, металла, дерева, кожи, камня, строительство мельниц, башен широко было известно в Чечне.

«Среди разнообразных домашних промыслов и ремесел чеченцев наибольшего развития достигли в рассматриваемое время обработка шерсти и кожи, а также металла, дерева, шелка и т.д. Кроме того, местные мастера в подавляющей части удовлетворяли потребности простых горцев и их феодальных верхов в одежде, обуви, орудиях труда, средствах передвижения, домашней утвари, мебели, конской сбруи»¹, – пишет Ш. Б. Ахмадов.

Чеченцам издавна известно было изготовление высококачественных ковров (истангов) с разноцветным орнаментом (кърза истанг), с бахромой (клинжа йолу истанг) синего или красного цвета.

Иностранные путешественники отмечали, что чеченские женщины искусно изготавливают ковры и покрывала².

¹ Ахмадов Ш.Б. Ремесленные занятия чеченцев и ингушей в XVIII-XIX веках. Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С.47.

² См., например: Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 50; Гаджиев Т.В. Я.Рейнегге о Чечено-

Большое место среди традиционных промыслов вайнахов занимала деревообработка, которую обеспечивали леса Чечни.

Из дерева изготовлялась кухонная посуда, предметы домашнего обихода (бочки, ульи, колеса, спицы, таркалы, арбы и др.).

Известно, каким спросом пользовались изделия чеченских мастеров из дерева у местных казаков. Например, сообщалось, что чеченцы получают хороший доход от продажи ремесленных изделий из дерева: обручей, бочек, бочарных досок¹.

Исследованная учеными посуда XIII-XVIII веков, извлеченная из подземных склепов Малхисты и Майсты (Горная Чечня) (около 60 экземпляров), была выточена на токарном станке, что говорит о древности токарного производства. Вручную из них были сделаны ковш, бокал, кружки, черпак, половник, ложка, пест, то есть предметы, которые трудно поддавались обработке².

Особенно было распространено гончарное производство в селах Шали, Старый Юрт, Майртуп и других селах, что объяснялось наличием в Чечне глины разного цвета и высокого качества. Глиняная посуда – кувшины, горшки, чашки, посуда для хранения продуктов питания, изготовленная искусными мастерами, – пользовалась большим спросом. Часто посуда изготовлялась с красивыми орнаментами и качественными поливами.

К концу XIX века в Чечне успешно развивалось кирпично-черепичное производство, слившееся с гончарным промыслом. В 1899 году в Чечне уже было 17 кирпично-черепичных заводов.

Кроме того, в Грозном в 1901 году существовало 16 кирпичных заводов-предприятий.

Некоторые же чеченцы и сегодня, в силу национальных привычек и практической выгоды, предпочитают пользоваться деревянными подносами, чашками, ложками, половниками, тахтами, маслбойками и, особенно, детскими национальными люльками. В сравнении с прошлым, в настоящее время даже в далеких горах довольно редко можно встретить национальную посуду, предметы домашнего обихода. Исключение подчас со-

Ингушетии. // Сб. статей. Грозный, 1986.

¹ Вертепов Г.Н. Очерки кустарных промыслов Тверской области. // Тверский сб. Владикавказ, 1887. Вып. 4.

² Даутова Р.А. Изготовление деревянной посуды вайнахами в эпоху позднего средневековья. // Сб. статей. Грозный, 1986. С. 53.

ставляет медная посуда – кумганы, тазы, кружки, чаны, казаны.

Медная посуда, по-видимому, играла довольно значительную роль в жизни чеченцев и, наравне со скотом, выполняла меновую функцию. У кистин, проживающих в Ахметовском районе Грузии, «ц1аьст» (медная посуда) до недавнего прошлого выплачивалась, наравне со скотом, за убийство, обиду, оскорбление. Эта традиция ими была перенесена с мест прежнего обитания. По рассказам горцев старшего поколения, в прошлом богатство невесты определялось количеством привезенной ею из дома медной посуды.

Посуда, вообще, в чеченском языке называется пхъиег1а (сюда относится разная посуда – некоторая домашняя утварь, столовый набор и т.д.); 1айг – ложечка; ма1ар – вилка; окхлуо – скалка; гуй – лоханка, лохань. В липовой лохани без ручек замешивали тесто; более глубокая, иногда с ручками, служила корытцем для кормежки собак. Лаьнгар – суповник, миска. Обычно он делался из глины или дерева, плотно закрывался крышкой, часто между крышкой и стенками суповника клали лист лопуха или белую тряпочку, чтобы не выходил пар. Впоследствии это название перешло и на супник фабричного производства; мохк – ступка; колотушку к ступке называли йизмохк. Они делались из буковой древесины, впоследствии ее заменили чугунные ступки, но и сейчас чеченцы для толчения чеснока и орехов предпочитают использовать деревянную ступку.

Чеченцы употребляли несколько видов сковородок, древнейшими из них являются: экъа – сковорода, обычно без ручки; раньше экъа представляла собой плоский камень или твердую породу, которую, раскаляя на огне, использовали для выпечки хлеба, затем с ручкой ее стали обжигать из глины – такую плитку клали на раскаленные угли и использовали как сковородку; впоследствии ее название перешло на появившиеся чугунные сковородки; дзаьлг1а – сковорода, металлическая небольшая сковорода для поджаривания мяса, пирожков, блинов и т.д.; дзайла – сковорода, обычно чугунная большая или маленькая сковорода, а также сковорода с ручкой – ялг1у.

Чеченская посуда отличается и наличием большого количества сосудов для жидкости, особенно кувшинов: гуьмалк – глиняный кувшин с узким горлышком. В таком кувшинчике обычно хранили топленое масло, сметану, сливки; сурила – глиняный

кувшин с узким горлышком для воды, пива, кваса, браги, вина, чачи и т.д.; гиба – глиняный кувшин с широким горлышком. В нем обычно хранилось и заквашивалось молоко и другие молочные продукты; ч1уьжарг – небольшой глиняный кувшин без носика, служивший различным целям; батам – медный кувшин, маленький и большой медный кувшин с более широким горлышком (в отличие от кумгана и к1удала, у которых горлышко уже); кхаба – макитра, в них хранили воду, молочные продукты, а иногда и зерно.

Другой разновидностью кувшина, служившего в основном для сбивания масла, был куьйра. В куьйр заливали сметану с водой, раскачивали его из стороны в сторону; вода сильно ударялась о стенки сосуда, ускоряя процесс сбивания масла.

Для сбивания масла использовались и деревянные маслобойки, которые напоминают современные, но были и просто кадушечки, особенно в терских районах. Они обычно подвязывались веревками и раскачивались. Деревянные маслобойки назывались кьуьлг.

Распространена была у чеченцев посуда разной емкости для теста, стирки белья, подачи пищи, хранения воды, зерна, муки, а также ящики, мешки и коробочки для хранения предметов домашнего обихода; текх – круглое корыто для теста, иногда для подачи кушаний; ной – прямоугольное деревянное корыто, употреблялось как для теста, так и для соления мяса, кормления животных; часто оно делалось больших размеров и устанавливалось у водопоя; хедар – поднос; чара – медный плоский таз для стирки белья, крашения, купания; чийлик – бадья, ведро деревянное; хара – дупло, кадка для зерна из цельного дерева; яьшка – ящик; г1утакх – коробка; черма – деревянная бочка; тускар – корзина, лукошко; ботт – коробка; ч1оь – ларь для зерна; т1аькха – кадка для сырного рассола; шелиг – кадка, бочка; кит – мех, бурдюк; такой мешок обычно делался из шкуры животного после удаления волосяного покрова; лежиг – бурдюк; п1аьлдиг – кожаная дорожная сумка, делалась обычно небольших размеров, но встречались и большие (ср. бац. б1ак1а – мешочек из козьей шкуры на 2-3 литра); хоска – походная кожаная сумка у горцев-вайнахов, (ср. бац. хак1 – мешочек, связанный из шерстяных ниток).

Здесь же рассмотрим и отдельные детали посуды: нег1ар – крышка; бертиг – горлышко сосуда; т1ам – ручка ведра, бадьи,

сковородки; к1ай – ручка котла, ведра; ч1инт – кран; ц1узам – носик чайника, кувшина.

В чеченском языке понятие «носик чайника, кувшина» обозначается также словом кхимар, но чаще оно употребляется в значении «ковш».

Специфический образ жизни и доступ к материальным благам, своеобразные географические условия откладывают свой отпечаток не только на психику, материальное положение человека и т.д., но и на предметы домашнего обихода, которыми он постоянно пользуется.

Взять, к примеру, кувшины для воды, которые обычно делались с довольно узким горлышком, куда едва проходил детский кулачок; этот же кувшин делали с большой ручкой, с выпуклой серединой, на широкой круглой подставке. Все это было связано с тем, что воду приходилось поднимать на плечах со дна ущелья и нести иногда несколько километров. В этом именно заключалось практическое превосходство медного кувшина такой формы – вода из него не выплескивалась, а шарообразная середина кувшина мягко упиралась в плечо. Делались разного калибра и ложки – маленькие, большие и специальные, продольные для усатых мужчин, так как раньше считалось большим позором сбривать усы и бороду, особенно пожилому мужчине. Поэтому изготавливались продольно удлиненные ложки, чтобы при еде они не задевали и не пачкали усов. Само расположение посуды в комнате было связано с теснотой горской сакли. Постоянно она висела на стенах или же хранилась в стенных нишах (на ремешках, вдетых в просверленные дырочки).

С конца XIX века в домах чеченцев стала появляться фарфоровая, стеклянная и другая промышленная посуда, сервизы и столовые наборы.

Бедна была обстановка чеченского жилья. В сакле, за исключением длинной тахты, ничего не было. Днем вся постель складывалась в углу, а на тахте ели и отдыхали. Делались также нары (нар) и переносные деревянные кровати топчаны – пандар. Принадлежностью горской сакли после Кавказской войны стали кровати – маьнга, сначала деревянные, затем железные.

В конце XIX – начале XX века распространяются ишкап – шкаф, чамда – чемодан, истол – стол, куьзга – зеркало и др. Давней принадлежностью чеченской семьи был и т1орказ – сундук,

где обычно хранился скудный скарб горцев. Столов и стульев у чеченцев в современном их понятии не было; ели, пили прямо на полу или на тахте, подстелив кошму; весной и летом, как правило, ели за маленьким столом на трех ножках – шун, сидя на маленьких п-образных дубовых скамеечках-глант. Иногда столики и скамеечки оригинально выделялись и разукрашивались разнообразным орнаментом и рисунками.

Как и у всех народов Кавказа, у чеченцев использовалась детская люлька – ага со всеми принадлежностями: валти – детский матрац; лара – овалыные полозья люльки; часто так называют и лопасти мельничного колеса; кохка – лямка, свивальник; тIармала – сосок, рожок (<«тIар» – «сосок» + «мала» – «рог»); раньше вместо рожка использовался продольно срезанный кусок сушеного курдюка, привязываемый к верхней люльке; сипа – трубочка для стока мочи. Обычно такая трубочка делается из бедренной кости барана; бука//тоьк – горшочек для детской люльки, величиною с поллитровую банку.

Горская люлька была очень удобна. Мать могла, привязав к спине, уносить ее на полевые работы, в огород и т.д. Люлька легко перевозилась на верховой лошади, арбе, что было удобно, особенно в военных условиях.

Другим видом люльки, было, висевшее обычно над спящими супругами обыкновенное прямоугольное корыто, схваченное с четырех сторон кожаными ремнями из сыромятины и подвешенное к железному клину, вбитому в потолок – гаьнгали. Гаьнгали можно было увидеть в сырых и тесных комнатах, как правило, зимой, когда нормальная температура комнаты держалась в верхних слоях жилища; наличие именно такой люльки было связано с бедностью, так как и средняя люлька (ага) с оборудованием стоила довольно дорого.

Первое пеленание ребенка у чеченцев становилось праздничным событием в семье. В этот день приходили родственники, как по линии матери, так и по линии отца ребенка с подарками. Ребенка укладывали в люльку, подаренную малышу бабушкой или же родственниками со стороны матери; чаще младенца укладывала в люльку свекровь с пожеланием, чтобы эта люлька никогда в доме не пустовала. Для пришедших гостей резали барана, устраивали угощение, а иногда и непродолжительное веселье с игрой на гармошке и танцами.

Отличалась простотой и постель горца – мотт. «Чеченские семьи обзаводились постелью, состоявшей из войлоков, подушек и шерстяных одеял-паласов. Находившийся в плену у чеченцев С.Беляев говорил, что ему «постлали два свернутых войлока; в изголовье положены были подушки и укрыться дали шерстяное одеяло (палас)»¹, – пишет профессор Н. П. Гриценко.

«Глаз вошедшего останавливается на двух-трех тюфяках, да стольких же одеялах и подушках, едва хватающих для обихода семьи; близ дверей висит намазлыкъ – бычья или оленья шкура, на которой совершают намаз, а около камина стоят небольшой кумган и тазик, и этим исчерпывается весь инвентарь домашних принадлежностей. Несмотря на жалкую обстановку, вайнахи, как и вообще все горцы, гостеприимны», – писал в прошлом веке Н. Ф. Грабовский.²

Впоследствии терминология постельных принадлежностей чеченцев становится очень разнообразной за счет заимствований из других языков вместе с вещами. Войлочных изделий у чеченцев было несколько видов, их подстилали, ими накрывались, украшали стены, утепляли комнаты.

Наиболее распространенным войлочным ковром (часто цветным) был истанг, который изготовляли с большим мастерством и искусством вайнахские женщины, б1иеглаг – войлок, обычно тонкий; к1аьндаг – войлок, обычно толстый, из отходов шерсти.

Для детской люльки чеченцы шили своеобразные тюфяки или матрасы, наволочкой (чкъор) которых служила кожа или тонкий войлок. Впоследствии они были заменены материей. Такие матрасы назывались гоь. Этимология данного слова говорит о том, что оно, как и слово горгам – половая тряпка – происходит от го – «круг» (ср. «горга» – «круглый», «герма» – «пыж», м – словообразовательный суффикс в слове «горга-м».

Чеченцы, особенно плоскостные, были хорошими мастерами по изготовлению разнообразных рогож и циновок – черт. Кроме того, они изготовляли великолепные хозяйственные сумки и корзины, которые с охотой раскупались на рынках Грозного,

¹ Гриценко Н.П. Современники середины XIX века о Чечне и чеченцах // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1963. С. 293.

² Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи). // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис. 1876. Вып. 1. X. С. 38-39.

Хасав-Юрта и Владикавказа.

Славилась плоскостная Чечня и изготовлением веников, которые здесь выращивались и выделывались. Специально выращенный и изготовленный веник назывался нуй, а изготовленный из кустарников – девзиг. Последнее слово образовано от давз – дерево (ср. кист. «давз//довз» – «дерево») с помощью словоуменьшительного суффикса – иг. В горах имелся и пхьарк – метелка трав кукурузы (<уст. «пхья» – «село», «ответвление», означает еще и метлу, сделанную из трав).

Чеченские кушары освоили изготовление веников приблизительно к концу XIX века и делали их очень красивыми и практичными; для связки веника использовался специальный расщепленный красный прут – недарг1а, придававший ему прочность и своеобразную красоту.

К предметам домашнего обихода отнесем и всевозможные запоры, замки, задвижки и другие вещи, встречающиеся в домашнем хозяйстве: дог1а – замок, ключ от замка; ч1ега – замок; орцха – брусок, засов; г1уй – запор, засов, задвижка; г1урчуо – обруч; чеш – дрань, обруч, жердь (для выделки обручей для бочек), подпорка для виноградных лоз; эхха – носилки для мусора и навоза; ортхал – часть механизма, инструмент; хьостам – гвоздь; т1ус – пробка; ткье//дз1е – цепь для подвески котла, очажная цепь, а также дзейл – клин, засов. Очажная цепь у чеченцев в древности передавалась из поколения в поколение и считалась священной. Сначала она была принадлежностью рода, затем – семьи; кровник, вбежавший в комнату и схватившийся за очажную цепь, считался неприкосновенным.

Рассмотрим и остальные предметы домашнего обихода: йибар – домашние вещи; т1уьйлиг – тряпье; т1елхиг – лохмотья; лекъжиг – вещь, пришедшая в ветхость, хлам; ларча – узелок, сверток; салпал – домашние вещи, пожитки, домашний скарб; г1овла – изголовье, а также партал – рухлядь и сурт – рисунок, иллюстрация и т.д.

Имеется и группа слов, обозначающих светильники и показывающих эволюцию развития источника домашнего освещения от березовой коры до современной лампы: ч1урам – лучина, обычно из березовой коры; стогар//согар – «светильник», букв. «свет видеть» («са» - «свет» + «гар» - «видеть»), который делался из свернутого рулончика коры березы или вишневого дерева;

къуьда – лампада, медный светильник, обычно имел форму ковша с носиком, через который пропускался шерстяной фитиль – милт, опущенный в расплавленное топленое масло. Такие светильники редко употреблялись, считались роскошью; для освещения, как правило, использовалась коптилка (ц1узулг – букв. «носик»), представлявшая собой простой керамический сосуд, куда заливали животный жир и вставляли фитиль, а также хаьштиг – головня, факел, сделанный из молодого побега березы, сосны или же коры березы (сосны), туго свернутой в трубочку и спрессовавшейся после сушки.

Здесь же рассмотрим предметы туалета: саба – мыло; йежк – гребешок. Эти предметы в основном привозились извне. В горах, правда, встречалось и самодельное мыло, изготовляемое из смеси специальной травы и особого сорта белой глины, а гребешки выделывали из крепкой и прочной древесины. Еще недавно чеченцы для стирки белья использовали специальную смесь – кха, составленную из золы с горячей водой, эффективно очищавшую белье.

Чеченские женщины, как и все женщины, любили душистые мыла (хьожа йог1у саба), красивые гребни. Часто пользовались привозными духами, миндальным маслом, белилами, мыли сывороткой голову для смягчения волос, выщипывали лишние волосы с бровей (ц1оцкъамашна тай тохар). В качестве румян использовали соки цветков, например, мака, тюльпана. Брови красили ольховой краской или сурьмой, приготовленной из жженых грецких орехов. Как правило, голову мыли дождевой водой. Девушки протирали зубы свежим творогом, якобы очищающим эмаль и укрепляющим десны.

Во второй половине XIX века сохраняло свое значение ювелирное производство. На территории Чечни в этот период было свыше 50 известных мастеров ювелирного дела.

«Обработка рукояток ножей, кинжалов и шашек, изготовление мужских поясов и других принадлежностей мужского национального костюма, сбруи для лошадей и т.п., изготовление женских украшений (серег, браслетов, поясов, нагрудников) – все это производилось исключительно в мастерских ювелиров», – пишет Горчханов¹.

Г. Н. Вертепов писал об изделиях из серебра и золота гор-

¹ Горчханов Г.А. К состоянию кустарных промыслов и обрабатывающей промышленности в пореформенной Чечено-Ингушетии // Сб. статей. Грозный, 1968. С. 82.

ских ювелиров, в том числе и чеченских. «Их оригинальная ручная работа гарантирует им исключительное положение вне всякой конкуренции на рынке: прочность огневой позолоты, кавказская чернь и своеобразная узорчатая резьба резко выделяют их из общей массы однородных изделий»¹.

В это время среди чеченцев появляются и зубные врачи, искусно вставлявшие зубы. Именно в конце XIX века появляется чеченская поговорка: «Дашо церг ерг атта велало» – «Имеющему золотой зуб – легко (приятно) смеяться».

Часто в Чечне можно было встретить и жвачку из воска – сеглаз, в последующем это были куски стеариновой свечи или смолы. По мнению чеченцев, жвачка очищала зубы, укрепляла десны, улучшала слюновыделение, а у пожилых горцев уменьшала головные боли.

ОДЕЖДА, ОБУВЬ И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Одежда отражает стиль эпохи, настроение человека, его быт и нравы, этническую принадлежность.

В связи с этим, изучение названий и истории одежды чеченцев имеет не меньшее значение, чем исследование любой другой области их деятельности.

Как сама одежда, так и ее названия – это исторические источники изучения культуры народа и его языка, они отражают взаимоотношения и взаимовлияния народов, их быт, обычаи и обряды, то есть возрастные и социальные различия, особенности ритуальной одежды. Как в колорите одежды, так и в ее покрое, отделке, орнаментах тканей, в шитье и вышивке находит свое отражение художественный вкус чеченцев, их эстетические потребности.

«При жалкой обстановке в сакле и одежда ингуша не представляет роскоши: мужчина обыкновенно носит ситцевую рубаху и бешмет, нанковые (хлопчатобумажные – авт.) штаны, черкеску из грубого самодельного сукна, кожаные или суконные ноговицы и чувяки и овчинную папаху, а женщина одета в ситцевую рубаху и бешмет по преимуществу ярких цветов, ситцевые или бумаж-

¹ Вертепов Г.Н. Очерки кустарных промыслов в Тверской области // Терский сборник. Владикавказ, 1897. Вып. 4. С.16

ные красные штаны, кожаные чупаки, с бумажным платком на голове; зимой мужчины и женщины прибавляют к своему костюму нагольный овчинный полушубок, но носить полушубок девушкам не в обычае – стыдно. Дети одеваются как и большие, но лет до 3-5, особенно в летнюю пору, они предпочитают находиться в костюме прародителей, что удобно для детей и неудобно для родителей. Сверх описанного костюма в ненастную погоду вместо бурок они надевают на себя кусок серого сукна, вроде шали или пледа; по преимуществу этот плед – наряд пастухов», – писал в прошлом веке современник¹.

Еще в древние времена, согласно данным археологов, на Северном Кавказе изготавливались шерстяные ткани разного качества. «Из шерстяной ткани шились различные (в том числе нарядные) одежды, скреплявшиеся бронзовыми булавками, фибулами и застежками, из шерсти шились женские головные уборы, вязались чулки, даже широкие пояса и пуговицы, и, наконец, делались всякие хозяйственные сумы и сумки (хурджины).

Собственно, не считая кожи, шерсть и шерстяная ткань являлись основным материалом, идущим на изготовление одежды и, по-видимому, даже легкой обуви у местных племен Северного Кавказа того времени.

О том, что изготовление шерстяных тканей было в то время самым распространенным домашним делом женской половины каждой большой семьи, каждого рода, можно судить по многочисленным находкам глиняных пряслиц².

Среди хозяйственных занятий населения Кавказа в докапиталистическую эпоху заметное место занимали «туземные» вековые «кустарные промыслы», достигавшие порой довольно высокой производительности. В их числе было и портняжное дело, обеспечивавшее горцев основным комплексом традиционной одежды.

Издавна известна чеченская продукция из шерсти: сукна, истангаш (чеченские паласы), бурки, накидки, войлок, попоны, носки, одежда, бечевка, веревки, кавказские летние шляпы и др. Найденные изделия из шелка, парчи, тонкой шерсти, всевозможные ювелирные изделия, предметы украшения свидетельствуют о

¹ Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 38.

² Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 329.

давних торговых связях чеченцев с Закавказьем, Ближним Востоком и Россией¹.

Помимо изделий из местных сортов шерсти, в Чечне уже в XVI-XVIII веках была известна выработка шелка, а позднее – и полотна. «В Чечне и Кумыкской плоскости, – писал О.В. Маргграф, – шелководством занимаются до половины населения, получая 3-5 фунтов коконов на семью. В плоскостной Чечне ежегодно производят шелку около 830 пудов, а на Кумыкской плоскости – до 875 пудов. Главный сбыт здесь на местных рынках Хасав-Юрта и Грозного».²

Из шелковой нити изготовлялись всевозможные шнурки и шнуры – для пистолетов и часов, галуны, пояса; галунами и тесемками украшались башлыки, одежда, обувь и др.

На терские рынки чаще поступал шелк – сырец, в 90-х годах XIX века в Чечне производилось около 800 пудов шелка, а некоторые села, например, Гехи, реализовывали его в большом количестве.

Во второй же половине XIX века шелководство в Чечне, несмотря на благоприятные климатические условия, заметно стало сокращаться. Как отмечал Е. Максимов, болезни шелковичных червей погубили здесь это дело, тем не менее, в каждом ауле можно найти несколько женщин, искусных в изготовлении шелковых изделий³.

Шелковичный червь – саллар – разводился еще в конце XX века; раньше из ниток кокона (чиллантай) делали довольно сложные и оригинальные узоры на одежде.

«Все погребенные лежат вытянуто, плотно друг к другу. Женщины одеты в длинные платья – рубахи с неглубоким разрезом на груди. Нижнее платье – с короткими рукавами из грубого белого холста.

Верхнее (на некоторых женщинах) из шелковой материи с длинными рукавами, с маленькими металлическими пряжками и пуговицами на груди. Нередко встречается и третье платье, сшитое из плотной грубоватой шерстяной ткани собственного производства. Это платье также имеет длинные рукава и разрез на гру-

¹ См.: Марковин В.И. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963; В стране вайнахов. М., 1969; Очерки истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1967. Т. 1.

² Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882. С. 86.

³ Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник, Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 89.

ди, застегивающийся пуговицами. Все верхние платья, особенно шелковые, обычно имеют яркие цвета: красный, синий, зеленый, оранжевый. Кроме рубах и платьев, женщины имеют шаровары из холста или из тонкой шерстяной материи. Ноги были обуты в чувяки или сапожки из цветного сафьяна на мягкой подошве.

Головы украшали высокие головные уборы, в виде конька, сделанного из красного войлока или плотного сукна. Этот парадный головной убор, называемый «кур-харс», носили только богатые женщины. Талию опоясывал кушак из шелка или холста, к которому привязывались железные ножницы, а также сумочки с шелковыми цветными нитками, иглами, и наперстками, деревянные гребни.

Мужчины были одеты в длинные до пола кафтаны или халаты, в большинстве случаев также из цветной шерстяной ткани. Обычно на мужчинах две одежды. На ногах широкие шаровары из грубой шерстяной ткани, вобранные в мягкие козловые сапоги («ноговицы»), иногда ноги обвиты обмотками. Довольно часто на головы мужчин надеты мягкие стеганные шапки, нередко встречаются покойники в меховых барашковых шапках, очевидно, более позднего времени: они одеты уже в черкески с газырями».¹ Как видно, здесь представлены археологические описания одежды вайнахов домусульманского периода.

Следующие названия тканей говорят об их распространенности: к1ади – ткань; туп – тюк ткани; маша – домотканое сукно, шерстяное одеяло.

Чеченские «машош//мошаш//мовший» изготавливались в Чечне повсеместно, причем разного качества и тонкие – для черкесок, и потолще, грубее – для верхней одежды. О масштабах распространения производства сукна в Чечне говорят данные О.В. Маргграфа: «Ежегодно Терские казаки покупали у чеченцев в Грозном, Кизляре, Хасав-Юрте около 1700 черкесок и столько же башлыков, всего на сумму 10 тысяч рублей».²

Как сообщают историко-этнографические источники, чеченцы издавна занимались изготовлением сукон. В одном из документов говорится о том, что подвластные чеченцы владельца Алисултана Казбулатова пришли на переговоры с казаками Щедринской станицы и принесли с собой для возмещения убытков 2

¹ Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 93-94.

² Маргграф О.В. Указ соч. С. 104.

куска сукна да несколько кошм.¹

Особенно широкое распространение получило «чеченское сукно» в XIX веке, из него шили даже казачьи виц-мундиры. Оно изготовлялось в таких селах, как Харачой, Ведено, Ножай-Юрт и др. Чеченские мастера часто шили для продажи черкески, башлыки, шальвары, шапки. По подсчету О. В. Маргграфа, в указанных районах производилось на продажу 2000 кусков сукна в год на сумму 8000 рублей.²

Но со временем суконное производство стало сокращаться, не выдержав конкуренции с более дешевыми фабричными сукнами, привозимыми из российских городов. К концу XIX века производство сукна сохранилось в основном только у горных чеченцев.

Для изготовления сукна существовал специальный переносной ткацкий станок – дахьар – на массивной деревянной подставке. Чтобы изготовить один отрез сукна – кийсак – наполняли пряжей обычно около десятка веретен, затем между противоположными концами станка натягивалась пряжа, которую с помощью гребня – обычно длиной более полуметра (с двумя параллельными рядами отверстий) – начинали ткать.

Гребень управлялся руками и ногами: когда на особые педали из шнурков ткачиха нажимала ногами – поднималась одна половина нитей основы, опуская затем гребень руками – опускали вторую половину нитей основы. В период между подъемом и опусканием гребня между двумя рядками пропускался челнок – чеглак.

Сотканное сукно после этого, поливая теплой водой, долго мяли, затем накатывали на каталку и катали сырым, так и оставляя его сохнуть. Тонкое сукно называлось исхар.

До Кавказской войны чеченцы изготавливали и полотно из льна – виета//гиета.

Почти все остальные ткани были привозными и покупались у армянских, персидских, русских, кумыкских, а затем – у местных купцов, например: дари – сорт шелковой блестящей ткани; боз – бязь; чилла – шелк; басма – ситец; шал – шерстяная материя, шерсть; бумзи – бумазея; махмар – парча; киса – полотно; йиездари – парча; хут – бархат; чучанча – чесуча; хари – уста-

¹ ЦГА ДАССР. Ф. 379. Оп. 2. Д. 53. Дл. 86-86 об.

² Маргграф О. В. Указ. соч. С. 78

ревшее название узорчатой ткани.

Ткани различались как окраской, рисунками, так и узорами, например: тIамар йолу кIади – ткань с узорами; моха йоьду кIади – ткань в полоску; гахIар доьду кIади – ткань с узором наподобие елочки.

Названия, связанные с шитьем: тоьгуна – шитье; тIара – наперсток; маха – иголка; эхант – шерстяная нитка; хелиг – отрезок нитки; уьйриг – клубок пряжи, ниток; тендечиг//туьппалг – катушка; мисаagmaха – египетская иголка; тай – нитка; чилланан хелиг – шелковая нить; бустам – выкройка.

Вся одежда у чеченцев делится на нижнюю и верхнюю: чухула йуху бедарш – букв. «снизу одеваемая одежда»; бедар называется в чеченском языке одежда вообще, а барзакъ – верхняя одежда. Из нижнего белья известны чухула йуху хача а коч а – нижние штаны и рубашка.

Штаны обычно шили свободными, широкими вверху и суживающимися низу, между штанинами вшивался клин – айла. Верхняя часть таких брюк заканчивалась широким рубцом (барч), в который продевался хьунжар – учкур, гашник для мужских и чимчагIа – шнур, тесьма для женских штанов. На штанах часто делались галуны – сирнаш (ед.ч. сир). К низу брюк пришивалась тесьма – штрипка – кхокьали.

В брюки вшивался карман – киса. Штаны назывались хеча и шарбал.

Широкое распространение получили у чеченцев, как и у других кавказцев, брюки голпие (галифе). Они оказались до того практичными в условиях гор, что за довольно короткий срок завоевали у чеченцев множество поклонников; такие брюки обычно берегли, ценили их дорого и для долгой носки часто подшивали кожей.

Своеобразными были и чеченские мужские и женские рубашки. Мужская рубаха (куоч, кист, куач) шилась из целого куска материи длиной до 2-х метров; отрез складывался, верх рубахи подрезался с боков, одна часть составляла спинку (букъ), другая – перед (хьалхие). Затем к суженной верхней части рубахи пришивались рукава (пхьуош), воротник (кач) делался у верхней рубахи стоячим, а нижняя шилась без него. Вместо пуговиц (нуьйда) пришивались круглые пуговицы из плетеного шнура (вета).

Простой фасон женского платья отличался от мужской ру-

бахи только тем, что оно было немного длиннее, а у старух доходило до пят. На рубашках искусно делалась подрубка (тир) и часто оборки (джужжапаш).

Под мышку женской и мужской рубашки вшивался часто клин из прочной материи (улх//кишлик).

Древнейшей одеждой чеченцев считался гловтал – бешмет, спинка и перед которого кроются из целого куска ткани, спереди сверху донизу делается разрез, для расширения нижней части бешмета вшиваются фалды (тлаьмнаш, ед.ч. тлам). Гловтал обычно делали из шелка или шерсти, часто на подкладке (чухутург).

Широко распространена на всем Кавказе национальная одежда кавказцев чоа – черкеска с широкими рукавами, с карманами для газырей – бустамаш, повсеместно встречающаяся в Чечне, особенно в последнее время.

Национальным же праздничным платьем чеченских женщин является глабали. Сверху женщины обычно носили платье – полшу – без разреза на юбке, с открытым на груди лифом, рукава шились с манжетами; платье было довольно свободное, часто – с подкладкой и карманом под мышкой. При приготовлении пищи и выполнении любой домашней работы чеченские женщины носили фартук – хьалхауллург – букв. «впереди вышающийся».

Мужчины носили халат широкого покроя, длиной ниже колен – оба. Обычно такие халаты носили лица, совершившие хадж в Мекку.

Мужчины и женщины зимой, весной и осенью носили «душегрейки» – силг (кист. белихйолург) которые шились из овечьих шкур, тканей, простегивались на вате.

Зимой чеченцы носили шубы из овчин. В выделке овчин и вообще кож чеченцы достигли высокого мастерства.

Наличествующая терминология технологического процесса обработки кож говорит об относительном его совершенстве, например: дабагла – дубитель; силу – дубитель, закваска; япарх – краска, употребляемая при дублении кожи; хема – инструмент для разминки кожи.

С давних пор чеченцы изготавливали из различных кож мужскую и женскую обувь, конскую сбрую, турлуки (надувные мешки), таьлсаш – переметные сумки и др. А. Берже, например, отмечал, что горские чеченцы изготавливали сапожную кожу – сафьян –

и сбывали жителям равнинной Чечни.

«Выделку шкур знают все туземцы Северного Кавказа, и для домашнего обихода они производятся обыкновенно женщинами...

У большинства туземных племен все женщины умеют шить обувь, и этот труд лежит на их обязанности»¹, – писал О. В. Маргграф.

Кожевенный промысел в Чечне удовлетворял главным образом местные потребности. Чеченцы были известные изготовители кож, и кожа, выделанная ими, ценилась на рынках Северного Кавказа.

В 1899 году в Грозном существовало 6 кустарных предприятий по выделке кож и овчин со средним числом рабочих 10 человек. Общая производительность этих предприятий составляла 4425 шкур в год на сумму 8410 рублей.²

Верхней одежды у чеченцев было несколько видов: кетар – шуба, тулуп; бекх – тулуп (бекх – меховое пальто); керча – дагестанский тулуп (это особый фасон тулупа с длинными зауженными рукавами, обычно его носили пастухи).

Одним из видов был тулуп сводного покроя, шерстью наизнанку. Кетарш были наиболее распространенными шубами, сначала – свободного покроя, а затем – с зауженной талией (г1одаюкъ-хаб йина кетар), бурка – верта различалась двух видов – для пешего и конного человека.

Изготовлением бурок в основном занимались женщины, это был емкий и тяжелый труд. Для изготовления бурки стоимостью от 3 до 7 рублей требовалось 8 дней, а бурка высшего качества изготовлялась в течение месяца.

В течение года семья могла изготовить до 25 бурок. В среднем в Чечне бурочным производством было охвачено до 100 дворов, а в Старом Юрте – до 25 дворов. В начале века в Чечне изготовлялось до 2000 бурок³.

¹ Маргграф О.В. Указ. соч. С. 79.

² Горчханов Г.А. К состоянию кустарных промыслов и обрабатывающей промышленности в пореформенной Чечено-Ингушетии. Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный 1996. С. 82.

³ См., например: Исаев Т.Н. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1974. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1; Самойлов К. Записки о Чечне// Пантеон, СПб., 1835. Т.23.; № 10; Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный, 1963.

Чечня была основным районом Северного Кавказа по изготовлению и продаже бурок. Чеченские бурки были тонкие и легкие, например, чеберлоевские бурки продавались через андийцев и ценились хорошим качеством в Грузии и Кумыки.

Изготавливались бурки, которые славились хорошим качеством в селах Старый-Юрт, Белгатой и других.

Наряду с буркой, чеченцы и, прежде всего горцы-пастухи, носили простую войлочную накидку, защищавшую их от дождя – кхоллар – накидка, плащ.

Также были распространены: пазат – чулок, носок; кара – рукавица (букв. «надетая на руку»). К одежде прикреплялось много ремней и ремешков: локхар – ремень; доьха – пояс, ремень; аса – ремень, пояс, полоса; бахтар – ремень, тесьма, ляжка, часто кожаная; пиезаган доьха – ремешок для ноговиц.

Большим разнообразием отличались головные уборы чеченцев, особенно женские. Древний головной убор чеченцев – курхарс. Впервые об этом головном уборе упомянули члены русского посольства, посетившие в 1638 году Ингушетию по дороге в Грузию. В их отчетах отмечалось: «... Дома в них каменные, выстроенные в горах; мужчины одеты по-черкесски, а женщины носят на головах рога в пол-аршина»¹. Значительно позже, Клапорт в известном труде «Путешествие по горам Кавказа и Грузии» приводит очень ценные подробности об этом уборе. Он говорит, что «женщины носят убор, который по форме напоминает рога серны, но согнуты впереди, он сделан из коры березы и покрыт сукном или шелком, имеет в ширину около двух больших пальцев, в высоту семь пальцев, украшен гирляндами, этот убор называется чугул»².

По всей вероятности, колпак назывался курхарс, а часть колпака – члугал – рожок. Вот что писал проф. Л. П. Семенов об этом головном уборе: «1. Нередко встречается особого рода головной убор – подобие изогнутого рога, суживающегося кверху, загибающегося спереди; он сделан из тонкого войлока, обтянут красной тканью, украшен перекрещивающейся перевязью и круглой выпуклой серебряной бляхой, старинное название такого убора – «курхарс».

¹ Клапорт. Путешествие по горам Кавказа и Грузии. Лейпциг, 1878. С. 232.

² Семенов Л.П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 1. С. 211.

2. Предметы женского потребления: головные высокие роговидные уборы красного цвета (курхарс) своеобразны и изящны, женские головные роговидные уборы, обтянутые красной тканью, со свешивающейся сзади короткой тыльной частью какого-либо другого цвета (синего, золотистого и др.); убор этот украшен выпуклой круглой серебряной бляхой, кружевом и лентами. При обследовании нетронутого женского погребения в колодообразном гробу (в надземном склепе сел. Горах) в 1929 году нами было отмечено, что подобный убор был положен под голову погребенной. Судя по приведенным данным, «курхарс» носился чеченскими женщинами, по крайней мере, с начала XVIII века до начала XIX века»¹.

Не менее древним является название и другого чеченского головного убора куортали – головной платок. Сама структура слова говорит о его этимологии, буквально означает «накидка на голову» (куорт – «голова» + тилар – масдар от глагола тилла – «накидывать, одевать»). Слово курхарс также образовано двумя компонентами, первый из которых – кур – означает: 1) рога оленя, кочкаря; 2) чуб, локон, прическа женщины, а семантика второго не ясна. По нашему мнению, слово курхарс вошло в научную литературу в искаженной фонетической транскрипции. Представители старшего поколения вспоминают, будто бы раньше состоятельные женщины носили шелковые дорогие шапки с двумя члугалами, называемые «кур-хьарс» (-аш). Значит, второй компонент данного слова звучит не как харс, а как хьарс. Известно, что в чеченском языке наличествует древнейший глагол хьарса – «посыпать, обсыпать чем-либо, прикрывать чем-либо» (отсюда хьарса – рыжий, обсыпанный веснушками). Итак, понятие курхьарс буквально означает накидку на голову, прикрывающую женскую прическу. Данное слово, как мы видим, образуется по аналогии со словом куортали.

Была высказана и другая точка зрения относительно этимологии второго компонента слова кур-харс: этот компонент – «харс» - связывался со славянским названием солнца – «хорс». Известно, что образ этот совпадает с древнеиранским мифическим существом цвета солнца².

Напрашивается мысль о близости этому компоненту и со-

¹ Семенов Л.П. Указ.соч. С. 212.

² Техиева К. Загадки «кур-харсов» // Университетский вестник. 1982. 14 октября.

хранившегося восклицания у чеченцев во время танца (вероятно, когда-то ритуального): «Хорст вай! Хорст вай!» – «Хорст наш! Хорст наш!» («Бог наш!»).

Бытуют и другие головные уборы женщин: бой – шаль, вязанный платок; чухта – женский головной убор или плотный волосяной мешок, прикрывающий женские волосы; гульмальда – цветной шелковый платок; тапта – шелковый платок, тафта, а также йовлакх – головной платок, носовой платок.

Основным головным убором мужчин была и остается шапка из овчины, сначала островерхая, шерстью внутрь, затем наподобие усеченного конуса, шерстью вверх, или просто наподобие современной кубанки. Очень высоко ценилась шапка из мерлушек – элтар, которую с большим трудом и за большую цену доставляли в Чечню из Бухары. Особенно была в почете мерлушка с мелкими золотистыми завитушками – к1индж. Ей уступала шапка из обыкновенного каракуля – холхаз, и стоила она несколько дешевле, чем из золотистого каракуля. Такие шапки делались со стеганными шелковыми и матерчатыми (суконными, бархатными) подкладками или же каракулевыми верхами. Кроме того, было еще несколько видов головных уборов как местных так и заимствованных: куй – шапка, папаха; куйнан бохь – верхняя часть шапки; б1ег1иган куй – войлочная шапка; мангалан куй – шляпа для сенокоса, с большими полями, букв. «коса-шапка»; элтаран куй//холхазан куй – каракулевая шапка-кубанка; т1апа куй – фуражка; лабйолу куй – фуражка с козырьком; лергашдолу куй – шапка-ушанка; бохьмуц1аран куй – шапка-буденовка; мангалан куй; элтаранкий; холхазан куй; лабайолу куй; бохьяг1акий – шапка-буденовка; кийнлерг – букв. «шапка-ушанка»).

Хорошая шапка с каракулевым мехом (антик) ценилась довольно дорого у чеченцев; стоимость ее доходила иногда от одной до двух коров, ее брали у друзей напрокат, когда какой-либо сельчанин отправлялся в гости или на свадьбу.

Многие носили появившиеся в Чечне в XIX веке фески – пес. Паломники носили чалмы – чалба.

У чеченцев был популярен и башлык – башлакх, часто расшитый узором – тикма – серебряными или золотистыми нитками. К башлыкам пришивался темляк или тесьма с кистью на кончике – хорха.

Еще в древности чеченцы носили украшения. В захоронени-

ях, относящихся к бронзовому веку, археологи находят браслеты, фибулы, бронзовые нагрудные украшения, спиральные кольца, височные бронзовые подвески, бляхи, сурьмяные и другие бусы, перстни, бронзовые цепочки и другие украшения.

Рассмотрим названия украшений мужчин и женщин: ч1уг – кольцо, перстень, серьга; мухар – на чеченском языке так называется мужской перстень, служивший часто и печатью; х1обь – кавказские маленькие сережки; х1уоз – браслет; туьтеш – бусы; лагпилг – медальон; а также маржан – коралл; джовх1ар – жемчуг; чаьрпаз – нагрудная застежка на платье горянки; хьалкха – плоские сережки.

Искусно делались туйдаргаш – своеобразные металлические пуговицы горянок. Они с тонким художественным вкусом изготавливались в основном из серебра и представляли собой клинообразные металлические пластинки, располагавшиеся на груди сложным клинообразным рядом, конец которого, доходил до пояса. Из мужских украшений известны: к1аьга – пряжка; т1ордб1аьрг – оправа на перстне или оружие; сетал – украшение на кавказском поясе в виде буквы Г, имитирующее когда-то висевшую на поясе чеченцев отвертку (кстати, и отвертка почеченски называется также). На кавказском поясе был еще ряд украшений, имитировавших части вооружения XVIII-XIX века, например: пороховницу, масленку, шило и т.д.

Имелась у чеченцев и разнообразная обувь (домашняя, зимняя, летняя и др.). Общее название обуви – мача (мн.ч. «мачаш»).

Наиболее распространена была в народе обувь из сыромятины – не1армачаш – букв. «обувь из шкуры крупного рогатого скота», а также обувь из сыромятины с волосяным покровом на подошве, чтобы при подъеме в гору не скользила нога – симхья.

Делались из сыромятины и хулчи – особого рода сандалии с подошвой из плетеного ремня, чтобы не скользила нога; кроме того, с этой же целью часто к обуви привязывали треугольные железные подковы.

Не1армачеш – обычно делали из цельного куска воловьей или буйволиной кожи, зашивали их кожаными нитками наподобие вареников (кстати, местное русское население их так и называло), застилали соломой или мягкой травой и надевали на толстые шерстяные носки, сверху опуская на них войлочные ноговицы.

Более просто делалась другая обувь – калбанеш (ед.ч. калб). Для их изготовления брали кусок кожи, по краям которой делали отверстия для продевания ремня или шнура. Ремни затягивались под или над щиколотками.

Мужчины и женщины носили кӀахарш – чувяки, тапочки (ед.ч. кӀарх). Их делали из сафьяна (тӀарсиг), козьей шкуры, сукна, а бацбийцы и кистины вязали их из толстых шерстяных ниток.

Домашней обувью служили, сделанные без задников пашмахаш: у женщин – на каблуке – кӀажа, а у мужчин – без каблучков. Подошвой – айр – в прошлом служило дерево или древесная кора, а затем – войлок, кожа и т. д.

С конца XIX века распространенной обувью являются у мужчин сапоги – эткаш, у женщин сафьяновые сапожки – маьхьсиеш с длинными или укороченными голенищами – бертиг, без каблучков. Раньше многие чеченцы носили чувяки с ноговицами – пезаг.

Ноговицы обычно делали из мягкой кожи, над икрами их затягивали ремешками; иногда они пристегивались к чувякам. Чувяки для ноговиц шили с мягкой подошвой – под калоши, с толстой подошвой и с широким рантом – туре – для ношения без калош.

В чувяки, калоши застилали специально приготовленные войлочные подстилки – утаркхаш (ед.ч. утаркх).

Зимней обувью чеченцам служили утепленные кавказские валенки, изготовленные из шерсти – бӀоржам, местное русское население называло их «бурками». В плоскостной Чечне шили, и сапоги из валяной шерсти – окхеш, которые носили главным образом пастухи.

Этимология названий отдельных видов одежды говорит об авторстве чеченцев, предки которых изготавливали их сами. Например:

1) от древнейшего названия конечности ка – уст. «рука, конечность» образованы исторически: куоч – рубашка, кач – воротник, кара – рукавица;

2) от слова ках – «бедро» образуется слово хач – штаны. От пхья – уст. «конечность» - образуется пхьыш – рукав; от са – «душа» образуется силг – душегрейка, от гӀал – «туловище» образуется гӀод – платье с еще не вшитыми рукавами;

3) от таких глаголов, как кхуолла – «накрывать», чутуха – «вбивать, вшивать», хьалхаолла – «вешать впереди», буста – «мерить, измерять», тиега – «шить», диехка – «завязывать» образуются названия одежды; кхуоллар – войлочная накидка; чутухург – подкладка, хьалха-уллург – фартук (причастные формы); бустам – газырь (<буста + м – словообразовательный суффикс); тоьгуна – шитье; доьхка – пояс;

4) с названиями частей тела и с другими словами увязываются следующие названия одежды: кучан йух – подол; хачин гуола – колени брюк; т1ам – фалда; бедар – одежда; барч – верхний рубец у брюк, куда просовывается учкур и др.

ПИЩА

Пища чеченцев отличается многообразием названий, у каждого из нахских народов и представителей их диалектов имеются свои специфические блюда, а некоторые из общих блюд имеют разную технологию приготовления. Например, у бацбийцев и кистин много блюд и названий, заимствованных у грузин (к1орк1от1 – каша; сацив – студень; к1ер – лепешка; цом – тесто; мураб – варенье), аккинцы готовят пищу подобную кумыкской (союзма – особый вид творога; чий – простокваша; г1инкал//хинкал – кусочки теста, варенные в жирном бульона; чишлик – шашлык).

Вообще, в нахских языках и диалектах масса названий блюд и продуктов питания, заимствованных из русского и восточных языков. Безусловно, в разные исторические эпохи пища у чеченцев была разная.

«Чеченцы, подобно другим горцам, весьма умерены в пище и питье. Чуреки или кукурузный хлеб, намазанный бараньим жиром, а также пшенная похлебка с тем же жиром – вот их всегдашняя пища; вода – обыкновенное питье», – писал М.Я. Ольшевский.¹

Примерно то же говорил о горской пище О. Евецкий. «Жизнь ведут с большими недостатками, – писал он. – Лепешки, испеченные на углях из пресного пшеничного или пшенного хлеба, или ячменного теста, молоко и сыр составляют их главную

¹ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 гг. // Русская старина. 1893. №7. С. 311.

пищу, мясо употребляют самые богатейшие и то весьма редко».¹

«Чеченцы очень умерены в пище, точно так же, как во сне. Несмотря на то, что они весьма сильны и ловки, они едят очень мало и часто довольствуются чуреком с куском бараньего сала или сыра. Дома чеченцы едят раза два или три, понемногу», – пишет Н. Дубровин.²

Действительно, в упомянутые годы горцам было не до изысканных блюд – это были суровые годы Кавказской войны. И чеченцы питались нехитрой пищей, которую можно было долго хранить и быстро приготавливать, не разжигая огня.

Например, известное чеченское цу – толокно – готовили из молотых жареных зерен ячменя, проса, ржи, а в последнее время – кукурузы и груши. Стоило такую муку перемешивать с водой и солью, а при наличии топленого масла – и с ним, и горец получал довольно сытную пищу.

Чеченцы, как известно, постоянно испытывали земельный голод. Даже в начале XX века наблюдалась такая картина. Не случайно член Государственной Думы Т. Эльдерханов говорил в Думе о том, что горцу принадлежит столько земли, сколько можно прикрыть буркою. В.И. Ленин, анализируя земельное положение на Кавказе, обратил внимание на это выступление Т. Эльдерханова в Думе.

Историко-лингвистические источники говорят о том, что пища чеченцев не во все времена была скудной. Названия разнообразных блюд и продуктов питания, большей частью относящихся к основному словарному фонду чеченского языка, свидетельствуют о богатых и подчас изысканных блюдах.

Одной из главных, традиционных отличительных черт чеченцев является гостеприимство: «Чеченец вообще страшно гостеприимен и последнюю рубаху отдаст, только бы угостить гостя», – пишет царский лесничий, долгое время работавший среди чеченцев. А у гостеприимного народа, как известно, должно быть и богатое меню, чтобы было чем угощать гостей.

Основными продуктами, идущими на приготовление пищи, были продукты земледелия, животноводства и птицеводства. Кроме того, в обилии использовались огородные и бахчевые

¹ Евецкий О. Статистические описания Закавказского края. СПб., 1835. С. 42.

² Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1-3. С. 416.

культуры. В конце XIX века у чеченцев появляются европейские огородные культуры, такие как помидоры, капуста, картофель, редис и др. Почти все продукты питания, за исключением пряностей и сладостей, они производили в своем хозяйстве.

Продукты питания и пища чеченцев, как и у других народов, делятся на мучные, мясные, растительные и т.д. Для изготовления мучных изделий использовали следующие виды муки: дама – мука пшеничная, ячменная, ржаная, овсяная; слово дама – не что иное, как древнейшее название размельченной массы вообще; сискалг1а//ахьар – кукурузная мука.

Для приготовления мучных изделий (хлеба, лепешек, пирогов, галушек) тесто – буод – готовили как обычное, так и на дрожжах (севсина буод – заквашенное тесто). С дрожжами, изготовленными из хмеля – хояхар, чеченцы, по-видимому, были знакомы издавна. Тесто для лепешек и пирожков часто закисляется простоквашей, сдобное же тесто готовится с примесью яиц и сладостей.

Чеченцы пекут несколько видов хлеба, о чем говорят их названия: бепиг//кхаллар – пшеничный, ячменный меченый хлеб. Слово бепиг относится к детской лексике – ба-па; кхаллар – букв. «кусочек» (<кхалла – «куснуть», «закусить», «поесть» + р – суффикс масдара). Из хлебных изделий чеченцы употребляли также: обьлг – хлебец, приготовляемый в прошлом для поминания покойного; г1аг1ал – маца или тонкая лепешка, жаренная без масла из сдобного теста с нанесением на нее орнамента. В годы Кавказской войны чеченцы заимствовали у русских названия сухаря (сухар), появился неологизм чкъург – баранка, бублик, сушка. Кроме того, имеются: севсина дина бепиг – хлеб на дрожжах и хыйна бепиг – букв. «мятый хлеб». Последний изготавливается из пшеничной муки, в тесто добавляют желток, кислое молоко, а в последнее время и хлебную соду. Затем в течение получаса и более, тесто мнут и делают большую круглую лепешку толщиной в два-три пальца, верхнюю ее часть смазывают желтком и раскрашивают простым орнаментом, изображающим несколько зигзагообразных, параллельных линий, наносимых нижней частью берцовой кости барана.

Широкое распространение у чеченцев получила и кукуруза. Основным продуктом, изготовляемым из кукурузы – это кукурузный хлеб или сискал. Он готовится из хорошо просеянной куку-

рузной муки, тесто замешивается кипятком с солью. Полученную массу в форме круглой плоской лепешки, толщиной в два-три пальца, пекут на сковороде, стенки которой смазывают бараньим жиром. Жарят ее, прикрыв сверху второй сковородой. Раньше сискал жарили в очаге (камин), обложив раскаленными углями. Его также готовили из кукурузной муки, полученной из помола жареной кукурузы. До появления чугунных сковородок чурек жарили на углях или на раскаленных каменных плитах. Для того чтобы хлеб, лепешка или сискал хорошо поджарились, использовали специально обожженный гончарный диск. Часто чеченцы готовят сискал, добавляя в кукурузное тесто мелко нарубленные кусочки высушенного внутреннего бараньего сала, что придает горячему сискалу своеобразный вкус; называют его мохътоьхна сискал – чурек с салом. Из кукурузной муки изготавливают чеченские галнаш (ед.ч. гал) – вареные кукурузные галушки. Готовят галушки и из пшеничной муки, но чеченцы предпочитают кукурузную. Технология изготовления кукурузных галушек такая же, как и сискала, за исключением того, что галушки бросают в кипящую воду и варят.

Из кукурузной муки приготавливали так называемые тоьпаш (ед.ч. туоп). Это большие галушки в форме огурца, они обычно жарились в горячей золе; хьолтIамаш – плоские галушки размером с детскую ладонь; кхункх – вареные зерна кукурузы с фасолью; дьаттах – кукурузная мука, жаренная в масле; чьюьпалг – кукурузные хлопья; мижарг//меж-илг//межиг – 1) небольшая лепешка из кукурузной муки, 2) комок творога, халвы и т.п.; чутта – вареные лепешки из кукурузной муки с начинкой из крапивы с курдюком или внутренним салом, а также кхерзина хьаьжкIаш, йеттина, кхехкийна хьаьжкIаш – жареная и вареная кукуруза и т.д.

Повседневной пищей, особенно у бедняков, были разные каши – худар. Их варили из кукурузной, пшеничной, ячменной, просяной муки и сечки, например: шуьрхудар – каша из пшеничной муки на молоке; дуганхудар – рисовая каша; Iоьвна худар – пшенная каша; демахудар – каша из пшеничной муки; сискалIан//ахьаран худар – каша из кукурузной муки (мамалыга); муьста худар – кислая каша, названная так потому, что готовилась на сыворотке. Каши ели с молоком, с маслом, с размельченным солоноватым творогом, а иногда с арбузным медом или про-

сто с рассолом из-под сыра.

Чеченцы готовят разнообразные супы, например: дугана, Юовна, шурин, думи, джержан, кхобин, горгакхобин чорпа, то есть рисовый, пшеничный, молочный, курдючный, из сечки, фасолевый, гороховый супы; а также жижиган, куотаман чорпа – мясной и куриный бульоны. Из пшеничной муки готовят: локъамаш – оладьи в форме ромбика или прямоугольника величиной с детскую ладонь. Пышки делали и с начинкой; в зависимости от вида начинки она назывались по-разному: чЕпалг – пшеничная лепешка с начинкой из творога или картофеля; дала – лепешка с начинкой из ливера; хингал – лепешка с начинкой из тыквы в форме круга или полукруга. Технология изготовления чеченского хинкала ни с грузинским, ни с аварским, ни с кумыкским ничего общего не имеет.

Приготовление всех лепешек с начинкой и без нее не сложно: тесто замешивается так же, как и для хлеба. ЧЕпалг(аш) делают одной формы: чем тоньше женщина делает лепешку с начинкой, тем выше ценится ее искусство. Встречаешь иногда чЕпалгш с начинкой из творога или картофеля, которые буквально просвечиваются.

Начинкой служат пюре, свежий сыр, а иногда солоноватый творог, часто смешанный с сырым яйцом. Начинка из тыквы готовится из вареной тыквы, которую поджигают с луком на масле, добавляя по вкусу немного соли и сахара. Полученную массу кладут на диск расплющенного теста, который затем складывают вдвое и поджаривают на медленном огне. Поджаренные хингалш смазывают маслом, а иногда, для придания им мягкости, сначала смачивают теплой водой (часто это делают в целях экономии масла). Едят лепешки с начинкой, разрезав их на четыре или восемь равных долей (хингал разрезают на шесть долек), макая в свежее растопленное масло и запивая обыкновенным или калмыцким чаем (гГалмакха – чай на молоке, опять-таки с топленым маслом и перцем).

Чеченцы готовят гГаймакхаш – блинчики из массы, полученной путем смеси яиц, молока и белой пшеничной муки. Они жарятся на топленом масле.

Яйца чеченцы употребляют в разных видах: это детина хЮаш – жареная яичница, кхехкийна хЮаш – вареные яйца, хЮа – блюдо из яиц. На праздниках, свадьбах, похоронах для почет-

ных гостей готовят халву, плов, пельмени и т.д. Халва готовится нескольких видов. Для угощения большого количества гостей готовят сравнительно недорого стоящую халву из кукурузной или пшеничной муки с сахаром. Эта смесь жарится в кипящем масле до тех пор, пока не образуется густая кашеобразная масса. Затем эту массу раскладывают на подносе, а после охлаждения режут на куски и подают к столу. Часто халву делают в форме удлиненных кругляшков – межаргаш.

Сложнее технология приготовления двух других разновидностей халвы, встречающихся чаще у плоскостных чеченцев (по-видимому, под влиянием кумыкской кухни): это гарзнихьовла – букв. «лапша-халва» и баIархьовла – букв. «орех-халва», оба названия говорят о составе этих блюд. Первый вид халвы делают из круглой лапши, прожаренной в кипящем масле, раскладывают на подносе и заливают медом или густым виноградным соком, после охлаждения режут на куски желаемого размера. Для приготовления халвы второго вида используют молодые зеленые орехи, которые проваривают в виноградном или сахарном сиропе и дают застыть. Существовал еще один способ приготовления халвы: ядра грецких орехов слегка измельчали, прожаривали в топленом масле и заливали медом, после охлаждения готовую массу разрезали на куски нужной формы.

Праздничным блюдом чеченцев считается и плов. В Чечне готовят пилу//пуло – плов из риса и чилу – мясной плов без сладостей. Чеченские курзанаш – пельмени – в общем, не отличаются от сибирских пельменей: фарш для них готовят из очень жирной части филе или бедра барана.

Своеобразно у горцев готовят лапшу – гарза. Наилучшей считается тончайшая лапша, приготовленная из теста на яйцах, а затем сваренная в курином бульоне. Ее можно варить и в других бульонах, а также на молоке. Часто с лапшой варят и так называемые бедаш – тесто, т.е. небольшие, в два-три пальца шириной, кусочки теста наподобие кумыкских хинкалей, которые едят с топленным маслом.

Из мяса (чеч. жижиг) вайнахи отдают предпочтение баранине, курятине и особенно мясу индейки. Конину горцы употребляют неохотно.

Из мяса они приготавливают разнообразные блюда. Часто просто отваривают кусками – талхаш (ед.ч. талх), едят его с ост-

рым чесночным соусом – кӀуобьерам из измельченного чеснока, заливают жирным бульоном.

Готовят и такие мясные блюда, как гӀурма – жаркое с картофелем и без него; кхерзана жижиг – жареное мясо.

Известно даже за пределами республики национальное блюдо чеченцев жижиг-галнаш – буквально «мясо-галушки», технология приготовления которых довольно проста. Это блюдо представляет собой вареные куски мяса (бараньего или говяжьего) с пшеничными или кукурузными галушками. Мясо и галушка макают в острый чесночный соус и запивают мясным бульоном.

Наиболее почетным мясным блюдом, преподносимым важным гостям, считается у чеченцев кортий-накхий – букв. «голова-грудинка», приготовляемое из освежеванного барашка. На поднос кладут хорошо просмоленную и проваренную голову барана, в середину подноса укладывают искусно вырезанную и проваренную грудинку и целиком сваренный бараний курдюк. Почетный гость подкинжальным ножиком отрезает от всех частей по маленькому кусочку и, опуская все это в чесночный соус, начинает трапезу.

Оригинальным блюдом в прошлом считалось чоко-жижиг (желудок-мясо). Оно готовилось следующим образом. Освеживали барана (редко – козла или телку или же дикое животное), мясо рубили с костями на небольшие куски, затем выворачивали желудок, заполняли его кусками мяса, различными травами (оччам буц) с солью. Все это иногда заворачивали в кожу (в том числе, если желудок был молодого животного). В желудок просовывали трубочку (чӀижаргӀа), края отверстия желудка и края кожи (шерстью вверх) плотно привязывали вокруг трубочки. Затем выкапывали яму до одного метра глубиной, разжигали в ней дрова и, когда они обугливались, опускали на них мясо, зашитое в шкуру (если же мясо варилось в желудке, то начисто выгребали уголь). Яма засыпалась землей. Мясо в течение одного-двух часов варилось в собственном соку, выделяя через трубку пар, а когда переставал выходить пар, яму разгребали и вытаскивали мясо. Этим блюдом обычно пользовались пастухи на отгонных пастбищах.

Об аналогичном блюде у народов Дагестана еще в середине XII века писал арабский путешественник: «В этой местности охотятся на газелей. Мясо убитого животного разрубают, и кладут его в шкуру, и завязывают шкуру, вставив в нее проткнутую тро-

стинку, и закапывают шкуру с мясом в землю. Оно варится и из этой трубки выходит пена, как выходит из котла. Когда пена прекращается, мясо готово».¹

Оригинально было и чеченское блюдо из бараньих глаз. Из глаз убирали черноту, заливали пустоту глаз ореховым соусом и с гарниром из картофеля или риса, а иногда и с мамалыгой, подавали гостям. Это было только гостевое блюдо.

Вайнахи готовят и всевозможные колбасы: самг – колбаса из толстой кишки, которая заполняется мясным фаршем или ливером – атарш – сразу же варится; марш – колбаса, приготовленная из толстой кишки, начиненной фаршем из измельченного внутреннего сала, кукурузной муки и лука, йоьхь – колбаса, приготовленная из мясного фарша, в который добавлены чеснок, укроп, измельченное внутреннее сало.

Такую колбасу просушивают на солнце или коптят у камина и перед употреблением в пищу проваривают; баIар – особая ливерная колбаса, готовят ее из измельченного ливера, зашитого в куски желудка, и сразу же варят.

При приготовлении мучной и мясной пищи обычно используют сало мелкого и крупного рогатого скота, а также курдючное. В чеченском языке и диалектах различаются несколько названий сала: мохь – внутреннее сало, жир; джIож – внутреннее сало, преимущественно барана.

Широкое распространение, особенно в плоскостной Чечне, получили голубцы – долманаш, которые готовят подобно русским голубцам. Правда, раньше оберткой служили особые сорта лопухов, затем – виноградных листьев, а в последнее время мясо стали заворачивать и в листья капусты.

Говяжье и баранье мясо, заготавливаемое на зиму, называется лахья. Оно иногда коптилось как и колбасы, над горскими печками – каминами, тщательно просушивалось с пахучими травами.

Употреблялось в пищу и мясо домашних птиц. Особенно ценится блюдо, приготовленное из курятины или индейки со специальным соусом (картол-берам) из картофельного пюре на молоке с прожаренным в масле луком.

Пищу чеченцев разнообразила рыба: саза – сазан; суйлий

¹ Путешествие Абу-Хамиду Ал-Гарнати в восточную и центральную Европу (1131-1153). Москва, 1971. С. 56.

чIара – дагестанская рыба; бакъ – чIара//паччахь чIара – форель, букв. «сладкая» или «царская» рыба; иргIуо – осетрина, большая рыбина; чабакх чIара – лещ; яй – сом и др. В настоящее время готовят уху, жареную или отварную рыбу, котлеты и другие блюда.

Большим разнообразием отличается молочная кухня чеченцев: маша – молочные продукты; шура – молоко; шар – пахта, остаток после сбивания масла; шовр – рассол из-под брынзы; чуьрхьа – рассол сыра. Оба рассола представляют собой соленую сыворотку – муорз. В первом рассоле хранится брынза, а во втором – спрессованный творог в форме небольших утолщенных дисков; тIо – сметана; юрт – варенец или айран, кефир; йетшура – скисшее молоко, простокваша, уза – молозиво, молоко отелившейся коровы; кIалдмарзаш – сваренное молозиво; кIалд – творог; нехча – брынза.

В сравнении с кIалда, который готовится простой выжимкой в мешковине или марле скисшего молока, приготовление чеченских нехч(ей) сложнее. Для изготовления нехч(а) необходимо заполнить молоком часть желудка молочного теленка (шо//шоьлла – сычуг, сычужина) поддержать в закисшем молоке для придачи брынзе вкуса и пористости.

Распространенными молочными блюдами у чеченцев считаются кIалдаьтта – творог с топленным маслом, подогретый на огне, букв. «сыр-масло», а также биерам – молочный рассол, тIобиерам – творог со сметаной; цалхбиерам – сыворотка из-под брынзы или сыра; муьста-биерам – смесь сыворотки с соленым творогом, хохех бина биерам – жареный в масле лук (часто с молоком) или соус, употребляемый с курятиной – смесь толченого чеснока с жирным супом, молоком или сметаной. Берам(аш) употребляют главным образом с сискал и галнаш.

При приготовлении мясной, молочной, растительной и рыбной пищи используют масло – даьтта (нажадаьтта – топленое масло); налха – сливочное масло, из которого получали гIурадаьтта – топленое масло; в оставшиеся после получения топленого масла сгустки – йоькаш – примешивали муку и получали даьттах.

Животное масло называется машадаьтта, растопленный животный жир называется хьакхар (хьакха – «мазать» + р – букв. «мясное масло»).

Из растительных масел в прошлом в Чечне использовали

(главным образом – в лечебных целях) привозное оливковое масло – дзайтдайтта.

Широко применялись в пище и разные приправы и пряности: бурч – перец, кьонза – уксус; занжабил – имбирь и т.д.

Чеченцы употребляли довольно много трав. По сегодняшний день изысканными считаются блюда, приготовленные из побегов молодой крапивы – нитт, например: кхехкийна нитташ – вареная крапива; нитташ чубоьхкина хингалш – хингалш с крапивой. Приготовленная черемша (хьонка) называется джахар; гьуораш – съедобная трава; цкьарг – дикорастущий лук; боь – горный чеснок; чим – купырь лесной или бутень; бляьста – род горного лопуха, стебли которого съедобны; IaIa – лопух; мерзорам – многоножка; тухтатеш – колокольчик лесной; халбут – свербига; шовхалди – борщевик; петIамат – мак и др.

Вместо натурального чая в качестве заварки использовали некоторые виды растений, например: чайн-буц – чайная трава; ишалчай – иван-чай узколистый; бацбийцы и кистинцы употребляли чайное растение кочур//куочар. Обыкновенный и горный укроп – оччам.

Цаца улучшал запах супа и сушеных домашних колбас; уксус заменяли муьстарг – щавель, кислица – кляьнзиг – пастушья сумка; латтлутьтург – зверобой.

Употребляли чеченцы и всевозможные ягоды – цIазамаш: пхьагал цIазам – земляника, букв. «заячьи ягоды»; мангалкомар – ежевика, букв. «тутовник косы»;¹ цициганкомар – паслен, букв. «тутовник кошки»; гIундалгIи – черная бузина и др.

Употребляли и сладости: моз – мед, известный издревле на Северном Кавказе; мутта – фруктовый сок (букв. «яблочная вода»); марзуо – сладость; кишма – кишмиш; шиекар – сахар; гIабакхмоз – мед из тыквы; пастанмоз – мед из дыни; эрзмоз – тростниковый мед; хьиехмоз – липовый мед; хорбазмоз – арбузный мед и др.

Древнейшим напитком считается ниха – брага. Одна из технологий изготовления браги заключается в том, что из ячменной или кукурузной муки делают жидкое тесто и держат несколько дней при комнатной температуре до окисления. Из этого теста затем делают хлеб, который в сумочке из мешковины или

¹ Название этой ягоды связано с периодом ее созревания: в это время наступал сенокос (мангал – коса).

марли опускают в воду и выжимают; в выжатую массу добавляют ячменную муку. Эту смесь оставляют на две недели для брожения, затем еще раз процеживают, после чего брага готова к употреблению.

Еще более древним считается в горах йий – горское пиво, не уступающее по качеству современному промышленному пиву. Оно обычно изготовлялось из прокисшего теста из ржаной, ячменной или пшеничной муки с добавлением небольшого количества меда или фруктового сока.

Домашний квас – мохса – приготавливали из корок ячменного, ржаного и пшеничного хлеба, а в последнее время из кукурузной муки, диких груш и яблок, и употребляли вместе с сырой водой.

Из крепких алкогольных напитков известна чIаьIа – чача или спиртной напиток из плодов, хлеба, винограда, кукурузы, напоминающий обычный самогон, который вайнахи гнали из диких груш, яблок, черного паслена (гIундалгIи), ржи, ячменя, пшеницы, кукурузы. В прошлые времена вайнахи гнали самогон и из дикого или культурного винограда.

Приведем названия ряда понятий, связанных с пищей: джуйраш – высевки после просеивания кукурузной муки; букьарш – остаток пищи; ача//таш – накипь; кIеж – кипение; кхача – пища; докIур – корм для животных; кхяхьам – проба, качество кукурузной муки; кхов – гарь, запах горелого; куочар – связка баранок, лука, чеснока; тохка – жменя муки, прибавляемой в тесто; цуьрг – крошка хлеба, кусочек чего-либо; чопа – пена; чIуьйриг – корка хлеба, арбуза, дыни и т.д.; тIалб – комок творога, теста; буьйдиг – мякоть, мякиш; а также сурсат – продукты, кьурд – глоток, токх – сытый.

«Длительные контакты чеченцев с соседними народами способствовали взаимодействию, взаимовлиянию и взаимообогащению их культур, что нашло отражение в пище чеченцев и соседних народов.

За годы советской власти в пище чеченцев произошли существенные изменения. С каждым годом все больше жителей пользуются услугами предприятий общественного питания, а пища сельских жителей немногим отличается от пищи городских. Современная чеченская семья, сохранив в практике национальные блюда «жигиг-галнаш», «чIепалгаш», «хингалш» и др., переняла у соседних народов, в первую очередь у русского, куша-

нья из мяса – голубцы, котлеты, борщ и другие, у народов Средней Азии и Казахстана – манты, плов узбекский, баурсаки, башбармакх, лагман и другие, что сделало пищу чеченцев более разнообразной и современной»¹. – пишет З.И. Хасбулатова.

Рассмотрим здесь и названия курительных принадлежностей. Табак известен чеченцам с начала XIX века. Решительную борьбу с курением, как и с пьянством, вели мюриды. По рассказам стариков, за курение прокалывалась, а то и вырывалась хрящевая перегородка между ноздрями.

Табак – томка – в Чечне раньше был привозным, поэтому курили в основном самосад. Вместо курительной бумаги использовали умело просушенные листья подорожника или особого вида лопуха. С появлением же кукурузы их стали заменять самыми нежными слоями, «рубашками», обволакивающими початки. Курили из чубуков и курительных трубок – луйла. До появления на Северном Кавказе спичек – сирник – огонь добывали с помощью кресала (сетал), трута (кЮжам) и кремня (мокхаз). Кресало обычно делалось из хорошо закаленной стали и служило одновременно отверткой к ружью. Позднее стали делать специальное, более удачное кресало – цЮетуху. Трут – кЮжам – изготовлялся из древесного гриба чинары или бука (попдечиг). Этот гриб варили в воде с золой, затем ударом обуха топора размягчали, он становился ворсистым и пушистым, способным воспламениться даже от маленькой искры.

ОРУДИЯ ТРУДА

Анализ названий древнейших орудий труда чеченцев вносит, как известно, определенный вклад в изучение их материальной культуры, показывая ее эволюцию.

От грубо отесанного камня и заостренной палки до ткацких и токарных станков, сложного плуга, гончарного круга, подъемного крана и многих других орудий – такова эволюция орудий, облегчивших труд чеченцев и способствовавших повышению его производительности.

Все орудия труда с их принадлежностями на чеченском языке называют гИирс. Под этим словом, кроме того, понимают

¹ Хасбулатова З.И. Пища в семейно-бытовой обрядности чеченцев и ингушей // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987. С. 92.

одежду и снаряжение человека, а также снасть, сбрую, кровать, люльку с ее убранством и т.д.

Богатая терминология орудий труда, представленная в чеченском языке, говорит о древности их земледелия, животноводства и искусства в строительстве военных и жилых сооружений в горах. Одних терминов, относящихся только к названиям плуга и его частей, насчитывается более десятка: хьонхал – лемех; гурма – колесо для прицепа плуга; баьлча – рукоятка плуга; пхъатобда – предплужник; нуох – древняя соха; гIалакх – палочка из крепкого дерева для очистки лемеха от земли; гIарлу – лопаточка для очистки лемеха, а также гуотана – составная часть плуга; соргIа – отвал и держатель лемеха; сазIа – грядиль.

Что касается слова гуота, то оно является, по-видимому, старым заимствованием из персидского языка через грузинский (гутани) и распространено почти во всех языках Кавказа.

Остальные названия плуга (хьонхал, пхъатобда, нуох) являются исконно чеченскими, второе из которых увязывается с названием довольно распространенного дерева в Чечне, известного своей крепкой древесиной пха//пхъа – граб. По всей вероятности, оно некогда играло довольно существенную роль в жизни чеченцев.

При разложении слова пхъа-тоьда получаем два компонента: пхъа – доска или палка из граба и тоьда//тиеда – резать, кромсать. Это говорит о том, что древнейшей сохой у чеченцев был обработанный кусок граба, название которого сохранилось затем за предплужником.

Нуох – чеченский плуг с одной ручкой без колеса, запрягался парой быков. Еще проще был плуг чеберлоевцев и итумкалинцев, который представлял собой согнутый полуобод с челноком на конце, на который одевался железный башмак-резак. Такой плуг обычно вскапывал неглубоко и почти не делал отвалов почв.

Параллельно с названием нуох чеберлоевцев и итумкалинцев существовал пурцI и пурз.

Более сложным был плуг гуота с двумя ручками и колесом, запрягаемый двумя-тремя парами быков. Этот плуг был распространен у всех народов Кавказа.

Своеобразной была и борона чеченцев – мекха, представляющая собой огромные грабли, к которым прикреплялись большие ветки. На эти ветки клали камни для груза или же сажали ребята-

шек. Для рыхления земли использовался так называемый *Кломсар*, что означает в настоящее время ручные грабли; это слово имеет вторую семантику и означает клык вепря. Без сомнения, сначала это слово означало только «клык вепря». Ими вепрь взрыхлял почву в поисках пищи, а человек, наблюдая за его «работой», назвал по аналогии и инструмент, которым взрыхляли почву, то есть плуг, борону, а затем – грабли. Наше предположение подтверждается и тем, что названия плуга в староирландском и некоторых немецких диалектах буквально означают «свиное рыло» (ср. также русск. «соха» от «сохатый»). Хлеба молотили чеченцы орудиями двух видов: шести- или семигранным катком – *балба* или оригинальной широкой доской с вбитыми в нее осколками кремня – *эрнеI* – букв. «шкура для молотьбы», изредка встречающейся в настоящее время у кистин в Ахметовском районе Грузии.

Давним орудием косьбы был *марс* – серп, встречающийся в древнейших захоронениях чеченцев. Коса (*мангал*) проникает к нам позже из Грузии (ср. груз. *намгали*), однако это не означает, что у чеченцев до заимствования косы не было собственного орудия сенокоса. Издавна известно слово *гуола* – косовище.

Для прополки и окучивания кукурузы и овощей, рыхления почвы пользовались мотыгами нескольких разновидностей: *гам* – небольшая мотыга, которой женщины, сидя на корточках, пропалывают овощи или побеги кукурузы; *метиг* – мотыга, более легкая мотыга наподобие тяпки; *циел* – мотыга для прополки кукурузы, которая, по рассказам стариков, в прошлом делалась из широких грузинских кос, разрезанных на несколько частей.

Сено укладывали в стога вилами двух видов: *шада* – вилы, часто с железными зубцами и *шолгуо* – двухрожковые вилы, деревянная развилина; они обычно из естественной рогатины или на черенок из липы, бука или карагача укреплялись длинные рога дикого козла.

Для сбора остатков измельченного сена, мусора, трав использовали грабли, основание которых (для придачи тяжести) делалось из тяжелой древесины – бука, граба; *кагтуха* (*каг//киг* – уст. «соломка, мякина» + *туоха* – ударить, собирать, букв. «мякина – собирать»); впоследствии зубцы граблей делали из больших половых гвоздей.

Пастухи для ловли и подгона овец пользовались длинными палками с крючком на конце – *коьжалг* – *ярлыга*, для стрижки

овец – своеобразными ножницами – чӀуода.

В чеченском языке большим разнообразием отличаются и названия кузнечно-столярных инструментов, подтверждающие наличие у чеченцев развитых давних ремесел, например: гӀордаз – рашпиль; гӀореш – рашпиль с крупными зубчиками; гам – скребок, мотыга; варзап – молот, кувалда; нуьйжа – наковальня; вуоттана – рубанок; бӀоста – обух; диг – топор; качал – мельничный молоточек; ков – напильник; левси – кузнечный мех; дага – рукоятка топора; даӀам – железный клин, зубило; сто – долото, стамеска.

Стамески различной формы – с прямыми и загнутыми концами, узкие и широкие – применялись в столярных работах, особенно при выточке домашней посуды.

Аьста – мотыга, инструмент для скобления дерева, трепанации черепа; аьлха – оселок, точильный камень, а также морзах – щипцы, буру – бурав; херх – пила и другие.

С древнейших времен леса и травы играют огромную роль в жизни чеченцев. Из древесины они делали оружие для своей защиты и строили жилища, из лучших пород древесины изготавливали разные предметы домашнего быта, из ценных деревьев и трав добывали краску и лекарства.

Поэтому не случайно то, что они издавна научились оберегать лес, сохранять ценные породы древесины, налагая на них табу, а впоследствии – взимая штрафы за незаконно срубленное дерево в размере стоимости барана или быка. Было время, когда за подсечку ценного дерева из озорства общество приговаривало виновников к смерти.

Историческая зависимость чеченцев от окружающего растительного мира выработала в них уважение и преклонение перед растениями, которым посвящены многие легенды, а запрет на произвольную рубку леса и уничтожение растительности сохранил и по сегодняшний день в сознании многих чеченцев уважение к растениям.

Чечня в недалеком прошлом представляла собой территорию с огромными девственными, труднопроходимыми лесами. Хищническое истребление леса в период Кавказской войны, когда буквально за один день вырубались целые массивы, оголяя пространство на многие десятины, а также продажа его на рынках Терского края после окончания войны, пожары – все это

намного сократило лесные богатства республики. Царизм не желал леса на вновь захваченных территориях, с катастрофической быстротой уничтожались ценные породы деревьев. Так, например, за короткий срок стал исчезать драгоценнейший вид дерева – тис или, как его называли здесь местные жители, негной. По словам В.В. Марковича, «особенно много было уничтожено негноя в конце семидесятых годов XIX века во время проезда по так называемой «царской дороге», идущей из Дагестана через Ведено в г.Грозный, императора Александра II, когда почти весь путь был уставлен негноевыми молодыми деревьями; все шатры и палатки на всех отдыхах царственного путешественника были убраны зеленью негноя, который за большую цену доставлялся во все пункты пути тысячами возов».¹

Также варварски уничтожались реликтовые виды флоры и фауны Чеченской Республики во время последних двух военных кампаний как местными, так и федеральными военнослужащими.

Будучи министром культуры Чеченской Республики (2000 – 2007 гг.), а позже и руководителем Управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по ЧР (2007 – 2010 гг.) я постоянно поднимал эти вопросы на всех уровнях.

Так, например, в своем докладе на международной научно-практической конференции на тему: «Культурология – Культурная политика – Развитие», организованной Российской Академией наук, ЮНЕСКО, Министерством культуры РФ, Европейским исследовательским институтом культуры и искусств «Эридартс», Европейским объединением исследователей культурной политики «СИРКЛЕ» 1-3 июля 2001 года, я говорил о том, что Чеченская Республика отличается многообразием природных ландшафтов. Полупустыни, степи, горные леса, альпийские луга, вечные снега и льды – все это можно увидеть, проехав верхом за двое суток, с остановками на отдых. И какую составляющую экологической системы нашего края ни возьми – горы, леса, атмосферу, почву, водные и природные ресурсы – всему нанесен непоправимый ущерб.

На территории Аргунского государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника немало природных объектов, представляющих естественноисторическую и

¹ Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. М.: Academia, 2003. С. 308-309.

культурно-эстетическую ценность – высокогорное озеро Казеной-Ам, Галанчоожское озеро, Шунди – некий историко-природный комплекс «Шундинская котловина». У озера Казеной-Ам располагалась прекрасная тренировочная база сборной олимпийской команды СССР по академической гребле, куда приезжали на отдых и первые советские космонавты. В горах и на равнинах Чечни имеются богатейшие минеральные источники – серные и сероводородные – с замечательными целебными свойствами. В Грозном было до 40 памятников истории и культуры – практически все они уничтожены.

За период с 1994 по 2004 гг. полностью разрушены 6 башен в селениях Хой, Макажой, Шарой и Итум-Кали, 4 склепа – в селах Майсти и Малхиста. В селе Борзой в результате авиабомбардировки разрушен Тумсойский могильник, затем местными жителями разграблены бронзовые фигурки, шлемы и статуэтки. В результате артобстрелов и авиабомбардировок 12 башен получили серьезные повреждения и находятся на грани разрушения. Правда, за последние годы многие из них уже восстановлены.

Редчайшие реликтовые виды флоры и фауны – под угрозой исчезновения. Браконьерами всех мастей: как местными, так и военнослужащими, ненасытно отстреливались животные: горные туры, косули, медведи и т.д. Глушились гранатами редкие породы рыб – прежде всего форель. Безрассудно уничтожались ценные породы деревьев. Все это делалось без какого-либо опасения понести наказание.

Нарушалась среда обитания животного мира. Так, в районе альпийских лугов, расположенных выше села Итум-Кали, близ границы с Грузией, полностью выгорела огромная территория – более тысячи гектаров, – уничтожены девственный растительный и животный мир данного ареала.

Повсеместно разрушается почвенный покров – гусеницы танков, самоходных артиллерийских установок, корды шин большегрузных автомобилей, разрывы снарядов и ракет корежат землю, обезображивают ландшафт. На рекультивацию земель, если она и будет проводиться, потребуются десятилетия.

В недрах высокогорной и предгорной части республики скрыто огромное количество памятников материальной культуры различных эпох – от палеолита до позднего Средневековья. Изучение археологических памятников имеет большое значение не

только для воссоздания исторического прошлого чеченского народа, но и для понимания культурных и этнических взаимосвязей с другими народами Кавказа и сопредельных регионов – ведь Чечня с древнейших времен занимала ту часть Кавказа, по которой проходили пути военных, торговых и политических сношений населения Европы и Азии. Через горные перевалы Кавказского хребта эти пути вели в страны Закавказья и Древнего Востока. Однако планомерных и систематических исследований горной части территории республики не проводилось вплоть до 60-х годов XX века.

В Аргунский заповедник входят 60 архитектурных комплексов, около 150 надземных склепов, 20 культовых сооружений, 22 памятника природы, луга и лесные угодья. К сожалению, многие крупные плановые мероприятия на государственном уровне по исследованию, реставрации и консервации архитектурных памятников и связанные с ними обширные планы Аргунского музея-заповедника были прерваны известными трагическими событиями в нашей республике.

Постоянно проживая среди леса, горцы пользовались ее неопенимыми услугами: он прятал их от врагов, обогревал, давал свою лучшую древесину на изготовление и отделку оружия, предметов домашнего обихода, посуды, мебели, стройматериалов, в какой-то степени кормил, принося плоды, а кора и древесина сосны и березы служили долгое время светильниками. До нашего века сохранился запрет на отдельные виды деревьев и кустарников, которые категорически запрещалось рубить на дрова. Из них изготавливали всевозможные необходимые предметы домашнего обихода.

Так, например, запрещалось рубить на дрова: пха – граб, бага – сосну, стов – кизил, дакх – березу, поп – бук, а редкостный в Чечне база – тис ягодный считался священным и защищаемым самим божеством, которое сделало его ядовитым, сохраняя от врагов. В древности животное, смертельно отравленное его ветвями, не прирезывали: его обычно оставляли издыхать и закапывали, не снимая шкуры и не отдавая на корм собакам.

И действительно, хвоя и побеги тиса содержат в себе ядовитый алкалоид, поражающий нервную систему и вызывающий часто смертельное отравление у лошадей, ослов, мулов и буйволов. Тисовые, грабовые, буковые, сосновые, березовые и кизилевые

рощи считались у чеченцев священными; пребывание в течение определенного времени в таких рощах, по народному поверью, приводило к исцелению от многих заболеваний, а отвар из коры и ветвей некоторых деревьев применялся против сердечных, нервных, простудных и других заболеваний.

Чеченцы старшего поколения, даже те, кто ничего общего не имеет с лесом, и сейчас могут перечислить несколько пород деревьев и безошибочно определить один-два десятка их видов. «По древесине чеченец вам узнает всякое дерево, каждый куст, и есть такие искусники, что по малейшей веточке даже без коры и почек, определяют породу, между тем как по плодам и цветам редкий узнает всякую породу»¹, – пишет В. Маркович.

Наиболее распространенными и ценными деревьями в республике считаются: наж – дуб, древесина которого употреблялась для строительства мостов, опор, поделок. Для изготовления мебели и деревянных частей оружия; поп – чинара, бук, употребляется как строевой лес. Раньше из него изготавливали миски, чашки, ложки, стульчики, чеченские национальные маленькие столики на трех ножках, а также топорщица, черенки лопат и т.д. Его вкусные орешки считаются лучшим средством от головной боли и расстройства желудка; пха – (вид граба) – граб является самым распространенным деревом после бука.

В древности его категорически запрещалось использовать как строительный материал, поскольку он широко применялся чеченцами для изготовления оружия. В последнее время из его прутьев делали корзины, сапетки, плетни и т.д.; база – тис ягодный, негной – довольно ценное растение, дающее прочную древесину с ядром винно-красного цвета, которое оправдывает свое местное название, говорящее о том, что его древесина может долгие годы не гнить при любых климатических условиях. Тис использовался чеченцами для изготовления деревянных частей оружия, музыкальных инструментов, поделок, а из молодых побегов делали посохи для старцев, которые их очень ценили.

О распространенности названий деревьев в чеченском языке говорит многообразие названий видов семейства кленовых. Например: лега – клен, явор горный, маьлказ – красивый клен, къахк – полевой клен, стайр – остролистный клен. Из полевого

¹ Маркович В.В. В лесах Ичкерии // Записки кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1897. Кн. 19. С. 219.

клена чеченцы делали приклады ружей, ножны, ручки ножей и кинжалов, иногда использовали его как стройматериал. Остролистый клен, по словам В.В. Марковича, применялся чеченцами для ярма, а горный явор шел на растопку, из него иногда изготавливали чашки для питья. Красивый клен употреблялся для изготовления предметов домашнего обихода, поделок, распиливался на доски, из которых делали мебель горской сакли: топчаны, маленькие низкие столики, ящики для хранения домашней утвари и зерна, полки на стенах и др.

Некоторые виды деревьев известны под несколькими народными названиями. Например: карагач называется IammaI, муш-дечиг; сосна вообще – бага и зез – сосна, лиственница; IандагIа – вяз и дагI – вяз шершавый, ильм горный и вяз листоватый; гIаргIа – пирамидальный тополь, акхтарг – серебристый тополь и тал – вид тополя, датта – рябина обыкновенная, сура – рябина; къахъаштуо – ясень с горькими плодами и дууштуо//дуъстов – ясень со съедобными плодами.

Древесина всех вышеперечисленных деревьев широко употреблялась для изготовления многих предметов натурального хозяйства горцев. Из карагача изготавливались ободья, спицы для колес, трамбовки для глиняных крыш и колотушки для колки дров. Древесина вязов шла на изготовление подвод (ободья, оглобли, спицы колеса), посуды (чашки, блюда, ложки, шумовки, половники), а также для столбов и жердей. Тополя служили озеленением, часто использовались как стройматериал. Редкостная, очень ценная порода рябины (сура) с древесиной розового цвета находила применение во всевозможных поделках, при изготовлении четок, рукояток ножей, кинжалов, дорогостоящей посуды. На стройматериалы она не шла, поэтому народ о ней говорил: «Къыг – хъоза дац, сура – дечиг яц» «Ворона – не птица, рябина – не дерево». Ясень же приносил вкусные плоды. Кроме того, из обоих видов ясеня получали древесину, которая шла на строительство мостов, мельниц, изготовление подвод (спиц, осей), оконных и дверных косяков, топорищ, черенков лопат, мотыг, деревянных частей плуга.

Имеется в чеченском языке и ряд других названий дикорастущих деревьев: маъ – черная и серая ольха шла раньше, главным образом, на изготовление мельничных желобов, корыт, бочек, считалась лучшим деревом для углежжения из ее коры, вместе с

примесью определенных трав, вырабатывали черную краску, пользующуюся известностью далеко за пределами Чечни.

Дак – бредина (или ива козья) пользовалась известностью как устойчивое к сырости дерево. Ее древесину употребляли для изготовления некоторых предметов домашнего обихода, стволы молодых деревьев шли на столбы в изгородях. Из этого дерева чеченцы часто сооружали каркасы турлучных построек.

Хьех – липа кавказская и липа сердцевидная. Обычно различают две разновидности липы: маҁхьих//боьршхьих – букв. «мужчина-липа», с более твердой древесиной, икхалхьех//стиехьих – букв. «женщина-липа», с более мягкой и рыхлой древесиной. Древесина первого вида употреблялась как строительный материал (стропила, рейки, потолочные чурбанчики, рамы, косяки рам), шла на изготовление предметов домашнего обихода (корыта, подносы, ложки, чашки, обода для сит). Из коры делали веревки, коробки, лукошки, ею накрывали крыши подсобных помещений и пристроек.

Дахх – береза. В основном в Чечне распространена горная низкорослая береза, кора которой служила светильником, а древесина шла на растопку. Из молодых берез изготавливали часто черенки для лопат, топоры, ручки для молотков.

Мах – осина, древесина ее шла, главным образом, на рейки, стропила, оконные рамы. Известны также названия кизила (доҁа), мушмулы (хьаьмц), белой акации (бакъ – акации) и дерева из семейства хвойных – лиственницы (зез). Отсюда разнообразие инструментов по дереву чеченцев, которые несут на себе отпечаток древесного ремесла по дереву.

Выявление и описание деревообрабатывающего инструмента для чеченцев имеет огромное историко-этнографическое значение. Оно показывает прогресс производства и производительных сил этноса. Детальное и глубокое описание деревообрабатывающего инструментария дает в своей работе этнограф С. Хасиев.

На основе богатого полевого материала он описывает ряд уже забытых и даже реликтовых инструментов, например, лучковое сверло – «цҁар» и «даьрг» – лучковое сверло с маховиком. Только разновидностей ремесленных топоров он описывает около десятка. Впервые им дано детальное описание водяной пилорамы, работе которой позавидовал бы сегодняшний деревообра-

ботчик¹.

В домашнем хозяйстве чеченцев широко применялись и другие виды орудий труда. Например, только для трамбовки земляной крыши существовало несколько видов инструментов: пистиг – деревянный молоток для трамбовки земляной крыши после дождя и снега; паьштиг – молоток из дерева для трамбовки глины на крыше наподобие клюшки с плоским основанием; хЮж – трамбовка вообще, которая использовалась не только для трамбовки земли, но и для колки дров, забивки свай и оградных кольев.

В выделке овчин и вообще кож чеченцы достигли высокого мастерства. Из шкур животных издревле изготовлялись многие виды одежды, обуви, головных уборов. Обработка кожи, изготовление из нее обуви, шорных изделий требовали применения специальных инструментов, один из которых был довольно сложным – это известный инструмент для разминания кожи – кхема.

«Во дворе у чеченца, а чаще – на площади в общем пользовании вы встретите очень оригинальную вещь, – писал В.В. Маркович. – Называется она по-чеченски кхема и служит для разминания кож и ремней. И частенько на площади, у мечети, вы можете встретить группу чеченцев, из которых один мнет, и другой сидит на другом конце кхеми и служит ему грузом, прочие стоят и сидят кругом, выжидая своей очереди. Кхема делается из букowego и грушевого дерева и состоит из двух частей. Нижняя часть, неподвижная и более массивная, лежит на земле и имеет углубление, в которое входит верхняя часть с ручкой и двигается на оси, вделанной в нижнюю часть. Обе соприкасающиеся поверхности имеют зубчатую поверхность, и зубцы верхней заходят между зубцами нижней. Между этими зубчатыми поверхностями и разминаются ремни»².

Для вырезывания кожаных ремней и шорных ниток у чеченцев имелись приспособления нескольких видов: мескат – подрезка; вескет – подрез, инструмент для вырезки ниток из сырмятины.

¹ Хасиев С.-М.А. О столярном инструментарии вайнахов второй половины XIX – начала XX в. // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987. С. 95-109.

² Маркович В.В. Указ. соч. С. 317.

Более древним приспособлением для вырезки шорных ниток у чеченцев был инструмент под названием пхъатоьда.

Сохранившиеся в горах боевые и жилые башни из камня говорят о высокой культуре строительства чеченцев, а остатки циклопических башен из цельных гигантских камней, вес которых достигает иногда нескольких тонн, свидетельствуют о наличии довольно усовершенствованных подъемных приспособлений. Сохранившиеся вплоть до нашего века подъемные краны (в виде журавля или же устроенные с помощью системы блоков) назывались дзарзакъ. Конечно, подъемные устройства в древности, по всей вероятности, были намного массивнее и сложнее, ибо с их помощью приходилось поднимать на большую высоту многотонные камни-монолиты.

Имелись у чеченцев и станки собственного изготовления, например, цюхар – токарный станок, приводимый в движение водой, представлял собой простейшее изобретение. На ось (сема) насаживался барабан (бера) с лопастями, на которые падала вода из отводного канала, приводившая в движение барабан с осью; ось же с помощью шестерни приводила в движение другие механизмы. Часто на ось насаживали деревянный чурбан, вытачивая из него согнутыми стамесками посуду и другие предметы быта. Подобную конструкцию имела и водяная мельница.

Своеобразием и оригинальностью отличалась и старинная ручная мельница – кахъар (ка – «рука» + хъайр// – «мять, молоть»), которой чеченцы пользовались издавна для помола сечи и муки, особенно при замерзании речек или при поломке водяных мельниц. Она представляла собой довольно простое устройство, состоящее из двух плоских круглых камней диаметром 50-70 сантиметров, которые клали друг на друга. В середину нижнего камня монтировался железный стержень, на который насаживался верхний камень, имеющий отверстие больше стержня. В край верхнего колеса монтировалась деревянная или железная ручка для вращения верхнего колеса.

Такую мельницу клали на пол, в отверстие верхнего камня сыпали зерно и вращением приводили его в движение. «Производительность» такой мельницы была довольно низкая. За несколько часов можно было намолоть муки или сечки, которой едва хватало, чтобы приготовить обед или ужин для средней семьи.

Для помешивания каши, халвы, сбивания масла имелась

оригинальная веселка – бел, баьхьа; лом – ваба; пешик – ручная веялка; чIу – челнок ткацкой или швейной машины; чарх – 1) механизм, 2) швейная машина, 3) точильный станок; чхьонкар – деталь станка и др.

Для ловли зверей, птиц, рыб чеченцами использовались всевозможные приспособления – от простого крючка до невода и разных капканов: речIа – ловушка для птиц и зверей; къеппиг – силки; гур – капкан, клетка, западня; ванда – перемет, закидушка; чаьнчакх – острога, а также ов – невод и маIар – рыболовный крючок.

Нахи пряли шерсть веретенами двух разновидностей: одно из них – урчакх – имело головку – йоIчIаьжг, другое состояло просто из вращающейся оси. Имелись другие орудия труда: аьшкал – совок (кист. Iаьшкал, чеб. ашкали, итум. Iашкал); хьаькназ – совок железный; гам – инструмент для трепанации черепа, а также иту – утюг; киеп – форма, колодка. Болванка для расплавления шапок; мокха – складной нож, завалу мокха – особый сорт ножа и т.д.

ОРУЖИЕ

Копья, кремневые и металлические наконечники стрелы, щиты, луки, кинжалы и другие предметы вооружения, найденные в захоронениях, подтверждают историческую любовь горца к оружию, умение еще издревле изготавливать его в совершенных формах. Все дореволюционные исследователи, затрагивающие вопросы вооружения чеченцев, отмечали их искусство изготавливать его и упорное стремление приобретать лучшие и самые новые образцы оружия.¹

«Оружие составляло необходимую потребность чеченцев с давнего времени. Прежде они не были уверены и за один день своей жизни, почему не делали без него ни шагу как на работах,

¹ См., например: Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие Ставрополь, 1915; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967; История Дагестана. Т. 1. М., 1967; Броневский С. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823; Вахушти Б. География Грузии. Тифлис, 1904; Зиссерман А.А. Двадцать пять лет на Кавказе. Т.1. СПб., 1819; Иванов И. Чечня // Москвитянин. 1851. №19-20; Шопен И. Новые заметки на древнюю историю Кавказа и его обитателей. СПб., 1866; Вертепов А.Г. Очерки промыслов в Тверской области // Терский сборник. Владикавказ, 1897 и др.

так и дома; даже засыпая, осматривали, исправно ли оно. И теперь, даже когда спокойствие их ограждено законом, любовь к оружию, как и прежде, владеет ими, почему они тратят много денег на его приобретение и украшение»¹, – писал первый чеченский этнограф У. Лаудаев.

Еще древние чеченцы, учитывая свою малочисленность и постоянную угрозу нападения врагов, понимали, что без умения изготавливать и применять лучшее оружие им грозит неминуемая гибель, а на Северном Кавказе, как известно, побывало немало завоевателей»².

Предки чеченцев, находясь постоянно под угрозой нашествия врагов и подчинения более могущественным соседним племенам, должны были иметь не только лучшие образцы вооружения и ремесленников, изготавливающих их, но и людей, с детства подготовленных к бою и умеющих отлично владеть оружием.

Анализ лингвистического материала дает нам основание предполагать наличие у чеченцев в далеком прошлом такого «воинского сословия».

Например, язык чеченцев сохранил названия тех людей, которые занимались изготовлением оружия и охраной боевых башен: бЮв – боевая башня, а бЮvlo – башенник, то есть стражник. В настоящее же время в Чечне имеются также бЮvloй, пхарчой – стрелочник. В пользу этого мнения говорит и военная терминология чеченцев: тЮм – война, тЮмлуо – боец, воин; бЮ – войско, отсюда бЮхуо – воин, а до строительства башен для обозначения понятия «войско» служило ныне забытое слово сур – войско.³

Правда, эти представители племени в силу довольно слабой экономики горского хозяйства, не способной поддержать их материально, не были освобождены от физического труда и занимались им в мирное время наравне с другими членами общества.

Чеченский фольклор говорит нам о наличии подобной группы людей (правда, уже объединяющей представителей многих чеченских племен и обществ) в позднее Средневековье, возглав-

¹ Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1879. Вып. 6. С. 48.

² Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 7.

³ См., например: Ошаев Х.Д. Некоторые вопросы использования нахских башен в бою // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. С. 24.

ляемой баьччи (баьчча – вождь, военачальник, предводитель, избираемый на время походов). Такие отряды не только защищали чеченцев от соседних феодалов, но и часто обогащались за счет грабежа соседей, возвращаясь из походов с богатой добычей (хЮнц – трофей, военная добыча).

«Ружье восьмигранное, крымское или чаще мажарское (бархІса болу мажар топ или гІими топ)... Пистолет турецкий – «осмалойн тапча». Сабля еще называется мисир болат тур (египетская стальная сабля), терсмаймал болат тур (стальная сабля «ревущая обезьяна»), вот вооружение баьччей и их отрядов»¹.

И позже чеченцы не только покупали образцовое оружие, но и часто соперничали в его изготовлении с лучшими ремесленниками Северного Кавказа.

«В чеченских селах производились хорошие металлические изделия: сабли, кинжалы и другое оружие. Лучшими оружейниками среди чеченцев были ауховцы, но славились и другие.

В 1856 году майор царской службы Властов писал, что в центре чеченского народонаселения сохранились оружейники, которые по неизменяемому обычаю своих отцов изготавливают шашки, называемые «волчками», с изображением волка.²

Оружейное ремесло у горцев продолжало существовать очень долго. В 1897 году один из кавказских краеведов писал: «... еще в самое недавнее время во многих аулах Терской области выделялись клинки атагинских мастеров, попавших даже в казачьи песни».³

Известные восточные сабли из дамасской стали среди чеченцев были редкостью. Рассказывают, что, согнутая кольцом, она помещалась в небольшое сито, без зазубрины перерубала двухмиллиметровую гвоздь. Народ окрестил их терсмаймал; на них было клеймо, изображавшее бегущую обезьяну с раскрытой пастью. При изготовлении подобных сабель чеченские мастера это клеймо заменили рисунком, изображающим бегущего волка, поэтому среди терского казачества за ним закрепилось название «волчки». Обычно эти сабли выделывали из привозной стали или

¹ Вагапов Я.С. Обряд одинокого героя в чечено-ингушских героико-эпических песнях // Известия ЧИНИИЯЛ. Литературоведение. Грозный, 1968. Т.5. Вып. 3. С. 96.

² Подробнее об этом см.: Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII-XIX вв. Грозный, 1961. С. 61.

³ Вертепов А.Г. Указ. соч. С. 64.

перделывали из других клинков и мечей. Так, одна из найденных в Чечено-Ингушетии шашек-«волчков» – переделанный меч крестоносца XIII-XIX веков.

Часто клинки сабель и кинжалов – шаьлта – украшали замысловатыми надписями из арабской мифологии или Корана примерно следующего содержания: «Нет джигита, только Али, нет меча, только Зульфугара (так назывался меч зятя пророка Мухаммеда Али)», или «Вручаю судьбу Аллаху, ибо Аллах ведущ своих рабов. Помощь от Аллаха и победа близка» и другие.

Кинжалы атагинских мастеров пользовались известностью на всем Северном Кавказе; терские казаки, например, заказывали у них кинжалы целыми партиями. Технология изготовления кинжалов была проста, но требовала много упорства и времени. Кинжалы выделывались обычно из привозного металла, а в последнее время – из больших стальных напильников, привозимых из России.

Побывавший в Чечне в конце прошлого века А.Г. Вертепов отметил трудолюбие и большое терпение чеченских мастеров. «На изготовление хорошего кинжала мастер вместе с подмастерьем затрачивал от 10 до 15 дней, а на изготовление сабли уходило времени до месяца, а иногда и больше»¹, – писал он.

Своим мастерством изготавливать кинжалы славились и села Дарго и Джугарта. О давности их мастерства говорит то, что кинжалы из этих сел упоминаются в фольклоре чеченцев: «ДжуьГарта шаьлта» и «Хьенал шаьлта», где шаьлта – кинжал, а Хьенал вероятно, имя мастера.

Тайна технологии изготовления кинжалов, особенно закалка стали, держалась в строгом секрете и передавалась от отца к сыну. В Ножай-Юрте нам рассказывали: Некий мастер, изготавливающий кинжалы, не знал соперников во всей Чечне; даже кубачинцы, испытав сталь его кинжала, восхищались ею. Однажды в ссоре его сыну ударом такого кинжала отрубили руку. С тех пор, говорят, этот мастер поклялся не делать их».

Оригинальная была закалка стали этим мастером. Известно, что при закалке холодного оружия грузинские мастера использовали следующий метод. Рядом с мастерским при ковке оружия обычно стоял подмастерье со снаряженной лошадью,

¹ Вертепов А.Г. Указ. соч. С. 14.

затем он быстро брал в руки раскаленную заготовку и, подняв ее вверх, скакал определенное время на лошади. Мастер же из Чечни имел шнур из ремней, привязывал к нему раскаленную пластину, бросал ее пропасть, затем быстро поднимал. По-видимому, качество стали зависело от быстроты соприкосновения раскаленного оружия с воздухом.

Закалку (дахчор) клинка производили при помощи воды, соли, волчьего или медвежьего жиров. Считалось, что закаленное с помощью такого жира оружие приобретает качества волка или медведя. Не случайно в фольклоре говорится: «Яростнее медведя оружие» – «Чал дера герзаш»; «Как волк оружие» – «Борз санна герз».

«Закалку клинка производили не сразу, а постепенно», – пишет этнограф С.-М. Хасиев. – Наибольшей закалке подвергалось лезвие до ребра, бровки, желоба и т.д. Образовывались, таким образом, ребра натяжения, которые делали клинок гибким, а значит, более качественным. Окончательную отделку производили на точильном камне с мелким зерном «аьлха», а зеркало шлифовали при помощи особого круга, изготовленного специально из состава песчаной трухи на древесном клее «хьомач».¹

Кинжалы до Кавказской войны делали с не сильно выступающим острием (шаьлтанан суй). Колоть кинжалом считалось у чеченцев большим позором, неумением воевать и владеть оружием, самым легким способом победить врага, поэтому мастера старались делать кинжал с менее заостренным выступающим концом².

С появлением огнестрельного оружия горцы стали пользоваться в бою их лучшими видами. Например, в Чечне были известны мажар топ – кремневое ружье, нохчийн топ, тапча – чеченское ружье и пистолет, йоккха топ – пушка; курпал – мортира.

Заслуживает внимания описание вооружения чеченца периода Кавказской войны, данное в историческом романе Х.Д. Ошаева «Пламенные годы»: «Украшение на черкеске, газыри – по-чеченски именуют «бустам», что означает «мерка», – пи-

¹ Хасиев С.-М. А. Из истории развития кустарных промыслов чеченцев и ингушей в до-революционном прошлом. Обработка металла и камня // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 21.

² Вайнаха, кольнувшего кого-либо кинжалом, называли «шаьлта Юьтна къутIа» – «ублюдок, кольнувший кинжалом». Согласно чеченским адатам, за удар кинжалом пострадавшему платили 5 коров, а за удар острием – 10 коров, как за ружейную рану.

шет он. – В деревянные полые трубочки – газыри – насыпали отмеренные заряды пороха. Затыкался газырь двумя тряпочными пыжами и свинцовой пулей.

На поясе висела отвертка для хвостового и замкового винтов ружья, к поясу прикреплялся запас кремней, шильце для прочистки ушка и казенной части дула, железная коробочка с плотно закрывающейся крышкой, в которой держали в пороховой мякоти трут, предварительно вываренный в зольном щелоке и хорошо высушенный. На поясе висели одно-два стальных кресала, легко снимавшихся с ремешка».¹ Кроме того, через плечо была перекинута натруска – лергмаIа – букв. «ухо-рог», к поясу прикреплена пороховница – гура. Часто при нем находились шомпол – чIу и бажа – рогуля, подставка под ружье. В случае необходимости он мог быстро достать зубами пыж, всыпать в ружье порох, забить пулю, прибив ее пыжом, и стрелять.

Бытовало среди чеченцев и оружие собственного изготовления: Iад – лук, рогатка для метания камней.

Различались следующие виды: тIулгIад – лук для метания камней; чIк//пхаIад – лук для метания стрел; сиекхIад – арбалет, лук, букв. «охотничий лук», а также части лука: IаддаргIа – дуга лука, деревянная развилина рогатки; пха – стрела; вед – плоский наконечник стрелы; зIенар – тетива.

Интересна и такая особенность. Само название огнестрельного или холодного оружия заимствовано, а большинство названий частей этого оружия и принадлежностей – собственно чеченские. Например: слово топ – «ружье» – из тюркского языка, а названия почти всех частей ружья – чеченские, потому что у чеченцев бытовал довольно оригинальный арбалет: Iалашо – прицел, мушка; балл – крепежное кольцо винтовки; чучал – кольцо, скрепляющее ложе винтовки; зIуок – кремневый боек; мокхаз – кремень; хен – ложе, приклад; лаг – курок; хIюь – пуля, снаряд (пули обычно были круглые, маленькие, рана от них не была опасна; однако к концу Кавказской войны чеченцы стали лить пули с ремешками, делая в ней нарезы); цамза//цхьамза – штык, копьё; герма – пыж; муолха – порох; даш – свинец; чIурам – тряпка для чистки оружия после смазки; сетал – отвертки, дитт – лезвие шашки, кинжала, ножа; мукь – эфес кинжала, сабли,

¹ Ошаев Х.Д. Пламенные годы. Грозный, 1978. С. 32.

шашки, рукоятка; хумпIар – кобура; буотт – ножны, футляр; дIамбуотт – чехол для ружья из шкуры барсука.

Одним из первых орудий древнего человека был нож – урс.

Привлекает внимание и итумкалинское название плоских каменных плиток (размером с детскую ладонь и меньше, с одним утолщенным концом, наподобие клина) – тЮцур//тЮрцу, которые применяли для установления равновесия и горизонтального положения бесформенных необработанных камней при строительстве каменных зданий и изгородей.

Эти же каменные плитки использовались при строительстве боевых башен в горах – бЮвнаш. По рассказам стариков, пращой (джIормак) чеченцы метали с боевых башен во врага заостренные камни – тЮрциш, которые обычно летели острием вперед.

Впоследствии, с появлением более усовершенствованных пращей – ширдуалаг, стали применяться авгуолаш и кхераш. Авгуолаш – круглые камни для пращи, которые археологи находят в захоронениях на территории нашей республики.

Грозным оружием чеченцев в близком бою была палица – чхьонкар, которая сначала выделывалась из камня или дерева, затем из металла. Найденные в захоронениях палицы говорят о древнем знакомстве с ними чеченцев.¹

Оборонительным оружием чеченцев были щит – турс и кольчуга – гIагIа.

Этимология слова гIагIа говорит о том, что кольчугу сначала плели из прутьев. В нахских языках встречается целый ряд слов с корневым гIа. Современное значение этого слова – лист. Однако такие производные слова, как гIад – стебель, гЮдам – стебель кукурузы, гЮгI – ляжка (человека, животного), гЮуй – длинный деревянный засов, гЮола – косовище дают нам основание предполагать, что первоначальная семантика этого слова – прут, ветка. Таким образом, слово гIагIа сначала обозначало кольчугу, изготовленную из прутьев крепкого дерева, впоследствии же эти щиты стали обтягивать кожей.

Слово «турс» в чеченском языке имеет несколько значений, а именно: 1) щит, 2) кайма по краям обуви для украшения («турс лаьцна мачаш» – род старинной женской обуви с каймой), 3) род высокого дерева с крепкой древесиной (таволга или городовина).

¹ Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 44.

Городовина вплоть до последнего времени широко использовалась чеченцами для изготовления кнутовищ, чубуков, детских луков и рогаток. В связи с этим первоначальное название щита – «гIагIа» – впоследствии закрепилось за металлической кольчугой, а название «турс» сохранилось за щитом.

Аналогичную эволюцию проходили и названия щита у греков, римлян и др. Определенный интерес представляют и другие названия щита, например: у кистин – пха, а в хильдихароевском говоре неI//нихь – букв. «шкура крупного рогатого скота». Пха в вайнахских языках и диалектах – название граба, являющегося самым распространенным деревом после бука и, по народным поверьям, считающегося священным деревом, которое категорически запрещалось использовать на стройматериалы. Из него делали оружие и орудия труда. Побег граба очень легки. После сушки из них делали стрелы. В наши дни из его прутьев чеченцы делают корзины, плетки и сапетки.

Словом неI//нихь горцы стали называть уже обтянутый кожей щит, современное же его значение – шкура крупного рогатого скота и дверь в помещении, обитая кожей.

С появлением бронзы, меди, железа в чеченском языке появляются такие названия вооружения, как йез//буолатан барзкъа//куй – медные или стальные латы или мисюрки, шлемы; пхь-арсбуолатан буотт – стальной наколотник и др.

В современных нахских языках можно встретить также несколько названий копий, например: гоьмукъ, гемма – дротик, «жердь из граба».

В ближнем бою чеченцами употреблялись также секира – жамбалт и небольшой топор – джIоммагIа.

Стрелы бытовали вплоть до начала XVIII века. В своей работе А. Бутков упоминает, что в бою у кумыкского села Эндери в 1732 году чеченцы, наряду с огнестрельным, применяли и лучной бой.

Обычно чеченцами в древние времена употреблялся так называемый сложный лук, который был известен на территории нашей страны у скифских и сарматских племен. Его делали из упругого гибкого дерева. Часто усиливали сухожилиями или кожей с внешней стороны и роговыми пластинами с внутренней стороны. Оперения у стрел обычно делались трехперые – для придания вращения и устойчивости, а наконечники стрел были

плоские – «виед» и острые – «пхербохь». А. Веселовский, говоря о вооружении горца Северного Кавказа, приводит высказывание итальянца-очевидца, побывавшего на Кавказе: «Они сами делают свои стрелы. И в целом мире не найти стрел, которые метали бы так далеко и имели бы столь закаленное острие».¹

Считаем необходимым дать описание некоторых неизвестных в научной литературе видов вооружения чеченцев. В Кавказской войне гусары царской армии впервые столкнулись с довольно странным защитным оружием горцев – с так называемой кхалкхан – рогулей, которая служила защитой от удара сабли, шашки (1) щит, 2) жирный затылок кабана). Такую рогулю обычно делали из железа или стали длиной не более полуметра, она имела утолщенную ручку с деревянной рукояткой. Горцы прятали ее под шубу или черкеску, в бою же молниеносно подставляли под удар сабли или шашки. Сабля, попавшая в рогулю, ломалась или получала сильную зазубрину, так что больше ею пользоваться было нельзя. Такая рогуля служила и подставкой для кремневого ружья.

БогІаддaргІа – копьеметалка. Как известно, безоаровые козлы – древние обитатели крутых скалистых склонов Кавказских гор. Они имеют сравнительно тонкие, саблеобразные изогнутые рога. Такие рога укрепляли на деревянной подставке, между ними делали прочную тетиву из ремней или турьих жил. Во время боя один или два человека оттягивали тетиву, и копье или дротик летели на довольно большое расстояние, обладая хорошей убойной силой.

ТРАНСПОРТ

Наиболее древним и практичным транспортом в горах, отличавшихся бездорожьем, считался вьючный транспорт, когда на ослах, мулах и лошадях перевозилось и доставлялось в горы все необходимое для горца. Для перевозки грузов использовали специальные седла: кож – вьючное седло, обычно для осла; хІудж – вьючное седло, а также переметные сумы – таьлсаш, изготавливаемые из шерсти (часто их расписывали цветным орнаментом).

¹ Веселовский А. Несколько географических сведений о древней России из рассказов итальянцев. СПб., 1870. С. 20.

Древнейшим видом транспорта, используемого для упряжки, были горные сани – салаз или просто волокушки, на которых перевозили урожай, сено и т.д.

С появлением колеса произошла революция в транспорте. Название колеса в чеченском языке (чкъург) заимствовано. Еще в первой половине XIX века в научной литературе отмечалось искусство чеченцев делать колеса, гнуть для них ободья. Обычно гнули ободья из карагача или ильма, жерди которых распаривали в течение 2-3 часов в специальных помещениях, затем их гнули в форме полукруга. Второй способ изготовления ободьев сводился к поиску в лесах естественных сгибов бука, из четырех таких кривулин делали круг. Бытовали среди чеченцев и следующие виды транспорта: шарбан – шарабан, хIурго – фургон, къепал – караван, бурам – паром, киема – корабль, гIудалкх – бричка, вуорда – подвода и др. Вот как именовались отдельные части арбы, названия которых исконно чеченского происхождения: мотт – планка в фургоне или подводе, служившая для соединения задних и передних колес (букв. «язык»): Iарч – оглобли; Iад – дуга в упряжке; дзобпар – короткий брусок, служащий опорой у кузова арбы; дерахья – подушка у повозки, телеги, колодка на оси арбы.

По рассказам стариков, их отцы помнили двухколесную горскую арбу (дзум) с деревянной осью без втулки, смазываемой курдючным салом. Называлась она так потому, что издавала сильный скрип. О существовании транспорта с таким названием говорит и И. Иванов.¹

Еще во второй половине XIX века чеченцы делали арбы для продажи, которые пользовались большим спросом на Тереке, правда, деревянные оси покупатели заменяли железными.

Для изготовления двухколесной арбы нужно было «заготовить карагачевые ободья, ясеновые спицы, карачагевые ступки, буковые или грабовые оси и остов арбы, осиновые оглобли, липовый ящик»², – пишет исследователь быта чеченцев. Преклонение же чеченцев перед русским транспортом отразилось в чеченской поговорке: «Оърсийн гIудалкхо пхъагал лъацна» – «Русская телега зайца поймала».

Следующие названия говорят о распространенности транспорта: дукъарц – заноза, задвижка в ярме; милк – ступица колеса,

¹ Иванов И. Чечня // Москвитянин. 1851. №19-20.

² Маркович В.В. Указ. соч. С. 322.

втулка; сема – ось; ретанг – оглобля саней; уьгазлакх – козлы, стойки в передней части арбы; тегга – задвижка, укрепляющая заднее и переднее колеса арбы; тхамаста – планка ярма; ялкха – люшня, составная часть арбы, а также гю – полоз; халарш – шлея; урх – вожжа, повод; маечиг – кончик полозьев саней; гюматмарш – хомутина; гюмат – хомут; дукъ – ярмо; арван – металлическая планка, укрепляющая шину на колесе; гуркх – дышло, шест, жердь.

В XX веке в лексике чеченцев появляются названия современных видов транспорта, в основном заимствованные из русского языка, а некоторые названия образовались из двух компонентов, один из которых является исконно нахским, например: церпошт – поезд, букв. «огненная почта»; старое же название трамвая, запряженного лошадыми – конка – чеченцы перенесли на название автомобиля и т.д.

Богато представлена в языке чеченцев и конская сбруя. Лучшая сбруя, седельная подушка из лучшей кожи, шелковые подпруги, позолоченные и серебряные бляхи, стальные удила – вот принадлежности лучшего наездника. Для джигита убранство коня – это главное. Основной доход от его хозяйства, все свои деньги он расходовал на приобретение принадлежностей конской сбруи, которая порой стоила намного дороже самого коня.

Значительное место занимает конь в историко-этнографическом и художественном описании жизни чеченцев. Великий русский писатель Л.Н. Толстой, например, восхищался красивой посадкой и ездой чеченца на коне.

Вот основные принадлежности конской сбруи: нуьйр – седло; нуьйргайба – седельная подушка; нуьйрдечиг – деревянный остов седла; хюь – лука седла; талба – потник, чепрак; ичмик//ишмик – потник; луйта – стремя; гонжагI – торока, ремешок у задней луки седла; ширбина бухка – средняя подпруга седла; дуьрста – узда уздечка; гаьллаш – удила; гон – нагрудник, часть верховой конской сбруи; тиймик – тебенек, принадлежность сбруи, а также га – повод; чиллхьесанбухка – шелковая подпруга; мулгIа – подхвостик; джулар – недоуздок и др.

Чеченцы славились умением плести кнуты всевозможной толщины и формы: круглые, четырехугольные из четырех, восьми и двенадцати шорных нитей. Кнут (хлыст плеть, бич, плетка) называется так же, как и вилы – шад, язычок плети – кIеда кнута-

вище – кхаж; стержень бича – оьзиг. Имелись и подковы нескольких видов: лан – подкова, которая у горцев имела несколько разновидностей: маленькая – для горской обуви; эллипсообразная – для ослов, лошадей; состоящая из двух железных пластинок – для буйволов и быков. Имеется и другие слова, относящиеся к транспортной терминологии: баргол – путы, тренога; духьлоца – повод; меха – полоса кожи, обработанная для вырезки шорной нити; чIарбал – веревка, тесьма для прикрепления ноши к спине, седлу; тIам – руль и т.д.

ГЛАВА III

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЧЕНЦЕВ

Богатый археологический и этнографический материал позволяет нам говорить о существовании в Чечне в недалеком прошлом «верований в различных духов – добрых и злых, и различных божеств-предков (тотемов), иногда в виде птиц и животных, различных покровителей домашнего очага, покровителей охоты, урожая, металлургии и т.д.»¹, – пишет Е.И. Крупнов.

В своем развитии древнейшая религия чеченцев прошла длительный исторический путь от тотемизма – наиболее древней формы религии – до персонифицированных богов.

Наличие следов христианства вперемешку с древней религией (вплоть до начала XIX века) говорит о стабильности последней, о существовании оформившегося и довольно сложного пантеона языческих богов древних чеченцев.

«... Рассказывают, – писал К. Самойлов, – что в горной Чечне, в местах, не подвергшихся влиянию мюридизма, можно и теперь встретить много медных маленьких крестиков, очень уважаемых их владельцами, и что такие же кресты попадаются иногда в полях. Наконец, сами предания чеченцев сохраняют нередко какое-то смутное воспоминание о христианстве... Можно предположить, что до нашествия монголов жители северной части Кавказа были христианами».²

Существует несколько мнений относительно проникновения христианства и мусульманства. Так, например, наряду с возможностью прихода христианства из Грузии, оно могло прийти одновременно и с севера – из хазарского царства и южнорусских княжеств. Существует мнение и о проникновении христианства из Греции, через Черноморское побережье. Академик Г. Джанашавили высказал мнение о распространении мусульманства среди вайнахов Тимуром. «Первоначально, – пишет он, – кистины, глигвы, дзурдзуки... были христианами до нашествия Тамерлана, который, покорив страну то лестью, то угрозами, со-
вратил в магометанство и назначил им мулл...»³.

¹ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 358.

² Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. СПб., 1855. С. 66.

³ Джанашавили Г. Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе

В Чечню ислам, как мы говорили, стал проникать с XV-XVI веков, главным образом из Дагестана и Кумыкии.

Однако не следует забывать, что на севере земли чеченцев господствовала Золотая Орда (XIV-XV века), а на западе – Крымское ханство (XV-XVI вв.) с множеством мечетей и уже установившимися религиозными традициями, кроме того известно, что существовавшее на северо-восточном Кавказе Хазарское государство имело 30 мечетей и «самый большой класс мусульман».¹

«В 1588 году Ших-Мурза, владелец Окоцкий, пришедший служить в крепость Терки, направляет в город Москву к царю Федору Ивановичу послов, а в 1645 году русскому царю принесли присягу в верноподданничестве уже мичкизяне, шаибутяне, бауагунцы и другие чеченские общества»².

Принимая во внимание мусульманскую антропонию (Исмаил, Ахмед, Муххамет) в присяге членов посольства Ших-Мирзы Окоцкого к Ивану Грозному в 1588 году, а также клятву в верноподданстве царю на Коране ряда представителей чеченских племен позднее, можно предположить, что мусульманство проникает к плоскогорным чеченцам раньше XVI века. Само собой разумеется, ислам, как и другие религии, не принимался с радостью и легкостью, все же сторонники язычества отчаянно сопротивлялись и лишь постепенно уступали свои позиции. Так, например, ингушское общество гвалетцев приняло мусульманство лишь в 1862 году; часть мелхинцев и майстинцев вплоть до 30-х годов нашего века сохраняли языческие верования; среди кистинцев, проживающих в Грузии, как мы говорили выше, следы языческих верований существуют и поныне.

В конце XIX века Н. Харузин отмечал: «С каждым годом это влияние (мусульманство) усиливается: многие языческие обряды, некогда священные, теперь возбуждают смех у молодежи, так что истинных мусульман, пожалуй, легче встретить между молодым поколением, чем среди стариков».³

Позднее исследователь истории письменности чеченцев правильно заметил: «Внушение о святости Корана, о высоких

и России. Тифлис, 1897. С. 51.

¹ Шамилев А.И. Пути проникновения ислама к чеченцам и ингушам // Известия ЧИ-НИИИЯЛ. Грозный, 1963. Т. Вып.1.

² См.: Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1889.

³ Харузин Н. По горам Северного Кавказа // Вестник Европы. 1888. С. 516.

преимущества, которыми будут пользоваться в «загробной жизни» те из «правоверных», которые будут уметь читать тексты Корана, хотя бы и без осмысления читаемого, проповедовалось муллами со свойственной им легкостью безгрешного притворства и риторического искусства. Благодаря этому, редко кого можно было найти из чеченцев, кто не пытался бы овладеть техникой чтения Корана. И если бы чеченская родная письменность была тогда обязательно по шариату для всех, как чтение Корана, то грамотных на родном языке было бы намного больше».¹

Существует мнение, что мусульманство главным образом шло из Дагестана, а затем, после принятия многими золотоордынскими ханами (Берке, Узбеком) мусульманства, они (золотоордынские ханы), конечно, оказали также свое влияние на распространение мусульманства среди чеченцев.

Скорее всего, тотальное вовлечение чеченцев в мусульманство начинается в XV-XVI веках в некоторых местах Чечни дагестанскими и кумыкскими миссионерами. Кумыки же, как известно, после нашествия Тамерлана поголовно приняли мусульманство.

Арабский путешественник Абу Хамид Ал-Гаранти, побывавший еще в 1130 году в Дербенте, перечисляет десяток мусульманских народов Дагестана. Среди них, наряду с табасаранцами, лезгинами, аварцами и другими встречается племя каридархах. Возможно, это граничащие с аварцами жители Веденского округа – Дарго (Даркох).²

Исторические сведения о религиозных верованиях чеченцев до средних веков отсутствуют, поэтому, говоря о древней религии чеченцев, мы можем опираться только на данные языка и особенно – на терминологию, отражающую их религиозные представления в прошлом.

Первые исследователи Чечни зафиксировали ряд божеств и святилищ на ее территории. Правда, незнание ими языка, а в связи с этим – плохая транскрипция названий божеств и святилищ, затрудняли более глубокое их изучение и особенно – этимологические изыскания в данной области. Однако отдельные описания

¹ Яндаров Х. История чеченской письменности // Записи Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов-на-Дону, 1928. Т.2. С. 7.

² Путешествие Абу-Хамида Ал-Гаранти в восточную и центральную Европу (1131-1153 гг.). М., 1971.

божеств, святилищ и религиозных ритуалов дают нам богатейший материал для изучения развития религиозных верований чеченцев.

Исследователи древней религии чеченцев фиксируют следующие названия божеств: Дели//Дяла//Дали – главный и древнейший бог вайнахского пантеона богов; Цу/ /Цу/ /Циу – один из позднейших основных богов вайнахов; Сели/ /Стел/ /Сяли – бог грома и молнии (ср. чеч. стелахаьштиг – молния букв. «факел бога Стелы»); СтелаIа//ДелаIад – радуга, букв. «дуга богов Стелы/ /Делы»); Сигал//Стигала – божество неба; Сата – дочь бога Стелы//Селы, покровительница невест (ср. чеч. селасат – иволга, или дочь бога грома и молнии, помогающая нахскому Прометею – Пхьармаку//Пхьармату похитить огонь у отца); Тушоли – богиня деторождения, кумир женщин; Гушмали – один из богов; Кинч – мать луны; Аза//Аьзни – красавица, или дочь Солнца; Лайнаьзни – снежная красавица, или снегурочка; Пумаьзни – красавица песков; Елт – покровительница хлебов, пищи; Молиз – бог войны; Дардзнаьнилг – букв. «мать выюг»; Хиннана – богиня вод, бук. «мать вод»; ГурметцIу – бог рая; Боаламдала – бог покосов; Фурке – богиня ветров и другие.

Научную ценность представляет открытая стилизованная каменная статуя XV-XVIII веков в районе высокогорного озера Галан-Чож, посвященная богине плодородия Тушоли.

Высеченная из огромного скального валуна статуя достигает в высоту 4,5 м и весит около двух тонн. Тушоли, олицетворявшая, по религиозным воззрениям, образ великой «матери людей» и покровительствовавшая плодородию, на протяжении многих веков пользовалась особым почитанием, прежде всего у местных женщин. О популярности данного культа свидетельствуют также многочисленные святилища этого божества, разбросанные по всей горной зоне Чечни. Ежегодно пышный праздник в честь Тушоли справлялся весной (время возрождения природы) в месяц «Тушоли-бут» (апрель), когда прилетала «священная птица угод» («Тушоли котам») и впервые стада выгонялись на летние пастбища. Обращаясь к ней, женщины просили:

В день твой пришли мы,
Как и в прежние годы,
К тебе, и ты счастья нам дай,
Избавь от горя, беды, недорода...

«... Сама скульптура представляет заметный интерес. Это по-настоящему серьезная работа древнего ваятеля, которая не может не вызвать уважение к себе и нашего современника.

Нижняя часть обнаруженной статуи носит следы многочисленных сколов: по бытовавшим в прошлом у вайнахов поверьям, кусочки, отколотые от нее, обладали якобы целебными свойствами. Их часто носили на шее бездетные женщины»¹, – пишет Д. Чахкиев.

Многочисленные святилища, посвященные богам, говорят о существовании и других божеств: Пхьамат-Ерда, Баин-Сели, Тумга-Ерда, Дзарох-Ерда, Галь-Ерда, Мят-Сели, Магы-Ерды, Алби-Ерда, Сусон-Дела, Сели-Тхьа, Циуна-Куорта, Фаппи-Ерда («Ерда» в транскрипции «йерда», по нашему мнению, означает «святилище»). Почти каждое племя, род, семья, а то и члены семьи имели своего патрона-покровителя, о чем говорит и сохранившееся выражение «хьай делан дуьхьа...» – «ради твоего бога» (ср. русск. «ради бога»). Например, двойником человека считался у вайнахов бог-покровитель – Тхьарам. Отдельные святилища сохранились в горах и по сегодняшний день, а некоторые жители Панкисского ущелья Грузии – кистины – исполняют и сейчас языческие ритуалы. Там, на возвышенности у селений Джокьоло и Омало имеются языческие храмы, куда приходят на поклонение «текья» – старшее поколение кистин. Собираясь там, они часто закалывают жертвенное животное, устраивая трапезу с выпивкой, на алтарь кладут мелкие деньги, «тайно» прося у языческого божества Циу послание дождя, хорошего урожая, исцеления от болезни, помощи от бесплодия.

Проникновение христианства, а затем тотальное вовлечение в мусульманство, продолжавшееся столетиями, показали живучесть древней религии вайнахов.

В XIII в. Грузия вступает в кровавую борьбу с монголо-татарами, что фактически сводит на нет ее миссионерскую деятельность на Северном Кавказе. Это одна из возможных причин «незакрепления» христианства. Другая причина – живучесть в сознании народа языческих верований и божеств, которые так и не были забыты. Об этом позволяют нам говорить известные святилища богов-покровителей, возведенные (что очень важно отме-

¹ Чахкиев Д. Тушоли // Грозненский рабочий. 1988. 12 сентября.

тить) в период активного распространения христианства – в X – XIII веках. Языческие божества оставались всемогущими. Важные сведения по существу вопроса дали исследованные автором храмы Алби-Ерды и Таргимский. В ходе раскопок установлено, что они недолго функционировали как собственно памятники христианства и вскоре были приспособлены для языческих моделей и жертвоприношений. Так, при раскопках камеры Алби-Ерды найдено несколько сот рогов домашних и диких жертвенных животных – это дань языческим богам. Подобные же находки сделаны и при исследовании Таргимского культового здания.

Примером сочетания язычества с христианством может служить известная христианская церковь «Тхаба-Ерды», построенная, по мнению специалистов, в XV веке, в период интенсивного проникновения христианства в горы Чечни и Ингушетии. Архитектура этого храма имеет некоторые элементы нахских святилищ, да и названия храма этимологизируется на базе нахских языков¹. Известно, что христианство в Грузии, к периоду постройки этого храма, прошло длительный исторический путь развития. Например, еще в первой половине IV века в Восточной Грузии христианство было объявлено государственной религией и уже имело громадный опыт распространения, а христианские миссионеры понимали, что своим проникновением к язычникам они будут обязаны не насилию, а тонко продуманной тактике и политике².

Поэтому им было легче насаждать христианство на базе языческих верований вайнахов, так как многолетнее развитие их древнейшей религии пустило довольно глубокие корни. Из вышеизложенного понятно, почему храм был построен для главного и более почитаемого вайнахского бога Тхья (ср. Тхья-рам, Сели-Тхья).

Божество Тхья, по-видимому, некогда играло такую же роль, как Дела и Цу. Являясь верховным божеством нахского пантеона богов, оно имело довольно обширный культ на Север-

¹ По мнению специалистов, «Тхаба-Ерды» в переводе означает «святого двух тысяч», то есть «тха» (ткѡа) – «двадцать», «ба (бѡаѡ)» – «сотня», «Ерды» – «святое место». Придерживаются и другого мнения, что «тхоба» – искаженное метатезой первых согласных звуков грузинское слово «хвтаѡба» – «лик божий», а «ерда» по инг. означает «святыня, храм святой» (См.: Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. С. 85).

² История Грузии. Тбилиси, 1963. С. 7.

ном Кавказе.

Впоследствии, согласно внутренним фонетическим закономерностям, Тхья переходит в Пхья,¹ сохраняется в названии святилищ, в мифологии² и, кроме того, образует гнездо древнейших нахских слов: пхья//пхьеда – село, поселение; пхья – объект кровничества, плата за убийство; пхьяцерг – клык; пхьюьйре – время после сумерек; пхьобха – сходка в селе; пхьегIа – посуда; пхьамат – мера длины, равная растянутым в стороны рукам; пхьар – ремесленник, кузнец; пхьалгIа – кузница; пхьянуо – пришелец и т.д.

Второй компонент слова Тхаба – ба – глаз лег в основу образования современного слова бIаьрг – глаз. В настоящее время это слово сохраняется в выражении «бIатассар», «бIоцаяр» – подморгнуть, сделать знак глазами, букв «око бросить».

Таким образом, Тхаба-Ерды (в транскрипции Тхья-ба-Йерд) означает «храм бога Тхья) (Тхья-бIа-йерд Тхья – «бог» – «храм, святыня, святилище»).

Учитывая генетическое родство картвело-нахских языков, нельзя отрицать и родство нахского Тхьяба с грузинским хьта-еба – лик божий.

Название древнейшего поселения вайнахов – ЦЮй-Пхьеда – «город мертвых» (ЦЮ – древнее божество, Пхьеда – от божества Пхья) склоняет нас к мысли о первичности божества Тха//Пхья в сравнении с божеством ЦЮ.

Из генетически родственных параллелей в иберийско-кавказских языках можно предположить, что в нахском языке словом мIа//ма обозначается понятие «солнце». Современное слово малх//матх представляет собой остаток слившихся двух компонентов, закрепившихся в нахских языках с семантикой слова «солнце». Слово же «луна» увязывается с картвельскими словами «месяц», «луна»³.

¹ В данном случае мы не настаиваем на возникновении божества «Пхья» от «Тхья», а придерживаемся мнения о параллельном бытовании двух божеств с двумя названиями, о чем говорят языковые материалы.

² Нарт-Эрстхоевец Пхармат, делавший из холодной бронзы мечи, кольчуги и щиты, решил похитить огонь у бога огня и грома Селы, за что был прикован бронзовыми цепями к вершине Баш-Лам (Тебулос-Мта... - авт.). См.: Эльмурзаев С.Ч. Общее и специфическое чечено-ингушских нарт-эртсхойских сказаний в кавказском эпосе «Нарты» // Известия ЧИНИИИЯЛ. Литературоведение. Грозный, 1968. Т. 5. Вып. 3. С. 84.

³ Климов Г. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.

Лингвистический материал донес до нас следы тотемного культа зверей, пресмыкающихся, земноводных и растений.

О распространении в древнейшую эпоху божества Тхъау/Пхъа говорят, например, тотемы зайца, лягушки, деревьев. В чеченском языке Пхъагал – «заяц» – не что иное, как название богов Пхъа и Гала.

О существовании божества Галл говорит В.Ф. Миллер, заставший около хутора Агешты христианский храм Галь-Ерды (в транскрипции Гал-Йерд), по всей вероятности, ранее бывший языческим.

Существовали также тотемы лягушки – пхъид и собаки – пхъу (охранник, пастух, сторож). В шароевском говоре чеченского языка и сейчас второй компонент этого слова произносится как пхъу.

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ

К наиболее ранним формам религии относятся тотемизм, магия, институт жречества, погребальный культ и др. Политеизм – многобожие – является закономерным этапом в развитии религии, за ним следует монотеизм – единобожие.

Отношение к жизни, нравственная позиция и мораль, обычаи и духовные взгляды сформировались под влиянием общественного воспитания, а следовательно, сущность человека – это совокупность общественных мнений.

Как мы уже говорили, чеченцы прошли в основном три религиозных этапа – языческий, христианский и мусульманский. Такая последовательность, безусловно, сохранила в конечном религиозном мировоззрении чеченцев – мусульманстве – реликтовые языческо-христианские элементы.

Мусульманство вайнахов усвоило множество языческих представлений и обрядов. Немало языческих элементов выстояло против натиска христианско-мусульманских идей. И поэтому по сегодняшний день у чеченцев сохраняется в социальной структуре масса архаизмов. Особенно эти архаизмы сохраняются в народных праздниках: первой борозды, первого снопа и вообще урожая, в свадьбе и др.

Известно, что чеченское язычество не дошло до монотеизма, по-видимому, в силу общественно-политических условий.

Вайнахи при феодальном строе имели свою собственную религию с пантеоном богов, когда одни из богов могли обслуживать вместе с жрецами отдельные племена. Боги, созданные вайнахскими племенами, постепенно группировались вокруг главных богов (Дела, Стела), существование которых прекратилось с принятием чеченцами ислама, признающими только единственного бога – Аллаха – и его посланника.

Как синкретическая, так и исламская религия чеченцев тесно связана с их культурой, ибо религия – необходимый этап развития культуры, благодаря которому человек начинает формировать свое самосознание, свою силу и веру в необходимость исторического существования.

Понимая под культурой взаимоотношения человека с ее материальной и духовной составляющей, мы подразумеваем под религией тот вид культуры, который играет роль важного способа существования духовной, в первую очередь, нравственной культуры.

Это наследие представляет собой неотъемлемую часть национальной культуры чеченцев. Все его достояние, в том числе культовые предметы, сооружения и искусство религиозного содержания созданы народными умельцами. Поэтому многие религиозные памятники имеют значительную культурно-национальную и эстетическую ценность.

В связи с этим возникает настоятельная необходимость в целенаправленном, осмысленном и критическом освоении национально-культурных ценностей республики, в максимальном использовании их познавательных и воспитательных возможностей.

Тотемизм сохранился в чеченской топонимике, о чем свидетельствуют отдельные названия сел в верховьях Чанты-Аргуна: «Борзой» (борз – волк), «Хьакхой (хьакха – свинья).

В чеченском антропонимиконе отразились религиозные представления и влияния различных культово-исторических факторов, особенно связанных с определенными тотемами, которые обусловили появление ложных понятий, религиозных верований и культов первобытных людей.

Среди чеченцев, как и среди многих других народов мира, бытовали пережиточные верования, связанные со сверхъестественными свойствами различных животных, птиц, рыб, растений. Они нашли свое отражение как в лексике, так и в антропо-

нимической системе того или иного периода.

Жизнь человека самым тесным образом была связана с природой, с определенными видами животных, на которых он охотился, которых приручал и одомашнивал. Многие авторы, анализирующие древние антропонимы, не проходят обычно в своих исследованиях мимо такого интересного ономастического пласта, как имена, в основе которых лежат названия животных. Однако эти авторы склонны видеть в зоо- и антропонимах лишь тотемистическую основу. В частности, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что монголы занимаются гораздо больше баранами, чем небесами¹ (по-немецки – игра слов: Hammel –баран, Himmel – небо).

Каковы бы ни были генетические корни пережиточных явлений, мы имеем дело с сакрализацией животных, птиц, рыб, насекомых, надделение их особыми, сверхъестественными силами, положительно или отрицательно действующими на человека.

В отношении общества с давно уже развитыми религиозными системами можно констатировать лишь остаточные явления, следы некогда развитого культа животных, среди которых, однако, нельзя не уловить и некоторые типические черты, позволяющие говорить о генетической связи с тотемизмом как стадийном явлении.

Многие названия животных, птиц, пресмыкающихся употребляются как зоосемические метафоры: борз (волк) – «смелый, решительный, мужественный»; ча (медведь), нал (вепрь) – «сильный»; ка (кочкарь) – «мужественный, гордый»; цхьюогал (лиса) – «хитрая»; пхьагал (заяц) – «трусливый»; шаткъ (ласка) – «верткая, ловкая»; тодакх (дрофа) – «глупая»; нӀаьна (петух) – «задира»; лом (лев) – «смелый»; лиеча (сокол) – «смелый»; куотам (курица) – «трусливая»; чӀегӀардиг (ласточка) – «красноречивая»; ьиг (ворона) – «опасливая»; лаьха (змея) – «противная»; моьлкьа (ящерица) – «нахальная» и т.д.

Некоторые животные играли значительную роль в древнейших религиозных верованиях чеченцев.

Богатый археологический и этнографический материал позволяет нам говорить о наличии в далеком прошлом в Чечне «верований в различных духов – добрых и злых, существование различных божеств-предков (тотемов), иногда в виде птиц и живот-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 155.

ных, различных покровителей домашнего очага, покровителей охоты, урожая, металлургии и т.д.»

Мир хищников отражен в антропонимах: «Льобма» (л'обма) – лев; «Цьобкъя» (ц'обкъя) – барс; «Ширткъя» (ширткъя) – ласка; «Цхьогал» (цхьогал) – лиса; «Масар» (масар) – лань; «Пхьягал» (пхьягал) – заяц; «Дахка» (дахка) – мышь; «Чаборз» (чау-борз) – медведь, волк; «Маймал» (маймал) – обезьяна; «Суосакх» (суосакх) – козел-рогач.

Домашние животные представлены в именах: «Боршиг» (буоршиг) – бычо; «Эса» (эса) – теленок; «Цициг» (ц'иц'ик) – кот; «БажагIа» (бажагIа) – козлице; «Бохьиг» (б'охь'ик) – козленок.

Антропонимы, связанные со словом «свинья», в чеченском именослове в данное время встречаются редко. Вероятность бытования таких имен подтверждается наличием в именослове таких имен: «Нала» – кабан, «Нальги» – от «Нал» – кабан, вепрь, «Хьакко» – от «хьакха» – свинья, «Харси» – от херси – поросенок и др.

Названия овцы и козы вошли в чеченский антропонимикон именами: «Чуха» (чуха) – ягненок до первой стрижки; «Цинто» (ц'интуо) – кочкарь (кличка); «Бухьиг» (юухьиг) – козленок; «Боогго» (буоштуо) – годовалый козленок; «БажагIа» (бажагIа) – козлице.

Мир амфибий представлен именем «Пхьидаг» (пхь'идак) – лягушонок; имен-ихтионимов удалось зафиксировать лишь два: в бацбийском диалекте «ИргIай» (иргIа) – «осетр»; «Чабакх» (чабакх) – «лещ» в плоскостном диалекте. Это, вероятно, объясняется тем, что рыбный промысел в Чечне имел второстепенное значение, да и любая рыба обозначается апеллятивом «чIара» – «рыба».

Определенный пласт чеченских антропонимов представлен именами-инсектонимами: «Пола» (пола) – бабочка; «Сагал» – блоха; «ЗIуга» (дзIуга) – оса; «Сеса» – головастик; «Зингат» (дз'ингат) – муравей; «Цаьпцалг» (цаьпцалг) – кузнечик; «Г'оьжа» (г'оьжа) – кокон; «Чилла» (ч'ила) – цикада; «Дедо» (д'и-едуо) – божья коровка.

Особо следует сказать о птичьих именах. С птицей у чеченцев связано много поверий, и почти все известные орнитонимы вошли в именослов. В народном фольклоре птица является воплощением чистоты и доброты. Вероятно, птица была почитае-

мым божеством, культом¹. «Птичьи» имена даются в семье, где дети умирают. Бытует поверье, что имя птицы оберегает ребенка от злого духа, от смерти.

Почитание ласточки отражено в имени «Чеглардиг» (чИегларди) – ласточка. Наиболее распространенным является орнитоним «Олхазар» (олхазар) – птица. Почти все названия птиц-хищников вошли в мужской именослов: «Кубьра» (кубра) – ястреб; «Маккхал» (маккхал) – коршун; «Леча» (лиеча) – сокол; «Аьрзу» (аьрзу) – орел; «МигIа» (м'игIа) – ястреб; также в мужской именослов вошли названия домашних птиц; «Боргул» – петух; «Геза» – гусь; «Хьоза» – (хьоза) – воробей.

Женский именослов составляют орнитонимы:

«Кхокха (кхокха) – голубь; «Наус» (Наус) – павлин; «Меа» (миеа) – курочка; «Моша» (моша) – куропатка и др. Птица, являясь древнейшим культом и тотемом человека, прочно вошла в именослов чеченцев, в котором хищники и самцы отражены мужскими именами, а самки и домашние птицы – женскими.

С анимизмом у чеченцев связано почитание местных гор, роц, пастбищ, скал, камней, рек и озер. «Некоторые леса и рощи посвящены святым. Примечательно, что такие заповедные рощи находятся в местах безлесых, где дрова достаются с трудом. Леса эти неприкосновенны, их можно рубить только тогда, когда, готовясь праздновать имя святого, нужно варить пиво»². Древние верования чеченцев, как и других народов, были связаны с зависимостью от конкретной природной среды, где они находились.

В Чечне известны «священные рощи», где запрещалось рубить лес, вершины гор – такие, как Тебулос-Мта, Мат-Лам, Цей-Лам, Баш-Лам, озера Цен-Іам, Палан-Чюж-Іам. Почитались такие камни и минералы, которые выступали компонентами талисманов, иногда ожерелий.

Большое место в системе древних религиозных представлений и верований чеченцев играла магия, связанная с чисто хозяйственной деятельностью человека. Земледельческая магия включала в себя такие приемы, как перетаскивание плуга через реку, мытье в реке мотыг, одымление вспаханного поля перед посевом, а в засуху прибегали к обряду «кьоршкъали» – «ряженный», суть

¹ Алироев И.Ю., Орлов М.М. Зоонимия народов Северного Кавказа // Вопросы отраслевой лесики. Грозный, 1978. С. 84.

² Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847. С. 38.

которого заключалась в вызывании дождя ряженым в окружении детей и подростков. Часто их гоняли по селу, обливая водой. Комплекс магических действий применялся также при животноводческой деятельности, охоте, ремесленном производстве, лечении. Местные знахари манипулировали высушенной лапой медведя, хвостом черной кошки или волка, знахарским средством хЮлмач (араб. холматун – «красная ткань») – узелком из красной материи, куда завязывались кости, зубы, когти, уголь, который закапывался в комнате под окном или у околицы.

Вредоносная магия преследовала цель послать на человека «порчу», для чего использовались обувь, кусок одежды намеченной жертвы, волчий астрагал (род растений), обрезки ногтей и волос. Чеченцы верили, что человеку можно нанести вред словом и сглазом, а поэтому для предохранения от сглаза пользовались множеством амулетов.

Любовная магия включала различные действия, имеющие целью приворожить любимого человека или мужа: гадания, угощение ослиным мясом, вшивание в одежду заклинания и т.д.

Особенно было распространено гадание на звездной книге (седаджейна), камушках, бараньей лопатке.

«Гадание вообще, а на лопатке в особенности, – пишет этнограф С. Хасиев, – явление очень древнее и распространенное у различных народов мира. Подробного описания всего ритуала гадания у других народов и особенно вайнахов нет».¹

Языческие обряды сопровождались молениями и жертвоприношениями, а также песнями, танцами, гаданиями, состязаниями. Празднества в честь общенахских патронов приурочивались к началу или завершению сельхозработ по народному календарю, где названия месяцев были связаны с циклом хозяйственных работ. Руководящую роль в исполнении языческих обрядов и ритуалов играли жрецы, которые исполняли языческие религиозные мотивы.

В заключение хотелось бы привести отдельные фрагменты из вышедшей более 140 лет тому назад книги Н. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе» (т. 1, кн. 1, СПб., 1871), где обобщен и систематизирован исторический материал по религиозным верованиям чеченцев.

¹ Хасиев С.-М. А. Этнографические реалии в героических илли // Поэтика чеченских героических песен илли. Грозный, 1983. С. 60.

«... Господствующая религия чеченцев магометанская, суннитской секты. Нагорные чеченцы никогда не были христианами и весьма строго придерживаются магометанства. Напротив того, жители Большой и Малой Чечни, как свидетельствуют предания и развалины древних храмов, встречающихся и до сих пор, исповедывали некогда христианскую религию...» (С. 383).

«...При входе в Аргунское ущелье, близ аула Атаги, на том самом месте, где построена была Воздвиженская крепость, был найден большой каменный крест с вырезом для образа...» (С. 374).

«... Трудно определить, когда чеченцы приняли мусульманскую религию, но с достоверностью можно сказать, что различные племена этого народа принимали ислам в разное время. Один из значительных чеченских тукхумов принял последним мусульманскую веру. Этот тукхум (племя – **авт.**) известен под именем Гуной...» (С. 382).

«... Кистины, 5-го июля, собираются на гору Мойхох, на вершине которой находятся три памятника, обращенные фасадом на восток и называемые туземными церквями. В одном из них они совершают празднества в честь Георгия, в другом – Божьей Матери, а в третьем – св. Марии. Внутри строений нет ничего, кроме навешанных по стенам и наваленных на полу, в куче и беспорядке, турьих, бараньих и оленьих рогов, нескольких значков и стаканов, принесенных в жертву...» (С. 385).

РЕКРЕАТИВНАЯ КУЛЬТУРА

«Чеченцы – большие любители и ценители юмора, острословия; их речь весьма насыщена афоризмами, яркими эпитетами, вескими пословицами и поговорками. Они любят жизнерадостный смех», – пишет Ю.А. Айдаев¹.

Однако в Кавказскую войну при Шамиле дело обстояло иначе. Бывший в плену у чеченцев царский офицер И. Клиндер вспоминал: «Песни, игра на балалайке (пондур), пляски, табак, буза, общение с мирными, как подозрительные по настоящему положению народа, ведущего священную войну (газават), строго запрещены. Это, при всеобщей нужде, способствует суровости

¹ Айдаев Ю.А. Народные истоки чечено-ингушской драмы // Известия ЧИНИИИЯЛ. Литературоведение. Грозный, 1968. Т. 5. Вып. 3. С. 55.

нравов и к религиозному настроению. Однако, многие из чеченцев играют, курят тайком и посещают мирных, скрытно один от другого»¹.

В свободное время чеченцы участвовали в многочисленных играх, играли на музыкальных инструментах, пели, танцевали во время общественных работ, особенно на белхи.

Национальные игры чеченцев разнообразны, описание их заслуживает специального исследования. Мы же попытаемся кратко осветить правила отдельных игр, дать их названия и понятия, связанные с ними. Чеченцы знали множество игр, подчас довольно интересных. Наиболее распространенными из них были: туштуьппалг – игра в лунки, заключающаяся в искусстве загнать мяч в лунку; молларехловзар – игра в прятки наподобие русской игры, только пятнают не стенку или дерево, а найденного человека; галгIажмехловзар – национальная чеченская игра наподобие игры в чижика; гибарехловзар – национальная чеченская игра – «игра, ношение на спине»; бIарехловзар – игра в орехи, заключающаяся в том, что по жребью один игрок начинает бить орехом по орехам своих товарищей, разбитый орех становится трофеем не разбитого; хIоэхловзар – игра в яйца, аналогичная игре бIарехловзар; авгуолкерчор – катание ара (авгуол – шар + керчор – масдар от глагола керча – катать); кабаккхар – национальная игра, заключающаяся в редком искусстве всадника на скаку вытаскать закопанного в землю по рога кочкаря и многие другие.

Понятия, связанные с игрой: туш – городок в детских играх, ямка, лунка; куьлла – чижик в игре; гIала – городки, рюхи; авгуол – глиняный или деревянный шарик в детских играх; чохь – город при игре в лапту. Чеченцы играли и в лапту – пийсак.

Одна из древнейших игр чеченцев – игра в альчики (гIулг – альчик, бабка). Наличие альчиков в древних захоронениях чеченцев, а также богатая терминология, связанная с ними, свидетельствуют о давнем знакомстве с различными играми в альчики не только детей, но и юношей, а в недалеком прошлом – даже и взрослых.

Одних названий, означающих различное положение альчика, насчитывается несколько: чийк – положение альчика хребтиком вниз; аьлча – одна из четырех сторон альчика; IуьIа – альчик,

¹ Клиnger И. Нечто о Чечне. (Заметки о виденном, слышанном и узнанном во время плена у чеченцев с 24-го июля 1846 года по 1 января 1850) // Кавказ, 1856. Декабрь.

поставленный на попу; лонга – положение альчика, ставшего вертикально; тахан – положение альчика на правом боку; тал – положение альчика выпуклым хребтиком вверх; хлур – положение альчика вогнутым хребтиком вверх.

Для специальной игры служил обтесанный с двух сторон на камне альчик – шаьртиг, а для игры вподкидку – оь – три альчика. Играли в альчики, сидя в кругу трое, четверо или восемь человек, попадая в расставленные на расстоянии альчики с целью выбить их за черту.

Распространена была игра и в бабки – тхьоз, которые часто выбивали из круга свинчатками, то есть костью, налитой свинцом. Свинчатки различались двух видов: средняя – называлась клурам и большая – биток, которая чаще встречалась в казачьих разновидностях игры.

Проводились соревнования среди чеченцев и по толканию камней. Часто снарядом служила круглая плита с обитыми краями в форме диска (экъа – диск) и просто камни, вес которых достигал иногда свыше десяти килограммов.

Неизвестно, когда в Чечню проникла игра в шахматы – дечиг глугаш («деревянные альчики»), которая у чеченцев отличается своеобразием.

«В отличие от обыкновенных шахмат, – пишет А.И. Краснов, – ходить можно было только по прямой и углом вправо и влево, по диагонали ходов не существовало. Играющий должен был обладать богатой фантазией, большой бдительностью, выдержкой и терпением. Широкие просторы для комбинаций способствовали развитию сообразительности».¹

Шашки – джалки – бытуют у чеченцев давно, делали их из дерева, а иногда из жженой глины.

Своеобразна была игра и с волчком – даьндарг. Играли обычно на длительность вращения волчка, а также, разделяясь на две команды, загоняли бичами крутящийся волчок в ворота противника или в особые кружки.

Во многих селах мастера изготовляли из рогов довольно красивые волчки, которые часто заливали свинцом, сверху украшали различными рисунками, превращавшимися при вращении волчка в красивейшие орнаменты.

¹ Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963. С. 84.

Играли в волчка чаще зимой на льду, вращали его, подгоняя кнутом. Гордостью мальчишек был красиво изготовленный, разукрашенный волчок с жгутом из шелковой нити.

На Северном Кавказе только у чеченцев встречались волейбольные, баскетбольные и футбольные мячи, представлявшие собой бычий пузырь, надутый воздухом и обтянутый обычно козлиной кожей. Кроме того были и обыкновенные тряпочные, шерстяные и деревянные мячи – бубрка – для игр в лапту, авгуолкерчор и др.

С раннего детства до девичьего возраста чеченские девочки увлекались куклами. Куклы делали из ниток, тряпок, глины, шерсти, их вырезали из сухой кожи, бумаги, коры дерева, а позже и из картона. Этимология этого слова говорит о том, что первоначально их делали из ниток: тайниг – кукла (тай – нитка + ни́г – уменьшительный суффикс). Затем стали их шить из материи. Куклы делали и на турничках, в подражание акробату, вырезали из дерева в виде танцующих мужчины и женщины, ноги и руки которых прикрепляли к туловищу на проволочных шарнирах. Такую фигуру вешали на стенку и подергиванием нитки заставляли плясать. Были также куклы, закрепленные на подставке, которую приводил в движение ногой гармонист или бандурист, заставляя плясать в такт музыке.

«Другим видом кукольных зрелищ были танцы бумажных кукол на медном или алюминиевом шуне (круглом чеченском подносе). Куклы искусно вырезаются из бумаги с положением рук танцующих лезгинку. Танец их насыщен темпераментом, задором и грацией. Девушки поют веселую мелодию лезгинки, и все зрители в тат хлопают в ладоши»¹, – пишет исследователь чеченской народной драмы Ю.А. Айдаев.

В период слякоти, непогоды часто можно было увидеть детей, соревнующихся в ходьбе на ходулях (косказ – ходули). Иногда ходулями пользовались в селах и взрослые (особенно надтеречные и плоскостные чеченцы) для ходьбы по грязи и лужам, так как часто бездорожье превращало сельские улицы в непроходимые болота.

Любили чеченские дети и качели. Их прикрепляли на высоких деревьях или на искусственных перекладинах.

¹ Айдаев Ю.А. Указ. соч. С. 52.

Качели были нескольких видов: для малышей они делались из корыта, чтобы ребенок не выпал (гаьнгаги//джӀоьнгули/, для более взрослых детей – из ремней – конопляных, волосяных или сплетенных из орешника веревок – буьнжолаг – качели.

«Чеченские дети ходили в русские станицы играть в бабки. И, наоборот, русские дети были частыми посетителями горских аулов, где они также играли в бабки. Кроме детей в бабки играли и взрослые»¹, – пишет исследователь физической культуры и спорта Чечни А.И. Краснов.

Вплоть до XX века среди чеченцев очень распространенной была игра в карты. Сама картежная терминология, наличествующая в чеченском языке, говорит о распространенности в прошлом картежных игр в Чечне: эриг – разновидность карточной игры; хулст – хлюстовая сдача; бал – кон (в карточной игре), взятка; чие-руо – черви; кхаанча – разновидность игры, «тройка»; ЁаржбӀаьрг – пиковая карта; джӀаа-ра – крест, трефы; бӀерг – игральные карты от тройки до шести; биьсаберг – бубновая карта; бӀаьрг – очко на игровой карте, а также тӀуз – туз и паччахь – король.

Музыкальные инструменты чеченцев отличаются большим разнообразием. Наиболее древними чеченскими музыкальными инструментами, получившими широкое распространение в Чечне, являются: мерзпондар//дечиг-пондар – чеченская 2-3-струнная балалайка, букв. «струнная//деревянная гармоника», обычно выделяемая из липы; шидаг – дудка, свирель, трубка; джиргӀа – бубен; маӀа – рог, рожок, горн; шок – свисток, свист; Ёадхьокхупондар – чеченская скрипка, букв. «лук + тереть + гармоника». Позднее появляется кехатпондар или пондар – обыкновенная русская гармошка, на которой сначала играли девушки и женщины, затем стали играть и мужчины; распространяются и чӀоьндарг – чунгур; зурма – зурна и др.

Наиболее архаичные смычковые инструменты чеченцев имели самые разнообразные формы. Основу одной из разновидностей такого инструмента составляла лопатка крупного рогатого скота. Декой служила удлиненная и утолщенная часть на ее головке, а у основания просверливали от двух до четырех дырочек, через которые протягивали струны из конского волоса или ис-

¹ Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963. С. 72.

кусно высушенные кишки или жилы животных. Под струны у основания подгоняли «кобылку», с помощью которой их туго натягивали. В середине треугольником, а иногда кружком, высверливали три и более дырочек. По струнам водили смычком.

Другой разновидностью была скрипка, сделанная из декоративной тыквы (кубышки), к которой прикреплялась дека из липы и натягивались струны из конского волоса.

Кроме того, известны и следующие музыкальные инструменты и их части: вота – барабан; гема – колотушка или хлопушка, которая применяется на свадьбе вместо хлопанья в ладоши; пилиг – клавиша; мерз – струна из кишок или жил животных, конский волос; Ёларза – «кобылка», подставка под струны музыкального инструмента, а также пха – струна.

Распространены были среди чеченцев песни, напевы (религиозные и светские), пели нараспев, скороговоркой или речитативом. «Значительное место в народном искусстве занимали диалогические песни, – пишет Ю.А. Айдаев. – На празднестве кто-либо выходил из группы мужчин и начинал декламировать нараспев, другие хором повторяли за ним припев. Затем выходила женщина из женской группы и соответствующей песней отвечала ему. Остальные женщины поддерживали ее. Завязывалось состязание, кто кого переговорит и перетанцует. Каждая группа стремилась продемонстрировать высокую технику танца, мастерство исполнения песни, сказать более выразительные слова и т.д. Петь песню речитативом начинал мужчина».¹

Вот основная терминология, связанная с песнями и танцами чеченцев, которая свидетельствует об их духовной культуре: йиш – голос, интонация, песня, напев. Бытовали всевозможные мелодии, например: пелхьюо воккху йиш – мелодия для выступления акробата; говр хелха йоккху йиш – мелодия для танца лошади; баккхий нах хелх боху йиш – мелодия для танца стариков и старух; Ёлар социйтуш олу йиш – мелодия, приостанавливающая нагноение фурункула, чирия или другого нарыва, а также суйлий, хйирий, гуьржий йиш – дагестанская, осетинская, грузинская мелодия; узам – мелодия, напев; илли – эпическая песня; хелхар – танец, пляска; бохьбуоглар – па, танец на носках; а также назма – песня духовного содержания, стихотворение, ода; мукьам – му-

¹ Айдаев Ю.А. Указ. соч. С. 53.

зыкальный тон, мотив, мелодия; йир – песня, обычно не чеченская и др.

Без участия акробатов – пелхьюо – не проходил ни один праздник в селе, ни одно знаменательное событие. Акробаты пользовались в селе большой популярностью. Чтобы посмотреть их номера, люди часто приезжали по труднопроходимым дорогам из дальних мест.

Вот как описывает выступление акробата-горца царский офицер А. Зиссерман: «Парень лет 25, в своем обыкновенном костюме и в кошках (туфли с высокими железными каблуками), в которых трудно и по комнате пройти без особенной привычки, взбирается на канат, натянутый на высоте 2-3 сажен; у него на голове кувшин с водой, на нем – тарелка, на ней – стакан, на стакане – бутылка, на горлышко которой поставлено куриное яйцо; к ногам привязаны два обнаженных кинжала, не картонные, а настоящие, отточенные, острием вверх; глаза завязаны платком и в таком виде под звуки зурна и бубна он слегка подпрыгивает и делает телодвижения в такт без всякого шеста...»¹

Канатоходцев обычно сопровождали жухаргаш – клоуны, бозбуунча – фокусники, которые веселили и смешили присутствующих на свадьбах и праздниках.

ПОХОРОНЫ

На территории Чечни при раскопках археологи обычно обнаруживают три характерных вида захоронений: языческие, христианские и мусульманские. Нахские названия, связанные с захоронением, отражают эти особенности погребения.

Легенды и предания говорят о том, что предки чеченцев преклонного возраста при неурожае, эпидемических заболеваниях, чувствуя приближение смерти, уходили в солнечные могильники – маьлхан кешнаш, ложились на нары и ожидали смерти.

Чеченцы преклонного возраста оставляли вместе с муллами завещание – весет, где было сказано о разделе имущества, о затратах на свои похороны и т.д. Перед смертью (Южалла – смертный час) вызывали муллу или какого-либо сельчанина, умеющего читать отходную или предсмертную молитву – йеса. Во дворе умершего устанавливался день, оплакивая покойного – тезет. В

¹ Зиссерман А. 25 лет на Кавказе... С. 52.

этот день приходили родственники, знакомые, односельчане умершего выразить соболезнование – кадам.

Обряд похорон продолжается обычно три дня, но покойника обязательно хоронят в день смерти.

Покойника – дакъа¹ старательно купают на погребальных носилках – барам – с мылом, надев на руку шерстяную перчатку. Затем, обкладывая отдельные части тела ватой, заворачивают покойника в саван – марчо – и перевязывают его у макушки, в талии и у ступней тряпочкой или бечевкой.

После этого мужчины сразу уносят покойника на погребальных носилках на кладбище, прикрыв его буркой или ковром, женщины же, проводив покойника до околицы, с плачем возвращаются и продолжают оплакивать умершего. Обычно среди плачущих женщин находится плакальщица, которая умеет искусно плакать с причитаниями. Раньше плакальщиц специально приглашали, за что платили им деньги или давали подарки.

Все пришедшие женщины должны обязательно плакать, так как не поплакать считается у чеченцев неприличным. Мужчинам плакать на похоронах нельзя.

Здесь же, на похоронах, к сожалению, обсуждают и мирские дела, решают насущные проблемы, можно услышать даже сельские сплетни.

Когда похоронная процессия приходит на кладбище – кешнаш, там все готово: вырыта могила, подготовлены надмогильник, доски или саманные кирпичи и т.д.

На кладбище мулла читает отходную, затем покойника опускают в могилу и кладут в нишу, боковое углубление – лахьта. После этого, развязав бечевку у головы, обнажают лицо покойника и прикладывают его к сырой земле. Ниша закладывается специальным досками или отесанными в форме досок чурбаками или саманным кирпичом. Закладка эта называется упха. Для закладки в прошлом подбирались деревья, которые, находясь долго в земле, не гнили, например, граб, о чем и говорит этимология слова упха(у – «доска» + пха – «граб, чинара»). Затем могила засыпается землей и устанавливается надмогильный памятник – чурт, который делается из дерева, цельного камня, мрамора и т.д.

¹ Этимология слова «дакъа», по-видимому, связана с древним обычаем захоронения чеченцев в солнечных могильниках, когда трупы раскладывались на ярусах могильника, где они высыхали (ср. дакъо – «сушить»).

Мулла снова читает отходную молитву, на холмик льют из кумгана воду, которая, по народному поверью, должна попасть на уста покойника.

Родственники-мужчины умершего в знак траура не бреют бороды в течение определенного времени, а женщины ходят в черном одеянии.

Величайшим грехом у чеченцев по исламу считалось самоубийство. Самоубийцу не разрешали хоронить на сельском кладбище, считалось довольно большим грехом выражать соболезнование и участвовать в похоронах самоубийц, особенно грешно было покончить с собой через повешение – хорам.

Чеченцы несут большие расходы при похоронах. Нужно резать скотину, раздать по куску мяса односельчанам, накормить тех, кто пришел выразить соболезнование; большие расходы бывают и в день поминок (каше бовлуш – «выход к могиле») и т.д., что тяжелым бременем ложится на плечи малоимущих семей покойного.

Следует отметить постоянное желание чеченцев хоронить родственников в одном месте, на одних кладбищах. По поверьям чеченцев, все покойники тогда могут постоянно общаться между собой.

КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ

Наряду с этнографией речи, этнической лингвистикой, этносемиотикой, этнопсихолингвистикой, этнография (или культура) общения занимает особое место как специфически национальная коммуникация. Потребность в изучении культуры общения народов возникает с момента возникновения этнографии.

«Весьма устойчивыми, хотя, к сожалению, еще недостаточно изученными, являются этнические традиции в сфере различия обычаев повседневного поведения людей. За этими обычаями, как правило, стоят характерные для данного народа исторически сложившиеся нормы общения».¹

В культуре общения сохранился древнейший этикет чеченцев, требующий своего исследования. Что касается культуры общения чеченцев, то в исторических документах описаны лишь отдельные ее фрагменты.

¹ Бромлей Ю. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 335.

Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Думается, почему нам не нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно старо.

«Важнейший капитал нации – нравственные качества народа», – говорил Н.Г. Чернышевский.

Культура общения как этнографический аспект коммуникации соотносится с традиционно-бытовой культурой, которая, по словам Ю.В. Бромлея, соответствует народной культуре, куда компонентами входят материальная культура, обычаи, обряды, народное творчество¹.

Культура общения имеет национальную специфику. Например, русскому «здравствуйте» соответствует несколько специализированных приветствий у чеченцев: специализация по типу ситуации (приветствие гостя, путника, пахаря, косаря и т.п.): «Марша воГийла хьо!» – «Пусть будет с миром твой приход»; «Маьрша гЙойла хьо!» – «Иди свободным»; «Топ нийса кхетийла хья!» – «Пусть ружье твое метко стреляет!» и др.; по признаку возраста (приветствие старшего, старика, младшего, равного): «Хьо воГу, воккха стаг?» – «Ты идешь, взрослый человек?» (старик); «Хьо воГу?» – «Ты идешь?», «Салам Іалейкум!» – «Здравствуй!» (к мужчине) и т.д.

Чеченцы в послеприветственном обращении интересуются здоровьем, монголы – состоянием личного скота, американцы – делами, русские и немцы – здоровьем, благополучием.

Этническая специфика общения проявляется в эпитетах, сравнениях, метафорах, употребляемых в этих фразах.

У чеченцев все чистое сравнивается с солнцем («малх санна цІена» – «как солнце чистое»), у кабардинцев – с зеркалом, стеклом; красивая талия у чеченцев сравнивается с прутиком («цІулла сара санна» – «как прутик свидины»).

Еще интереснее стандарты невербальных общений: китайцы в знак удивления высовывают язык, чеченцы – «цокают» языком; болгары покачивают головой из стороны в сторону, что означает «да». В Ингушетии, например, раньше, если девушка посылала парню красный цветок, то это означало, что ухажива-

¹ Бромлей Ю.В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // Советская этнография. 1977. №1. С. 6.

ние она принимает и ее родители разрешили ей встречаться. Если же юноша посылал девушке ромашку, это означало просьбу – «Прими мое ухаживание»¹.

Определенное место в культуре общения занимали формы клятв, проксематического поведения, прикосновения, жесты, движения глаз, физическая дистанция и др.

У чеченцев действовало правило, по которому человек, дающий клятву, должен был к могиле предков прийти с корзиной на шее. Как и у многих других народов, у чеченцев исторически зафиксировано правило ходьбы, а именно: мужчина идет впереди, а женщина – позади; если же идут двое, то старший – по правую сторону, если же трое – то старший в середине, второй старший справа, младший – слева. Это, безусловно, связано с историей, когда в период работорговли, межплеменной войны мужчина, идя вооруженным по горной тропинке, должен был охранять женщин, детей, а младший, положив руку на кинжал, должен был идти всегда с краю.

Имел свою значимость и ритуал прикосновения: строго запрещалось касаться девушки или женщины, особенно во время танцев. Мужчина, во время танца задевший женщину, мог тут же поплатиться с жизнью, а парень или мужчина, прикоснувшийся рукой к оголенной части руки девушки, обязан был на ней жениться.

Особые смыслы имели жесты и моргания на посиделках, которые в обиходе называли «моргалками», где парень и девушка могли жестами и морганием объяснять довольно сложные понятия о любви, о супружеской жизни, о характере друг друга. Встречались люди, которые могли объяснить символику многих десятков жестов. Закрытые глаза и покачивание головой, например, означало для девушки сильную любовь; немного раскрытые глаза означали, что он готов «убить» соперника; подмаргивание правым и левым глазом означало: «Люблю только тебя и буду ухаживать сегодня только за тобой»; сведение носков сапог говорило о том, что будет танцевать только с ней; приложение руки к сердцу означало, что парень хочет на девушке жениться; а если пальцы растопыренные, то это означало, что девушка должна в предстоящем браке родить много сыновей и т.д.

¹ Подробнее об этом см.: Алироев И.Ю. Флора и фауна Чечни и Ингушетии. М.: Academia, 2001.

В культуру общения, на наш взгляд, входят и такие принципы этикета, как учтивость, благожелательность, скромность, сдержанность, уважение к старшим, культура приема пищи, поведения за столом и др.

Этикет поведения (гИллакх) существует и у чеченцев с давних времен.

Традиционно под понятием гИллакх (приличие, обходительность, вежливость, любезность, гИллакхе лела – вести себя прилично) чеченцы имели в виду культуру и этикет общения, поведения. «ГИллакх а гИуллакх (дело) долуш ву (йу) иза». – «И вежлив, и услужлив он (она)», говорят чеченцы, имея в виду культуру общения сородича.

Но в чеченском языке есть также прилагательное оьзда (обходительный, учтивый, воспитанный от оьзда – «уздень»)¹.

Понятие это выступает и в роли существительного оьздангалла – вежливость, обходительность, учтивость, воспитанность.

В большинстве случаев понятие оьзда употребляется в значении «воспитанный», «аристократический». О воспитанном чеченце говорят: «оьзда стаг ву иза» – «воспитанный он человек».

Нужно отметить, что этнографический термин «гИллакх» исконно чеченского происхождения. Близок к понятиям «гИллакх» и «оьздангалла» обобщенный этнографический термин «нохчалла» (чеченство), который вбирает в себя все компоненты культуры общения, присущие именно чеченцам.

Общеизвестна роль различных жанров устного народного творчества (пословицы и поговорки, предания, песни, притчи), нацеленных на организацию и реализацию культуры и этикета общения. В них кратко, в образной форме излагаются часто основы этикета.

Много у чеченцев и этикетных преданий, отражающих культуру общения.

Рассказывают, что идущего сдаваться в плен Шамиля несколько раз окликнул его верный мюрид чеченец Байсангур Беноевский, но Шамиль не обернулся. И когда уже в Калуге у Шамиля спросили, почему он не обернулся на окрик Байсангура, он ответил, тогда его застрелили бы. «Чеченцы не стреляют в спи-

¹ «Уздень» – тюркское слово «свободный крестьянин, общинник». На Северном Кавказе с XVI века под узденями русские понимали служивое феодальное сословие, которое сравнивалось с дворянами.

ну», – сказал Шамиль.

Рассказывают также, что чеченец-убийца бежал в Аравию от преследователей-кровников. И когда жена заговорила с ним, сказав, что тут его кровники не настигнут, он ответил: «Жена, у меня достойные и мужественные кровники, они могут меня и тут настигнуть». Услышав это, говорят, кровомстителю, стоявшие у его двери и намеревавшиеся убить кровника, смутились и оставили свою затею до следующего более удобного в этическом плане случая.

Как-то, говорят, пришел посмотреть девушку засидевшийся в парнях чеченец. В кунацкой он попросил огня у девушки, которая, взяв горящий уголек щипцами, попыталась дать ему прикурить, но уголек выпал из щипцов. Тогда шустрая девушка схватила оголенными пальцами горящий уголек и преподнесла его гостю, который нарочно долго прикуривал, испытывая девушку. Она продержала уголек, пока он не прикурил, несмотря на то, что сильно обожгла пальцы.

Рассказывают, восхищенный ее выдержкой, парень через три дня послал к родителям девушки сватов.

Транслировались культуры общения и этикет поведения разными путями. Трансляторами часто выступали бабушки и дедушки, родители, или же при встрече и потчивании гостей сыновья хозяина. Они обслуживали гостей, стоя у дверей и внимательно слушая их беседы, часто касающиеся доблести народа, мужества предков. Слушающие обычно брали из исторических фактов «огонь, но не пепел».

ЭТИКА БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Известно, что многочисленные формы бытовой культуры развиваются под влиянием социально-экономических условий.

Генетические истоки традиционно чеченского этикета уходят своими корнями в общинно-родовой строй, затем он пополняется заимствованиями из общения с окружающими народами, имевшими князей и военно-феодалную знать.

Народ воспринимал его, перерабатывал, приспособлял к своим специфико-национальным условиям. Почти с первых веков нашей эры история повествует о многочисленных завоевателях-степняках, загонявших поселившихся на равнинах предков че-

ченцев снова в горы.

Отсюда специфическая жизнь, постоянная готовность к защите, строительство боевых башен, специальные племена, квалифицирующиеся на изготовлении оружия и боевых башен.

Узнав о приближении врага, в селе или поселении раздавался древний клич: «Орцахдовла! МостагИий боГлу» – «Помогите! Враги идут!» Само же историческое восклицание «Орцах вала//довла!» буквально означает «Иди(те) за хребет!» (по-видимому, связано с удалением поселенцев на гору). Все, кто способен был носить оружие, без промедления собирались на площади, чтобы встретить врага.

Уже в Средние века, после очередного заселения чеченцами плоскости, ими совершаются набеги на соседних феодалов, а позже вооруженные набеги совершаются вплоть до Волги и Дона. Иногда эти отряды доходили до местностей в регионе современного Ростова-на-Дону и привозили богатую добычу (фонс – военная добыча).

У чеченцев издревле ценилось выше всего оружие, на нем клялись, оно являлось постоянной принадлежностью мужчины и предметом его гордости; чтобы в бою не отдать оружие, порой чеченец шел даже на смерть. Обезоруживание чеченца или оставление противнику своего оружия, даже одного из его компонентов, считалось большим позором.

С детства чеченца приучали к оружию, к меткой стрельбе из лука, арбалета, ружья. Дети часто устраивали игру-соревнование в скачке, в стрельбе на скаку, в стрельбе на меткость.

А. Зиссерман вспоминает случай, когда в честь его приезда горцы устроили соревнование в меткости стрельбы. В монету, поставленную в нескольких шагах, стреляли взрослые, но не попадали: тогда один горец передал ружье подростку, который с первого выстрела попал в цель¹.

Вооруженные экспедиции на Север заканчивались иногда трагически, плачевно, вместо фонца – добыча – привозили домой трупы, ибо оставлять труп на чужбине считалось большим грехом.

В период возвращения чеченцев на Родину из Казахстана и Киргизии иногда везли с собой останки своих родителей. В одной

¹ Подробнее об этом см.: Зиссерман А. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879.

чеченской песне поется о том, что чеченец, вместо вещей, везет останки своей матери, чтоб предать их земле на Родине.

На похоронах по покойнику, который погиб на чужбине («ГІазотехь велла» – «смерть за газават» (веру) плакать запрещалось, а мужчины-чеченцы вообще на похоронах не плачут, плач устраивают только женщины.

МУЖСКОЙ ЭТИКЕТ

Мужские нормы поведения чеченцев были широко известны на Кавказе – это немногословие («Хабаршца до буьзна бац» – «Разговорами сапетку не заполнишь», «Багахь дина хІоаш кхарза мегаш дац» – «Из яиц, снесенных на языке (то есть во рту), яичницу не изжаришь»); боязнь проговориться («Хаац, дац – цхьа дош, хиира, дайра – эзар дош» – «Не знаю, нет – одно слово, знаю, увидел – тысячи слов»); «Шина балдал арадаллалц хьан лай ду дош, арадели – хьо цуьнан лай ву» – «Пока слово не слетит с уст – оно твое, раз слетит – ты его раб»), неспешность («Сиха дахна хи хІурдах ца кхетта» – «Быстрая речушка до моря не дошла»); сдержанность в оценке детей, жены («Нанас хастийна йоІ мехала ца ялла» – «Матерью хваленная дочь обесценилась»); отстранение жены от мужских дел и обязанностей («НІаьнах Іаха йоьлла котам яьтІа» – «Курица, начавшая петть по-петушину, лопнула»); осторожность в высказываниях и оценке людей («Туьран чевнна мо бина, меттан чевнна мо бина бац» – «От ранения шашкой остался шрам, а от ранения языком – рубца не осталось»); выдержанность, простота в поведении, отсутствие зазнайства («Сихалла – сонталла, собар – кхетам» – «Несдержанность – глупость, терпение – воспитанность»); спокойное, должное поведение дома («Чохь майралла – арахь стешхалла» – «Дома – героизм, на улице – трусость» или: «Молодец против овец, а перед молодцом – сам овца»); мужество («Котам а хилла вехачул, нІаьна а хилла велча тоьлу» – «Чем жить курицей, лучше умереть петухом», – говорили чеченцы. Но мужество ценилось разумное, без драк и ссор, ибо в случае смерти противника на весь род падает кровная месть или месть вообще, потому чеченцы говорят: «Дов – шархудар дац» – «Вражда – не каша с пахтаньем»).

Особенно сдержанно вел себя мужчина в доме: он за трапезу садился один, не улыбался жене, не брал ребенка на руки при

посторонних.

Мужской этикет чеченцев иногда становился народной легендой. В годы Кавказской войны был у Шамиля в селе Шали верный и опытный мюрид – наиб Талхиг. После каждой битвы с царскими войсками обходил он все похороны сельчан, выражая соболезнования своим воинам-односельчанам, но у самого у него, говорят, долго не было сына. И вот к сорока годам у него появился сын, который в пятнадцать лет стал участвовать в битвах. В одной из таких стычек он был убит. На следующее утро Талхиг объявляет похороны (тезет) и говорит, обращаясь к жене: «Жена, двадцать лет я ходил к своим односельчанам на похороны их детей, не имея от себя ни одного бойца, сегодня я такой же горемыка, потерявший сына, как многие мои односельчане. И поэтому я горд сегодня, что смог за эти долгие годы разделить с ними эту горькую участь. Крепись, жена, общее горе легче перенести, нежели частное». И стоял, говорят, смелый наиб три дня, принимая соболезнования от односельчан по поводу гибели своего единственного сына...

В Чечне возникает культ мужчины-героя Къонах («къо» – «сын» + «нах» – «народ», то есть «сын народа», истинный мужчина), – так говорят чеченцы о храбром, благородном, мужественном человеке. Он выступает в чеченской народной поэзии борцом за правду и справедливость, проявляя храбрость и отвагу в боях с неприятелем и чужеземцами.

Храбрость и бесстрашие превозносились превыше всего, об отважных сынах народа слагали легенды, они стали героями эпических песен чеченцев. Чеченский этический кодекс чести “Къонахалла” подробно описывает правила поведения для любого мужчины и черты характера, которые должны быть свойственны настоящему къонаху. Ниже мы приводим основные принципы этического кодекса чести:

1. Къонах – человек, твёрдо следующий основным принципам кодекса чести “Къонахалла”.

2. Главной целью и смыслом жизни къонаха является служение своему народу (къам), своему Отечеству (Даймохк). Интересы народа и Отечества для него всегда выше интересов своего тайпа, рода, фамилии.

3. Высшим проявлением служения къонаха является защита Отечества от нашествия врага. Смерть в справедливой войне или

при защите своей чести и достоинства предпочтительна для кьонаха, чем жизнь в бесчестии и позоре.

4. В служении Отечеству кьонах имеет право заниматься любым видом деятельности, кроме тех, которые могут заставить его поступиться принципами кодекса чести или уронить личное достоинство.

5. Созидательный труд не только не унижает, а, наоборот, возвышает достоинство кьонаха. Труд во благо Отечества в мирное время является таким же долгом, как и защита своей страны во время войны.

6. Если кьонах служит в силу обстоятельств интересам одного человека или группы людей, то в случае, когда они приходят в противоречия с интересами народа, он должен встать на защиту интересов народа. И для того, чтобы не стать клятвопреступником, он не должен присягать никому, кроме Отечества.

7. Кьонах должен быть готов к смерти каждое мгновение, ибо нет ничего вечного в этом мире. Он должен помнить о том, что для него есть понятия, которые дороже жизни: Отечество, личное достоинство и честь. Но кьонах не должен стремиться к смерти и без необходимости испытывать судьбу, так как жизнь есть высший дар Всевышнего человеку.

8. Главным качеством кьонаха является выдержка. В ней проявляются истинное мужество и умение управлять собой и ситуацией. Бездумная храбрость – это мужество с закрытыми глазами, она прощительна юнцу, не знающему цены ни своей, ни чужой жизни. Выдержка кьонаха – это умение знающего, осознанный шаг навстречу смерти, если иное противоречит интересам Отечества, несовместимо с кодексом чести или личным достоинством.

9. Кьонах должен быть скромным в жизни, в быту, в общественных делах. Ум, мужество, деяния кьонаха должны оценить, прежде всего окружающие. Но даже субъективность этой оценки не даёт ему повода восхвалять себя самого.

10. Кьонах всегда отвечает за свои слова и поступки. Он всегда выполняет данное им другим людям слово и никогда, даже ценой собственной жизни, не нарушает данной им клятвы.

11. Главным богатством кьонаха являются его честь и личное достоинство. Все иные блага этого мира можно обрести вновь, однажды утратив, но утраченная честь обретается вновь

лишь через достойную смерть.

12. Къонаху не противопоказано накопление богатства. Накопленное праведным путём богатство къонаха может послужить не только его интересам, но и интересам его народа и Отечества. Жадность и скупость могут сделать бесполезными лучшие качества любого человека, так же, как и расточительность – разорить самого богатого человека. Щедрость же приумножает не только славу къонаха, но и его благосостояние.

13. Къонах не должен посягать на личное достоинство и честь других людей так же, как и на чужую собственность. При этом он должен быть снисходительным к слабостям и ошибкам других людей, но требовательным к самому себе.

14. Къонах обязан бережно хранить лучшие традиции своей фамилии, помнить своих предков, уважительно относиться к их прошлому и к истории своего народа.

15. Къонах должен постоянно оттачивать свой ум, постигать мудрость и опыт мудрейших, изучать науки, дающие ключ к познанию мира, так как только через знания можно прийти к истинной вере и постижению справедливости.

16. Истинная вера и справедливость являются высшей духовной целью къонаха. В религиозных делах къонах руководствуется постулатом ислама: “Нет принуждения в религии”. Он терпимо относится к представителям других религий, не навязывает силой и принуждением им своих взглядов или образа жизни.

17. Къонах должен быть скромным в религиозных делах. Он никогда не подчёркивает своей религиозности, не подменяет истинной веры внешней формой.

18. Справедливость – единственная мера в отношении къонаха к окружающему миру и людям. Он должен быть справедливым по отношению к другим людям так же, как и по отношению к себе.

19. Благодарность так же является чертой благородного человека. Сделанное ему добро къонах должен возмещать многократно. Сам же он не ждёт благодарности за содеянное добро.

20. В общении с людьми къонах должен быть предельно вежливым, сдержанным и скромным, независимо от их социального статуса или возраста.

21. Къонах с уважением и почтением относится к женщине. Он никогда, ни при каких обстоятельствах, не позволит оскор-

бить и унижить её, ни себе, ни другим. Честь и достоинство женщины для кьонаха священны.

22. Кьонах должен уметь не только отстаивать свою правоту словом и делом, но и выслушать противоположную сторону, согласиться с её мнением, если она права. Уступить в ссоре или споре более слабому противнику является не трусостью, а проявлением благородства.

23. Кьонах должен быть милосердным к слабым и немощным. Он должен относиться с состраданием не только к людям, но и к животным, которые не имеют разума и не могут оградить себя от человеческой жестокости.

24. Кьонах с состраданием относится ко всему живому, никогда без необходимости не срубит дерева, не причинит вреда ни одному живому существу.

25. Кьонах должен мужественно переносить все тяготы жизни, выпавшие на его долю, в том числе и физические страдания.

26. Кьонах должен достойно вести себя и в веселье, и в печали. В любой ситуации он должен проявлять выдержку и спокойствие.

27. Жизнь кьонаха должна быть образцом высокой нравственности, мудрости и мужества для юного поколения. Передача более молодым своего жизненного и ратного опыта является нравственным долгом кьонаха.

28. Кьонах должен уважать и почитать своих родителей, заботиться о них, обеспечивать их старость.

29. В своей семье кьонах должен быть таким же справедливым, как и в обществе. И в наказании, и в поощрении он должен быть равным и сдержанным. Он не должен опускаться до оскорбления или физического наказания членов семьи. Если женщина совершила такой поступок, за который её можно ударить, то ей нужно дать развод.

30. В дружбе кьонах должен быть верным и преданным. Защищая своего друга, кьонах не должен щадить своей жизни. Кьонах познаётся в дружбе и во вражде.

31. Кьонах проявляет по отношению к врагу такое же благородство, как и по отношению к остальным людям.

32. Кьонах не должен применять оружие против безоружного врага. Тяжело раненому врагу он обязан оказать посильную

помощь так же, как сделал бы это для любого человека.

33. Къонах должен по возможности избегать поединка с более слабым противником, так как любой исход такого боя не прибавит ему славы, но может уронить его имя. Если же поединок неизбежен, то он должен дать противнику возможность выбрать оружие и быть снисходительным к нему.

34. Къонах не должен уклоняться от боя с сильным противником. Но он должен всегда предпочитать мир войне, если такое возможно без ущерба интересам народа, его чести и личному достоинству.

35. Закон гостеприимства для къонаха священ. Къонах, не сумевший защитить своего гостя, обречён на позор и презрение. Поэтому жизнь и свобода гостя для него дороже собственной жизни, но он не несёт ответственности за гостя, совершившего преступление.

36. При посещении чужих стран и народов къонах должен уважать их законы и традиции, так как в этом случае он представляет не только себя, но и свой народ.

37. Къонах в течение всей жизни должен заниматься совершенствованием своего духа и тела для того, чтобы служить своему народу с максимальной пользой.

38. Къонах должен регулярно заниматься упражнениями, закаляющими его тело, упражняться с различными видами оружия, чтобы в случае необходимости достойно защитить Отечество и свою честь.

39. Къонах с уважением относится к своему оружию, чтит его, не обращается к нему без необходимости, никогда не применяет его ради наживы или несправедного дела.

40. Смерть къонаха должна быть такой же достойной, как и его жизнь.

ЭТИКА ВОСПИТАНИЯ

Среди исследователей чеченской истории распространено мнение об отсутствии у чеченцев специфического абхазско-адыгского обычая аталычества (тюрк. «атапык» – «отцовство» – обычай отдавать детей феодалов, князей, знатных родителей на воспитание вассалам или слугам до 12-15 лет у народов Кавказа, кельтов, арабов, персов и др.).

Однако еще А.С. Пушкин в поэме «Тазит» говорит о факте аталычества у чеченцев.

....Прошло тому тринадцать лет,
Как ты в аул чужой пришел,
Вручил мне слабого младенца,
Чтоб воспитаньем из него
Я сделал храброго чеченца....

Чеченцы сохранили систему аталычества вплоть до второй половины XIX века, когда были известны случаи передачи детей на воспитание более опытному человеку, хорошо умеющему обращаться с конем и оружием. У каждого наставника воспитывались несколько человек.

«...Широко была развита сеть народных школ по физическому и военному обучению молодежи в селах и аулах. В дореволюционное время некоторые обучали у себя дома крестьянских детей физическим и военным упражнениям.

Помимо овладения верховой ездой и владения оружием, детей учили стрелять, пользоваться лыжами и совершать многодневные походы, играть во всевозможные игры с мячом. Один из старейшин рассказывал, что его отец ходил с многими крестьянскими детьми в горы и не брал с собой продуктов питания, а брал войлочные шары для игр и щиты для фехтования. Скачка и рубка лозы, джигитовка и стрельба из лука или огнестрельного оружия, борьба и танцы, лазание по деревьям и скалам, плавание и переправа с одеждой, с оружием через реку, игра в шар (в мяч), фехтование, бег и прыжки, метание камня и поднятие тяжести, маскировка и внезапность нападения – всему учил воспитатель подростков»,¹ – пишет А.И. Краснов

Военная подготовка с детства давала чеченцам возможность иметь достойных воинов. Многие исследователи отмечают хорошую военную подготовку чеченцев – от костюма и оружия до коня.

Все было связано с войной, боевыми набегами, а особенно в Кавказскую войну – с постоянными разорениями сел и насильственными переселениями. Даже детская люлька была экипирована так, что ее можно было хватать на скаку, приторачивать к седлу. Стоило начать запрягать в арбу лошадь, вспоминали ста-

¹ Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963. С. 31.

рики, как почти вся дворовая живность начинала прыгать в арбу: куры и кошки, индюки и ягнята, а домашний скот покорно приближался для привязывания к возу.

Древние китайцы говорили: «Чтобы познать человека, нужно дать ему власть», у чеченцев же говорили: «Чтобы познать мужчину, нужно его проверить в деле, во власти и удаче».

Чеченцы основательно умели готовиться к походам и набегам. Одежда в зимнее время состояла из бурки, горской шапки из бараньей шкуры, полушубка, обуви из сыромятной кожи и утепленных ноговиц с шерстяными носками.

Была продумана и походная пища – это, прежде всего, толокно (цу), изготовленное из прожаренного проса, ячменя, кукурузы, которое можно было быстро превратить в походный хлеб, смешав муку с солью, маслом, а если необходимо – и с медом; брали с собой и сушеное мясо, и колбасу.

Многолетняя привычка к военным походам помогла так приспособить одежду, обувь и оружие чеченцев, что при продвижении они никогда не являлись помехой.

Сама войсковая терминология, названия оружия, наличие специальных тайпов или каст в древности, о которых мы уже говорили выше, доказывает готовность чеченцев защитить свою Родину и свободу.

Интересна в этом смысле отдельная терминология названия войн, воинов исконно чеченского происхождения: *ТIом* – «война», *сур* – «войско» более древнее название, сохранившееся в топонимике *Суьр-Корта* – букв. «военная голова» (то есть гора), в выражении «*берийн сур*» – «детское войско», отсюда и *сурхо* – «воин», ставшее сегодня популярным у чеченцев именем «*Сурхо*».

ЭТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЛИКА

Об этике человеческого облика много говорится в чеченском фольклоре. О культуре пищи, одежды, поведения горцев сказано немало в чеченских песнях «*Илли*» (сказаниях). Так, в песне «*Князь Монца и Вдовый сын*» преследуемый князем Вдовый сын представлен бедным и беззащитным, но собираясь в поход, он снаряжается и одевается лучше самого князя.

Как известно, в понятие чеченского идеала мужской внеш-

ности входили высокий рост (лекха дегI), широкие плечи (шуйра белаш), широкая грудь (шуйра некса ваз), тонкая талия (юткья гюдаюкь), худощавость (векья), аккуратные небольшие стопы и тонкоикряные высокие ноги, белый цвет кожи, прямой нос, широкие брови, прямые, не крупные зубы, маленькие рот и уши, полная белая шея, прямая спешащая походка: «Цуьнан боларе хьяьжча хаьа иза муха ву!» – «По его походке можно узнать, каков он», – говорят чеченцы.

Важное значение для чеченцев имели бороды и усы (маж-мекх). Безбородый (куьса) презирался, бородой клялись. Есть такая оригинальная поговорка у вайнахов, связанная с бородой и самой страшной крайностью: «Лаца ма лаца де маж, лаьцчча дIа ма хеца!» – «Не хватай отца за бороду, но уж если схватил, не отпускай».

В старину, до принятия мусульманства, чеченцы брили голову, оставляя сначала на макушке, а позже – на затылке, клок волос. Вспомните у М.Ю. Лермонтова в стихотворении «Дары Терека»: «...по затылку чуб заветный вьется черною космой». Впоследствии, с принятием мусульманства, пучок волос оставляли при бритье головы у мальчиков, якобы против сглаза.

Три ответственных нагрузки, говорят чеченцы, берет на себя мужчина, отпустивший усы: ему в горе нельзя плакать, даже всплакнуть; ему в радости нельзя хохотать, можно только скромно улыбаться, не показывая зубов; ему нельзя от страха или же в случае смертельной угрозы убежать. Если все это случится, падает позор не только на него, но и на его семью, родственников и, наконец, на все село.

Усатый мужчина должен быть сдержан, не суетлив, мало-разговорчив, не вступать в спор или ругань с женщинами и особенно скромно вести себя на мельнице или на базаре, где собирается много сельчан.

Не случайно у чеченцев герои народных пьес и драм наречены именами с компонентом «усач», например, Мекхаш-Мирза, Мекхаш-МаIда, а нежная красивая трава ковыль в чеченском языке названа Солси Мекхаш – «усы Нарта Солсы».

Не случайно в чеченском языке слово «усы», как и в русском, употребляется в единственном (мекх – ус) и во множественном числах (мекхаш – усы).

Вся одежда чеченца должны быть пригнана к телу, ремень

же затягивается туго, чтобы нельзя было протиснуть пальцы.

Чеченцы не любили полных и пузатых мужчин, называя их по имени с прибавлением компонента «брюхо»: Тингар-Ахьмад – «Брюхо-Ахмад», Гей-Ваха – «Пузо-Ваха».

К признакам внешней женской красоты чеченцы относили средний рост, стройность, белую тонкую шею, среднюю грудь, тонкую талию (чтобы под лежащей на боку девушкой можно было просунуть кулак), маленькие ножки, изящные руки, густые ресницы, большие черные глаза (хIуьрлаIан бIаьргаш – «глаза гурри, райской девы»), утиную плавную походку.

П.К. Услар – первый исследователь чеченского языка – был удивлен сравнением походки чеченской девушки с утиной. Но чеченцы понимают под этим плавную, грациозную походку.

«...Чеченские женщины очень трудолюбивы: на них лежат все хозяйственные заботы. Они же ткут сукна для домашнего обихода, делают ковры, войлоки, бурки, на мужчин шьют платья и обувь»¹, – писал А.П. Берже.

Всю одежду, как мы уже говорили, делали женщины в основном из местных материалов, среди которых встречались искусные мастерицы. Одежду и обувь берегли, идя в гости в соседнюю деревню, шли босиком, боясь преждевременного изнашивания единственной пары обуви, которую надевали, лишь дойдя до цели.

В Чечне издревле существовал культ головного убора как женского, так и мужского. Чеченец, например, охранявший какой-либо объект, мог оставить шапку и уйти домой пообедать, никто не трогал его шапку, ибо понимал, что будет иметь дело с хозяином. Снять с кого-либо шапку означало смертельную ссору; если горец снимал шапку и ударял ею о землю – это означало, что он готов идти на все; женщина, бросившая свой платок (особенно пожилая) между насмерть схватившимися мужчинами, могла сразу же остановить их, предотвратить смертный исход схватки. Самым большим, смертным позором считалось снятие брюк с чеченцев – такая обида могла быть искуплена часто только смертью обидчика.

Символом чести, достоинства или «культы» мужчин была шапка. Если человек снял шапку и попросил что-нибудь, счита-

¹ Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 88.

лось неприличным отказать ему в просьбе, но зато обращавшийся таким образом пользовался в народе нехорошей славой. «Кера куй биттина хила церан иза» – «Им это досталось в руки битьем шапки», – говорили о таких.

Сказанное о «культе» мужского головного убора дает возможность поразмыслить и над «культом» женского головного убора – «кортли». «Если при поединке или групповой стычке прибежавшая женщина со снятым с головы «кортли» воскликнет, призывая остановиться, поднятое для нанесения удара холодное оружие должно быть уложено в ножны, а наведенное огнестрельное оружие опущено. Женщина имела право остановить мужчину, собирающегося совершить недозволенный поступок, попросив об этом со снятым кортли»¹.

«...Калым и подарок жениха составляют неотъемлемую собственность замужней женщины, – писал А.П. Берже. – Во всем остальном она подчинена мужу, как своему законному и полновластному господину. Она должна работать на него и оказывать ему раболепное уважение; жена не садится (в присутствии посторонних – авт.) при муже и не ест вместе с ним. Но, несмотря на это, женщина пользуется однако некоторыми правами, будучи ограждена обычаем от чрезмерного самовластия мужчины. Так, муж ни в коем случае не может посягнуть на жизнь своей жены, даже тогда, когда он убеждается в ее неверности; ему представлено обычаем лишь право прогнать ее от себя или в наказание изуродовать ее, отрезав ей нос или ухо».²

Ряд традиций ушло и уходит в прошлое. Еще царский историк Н. Дубровин отмечал: «После третьего развода с женою муж может взять опять к себе в дом прогнанную жену, но для этого необходимо, чтобы женщина вступила с другим в новый брак, который, впрочем, допускается не ранее, как через три месяца, и получила второй развод... По Корану, брак трижды расторгнутый не может быть восстановлен до тех пор, пока женщина не разделит законным образом свое ложе с посторонним человеком».³

¹ Саидов И.М. Этнографические заметки // Известия ЧИНИИИЯЛ. История. Грозный, 1964. Т. V. Вып. 1. С. 127.

² Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 99.

³ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. 1-3. СПб., 1871. С. 436.

ЭТИКЕТ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

Особенно традиционна и интересна с точки зрения этикета свадьба чеченцев. «Чеченская свадьба, как и другие народные обряды, выступала в своем синкретическом единстве, то есть пение, танец, музыка, пантомима и слово, вместе взятые, создали цельное зрелище. В таких чеченских свадебных представлениях, как «Замой» (участники свадебного поезда), «Говраш хахкар» (скачки), «Нускал цIадаладар» (ввод невесты в дом), «Нус гучяккхар» (знакомство с невестой), «Нускал хитIедаккхар» (вывод невесты к реке), «НевцалIа вахар» (посещение зятем родителей невесты) и других очень проявляются основные особенности чеченского народного театра, выражающиеся в массовости творческих, своеобразии и многокрасочности национальной формы, широте и глубине народной фантазии.

И вообще игровой момент – представление, изображение в лицах – очень развит в обрядах чеченской свадьбы. Об этом свидетельствует и само чеченское слово ловзар – свадьба, что в переводе на русский язык означает «игра», «игрище»,¹ – пишет Ю.А. Айдаев.

«У чеченцев существует странный обычай, – пишет А.П. Берже. – Молодой человек сговаривается с несколькими своими приятелями похитить девушку и привезти ее в свой дом. Для этого они выбирают удобный случай, нападают на нее все вдруг и, несмотря на все сопротивления с ее стороны, увозят ее в дом возлюбленного»². Умыкание девушек у чеченцев в последние годы редко встречается. Обычно парень после нескольких встреч с девушкой делает ей предложение, а она, если согласна, назначает время выхода замуж (хан йиллар – «назначить время») и дает ему в знак обязательного исполнения своего обещания кольцо или другую какую-нибудь вещь, то есть происходит ритуал кара хIума йалар – букв. «дать что-либо в руки».

В назначенный час жених с друзьями приходит к месту встречи (билгальяккхинчу меттиге – «место выхода девушки») и увозит или уводит девушку, и это уже считается марие яхар – «выход замуж» или зуда ялар – «жениться». Приводят ее в дом

¹ Айдаев Ю.А. Народные истоки чечено-ингушской драмы // Известия ЧИНИИИЯЛ. Литературоведение. Грозный, 1968. Т. 5. Вып. 3. С. 55.

² Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 98.

друга, зятя или родственника жениха (зуда йоссор – «пребывание невесты») до оформления некоторых формальностей: стаг вахий-тар – «послать человека, чтобы сообщить родственникам невесты о добровольном выходе замуж их дочери»; там бар – «примирение, выдача выкупа родственникам невесты»; нускал кечдар – «подготовка невесты к свадьбе», то есть родители присылают ей одежду, шьют и покупают все, что ей нужно. Это продолжается неделю, а иногда и дольше, все это время готовятся к свадьбе (ловзар). В этот вечер совершается регистрация брака – махьар, в которой участвуют доверенный отца (брата, дяди) невесты и жених. Обычно представителем от родственников жены бывает мулла, который от имени отца (а в случае его отсутствия брата, дяди) дает согласие на вступление в брак дочери (сестры, племянницы).

В день свадьбы за невестой отправляются поезжане – замуой, в числе их друзья жениха (невцан накъост – шафер).

По дороге к невесте и назад свадебный кортеж веселится, играет гармошка, при возвращении стреляют из ружей, а раньше джигиты показывали свое искусство в стрельбе, фехтовании и джигитовке.

При выезде свадебного поезда родственники или односельчане невесты могут задержать поезд буркой или перетянутой через улицу веревкой и взять выкуп. Выкуп берется при выводе невесты из ее родительского дома (неI лацар – «держат дверь»).

Привозят невесту – нускал в дом жениха и помещают ее, одетую в свадебный костюм, на почетное место в комнате, обычно в противоположном углу от входа, у окна – под специальную свадебную занавеску – кирхья.

Затем невесте дают ребенка (обычно сына-первенца) почетных родственников с пожеланием, чтобы у невесты были только сыновья. Поласкав мальчика, невеста дает ему какой-либо подарок или деньги.

При вводе невестки в дом у порога кладут веник с истангом (войлочный ковер), которые невеста должна убрать аккуратно с дороги и положить на это место деньги. По мнению чеченцев, если невеста глупа, она перешагнет через них, а если умна, то уберет с дороги. Раньше же к ногам невесты бросали и бурку.

После этих церемоний начинается свадьба, приходят родственники и односельчане, также приходят на свадьбу все жела-

ющие.

Распорядителем и тамадой на свадьбе бывает избранный инарла. Свадьба сопровождается танцами, приглашаются гармонисты, бубнисты или играющие на зурне (пондарча, вотанча, зурманча).

Раньше на свадьбах присутствующих веселили клоуны – жухаргаш, они надевали маски – туьтмIаьжиг.

На свадьбу приходят и приезжают с подарками: раньше женщины приносили, как правило, отрезы материи, коврики, кур, сладости, иногда деньги, мужчины – деньги или баранов. Теперь в основном дают только деньги. Причем мужчины часто передают свой подарок непосредственно невесте при свадебном обряде – мотт баститар («развязать язык»), который заключается в следующем: к пришедшим на свадьбу гостям, после того как они поели, выводят невесту, у которой они просят воды с таким намерением, чтобы она с ними заговорила, пожелав выпить воду на здоровье. При этом с невестой шутят, высказывая ей отрицательные или положительные комплименты о ее внешности, характере, о ее женихе. Наконец, она произносит одну-две фразы (ибо многословие – признак глупости и нескромности), то есть предлагает попить воду за здоровье. Присутствующие благодарят ее и желают ей всего наилучшего, счастья будущей семье, детям, родственникам.

Существует ритуал зуда гучуякхар – «показать невесту», когда распорядитель свадьбы (инарла), сев за стол вместе со своими помощниками, объявляет сбор средств молодоженам, называя имена присутствующих, которые привезли подарки или деньги.

По истечении трех дней невесту ведут к воде (зуда хитIеяккхар), иногда в сопровождении музыки, пляски, стрельбы (раньше это делали постоянно и обязательно), бросают в воду кусок хлеба или чIепалг – лепешку с начинкой, стреляют в нее, после чего невеста, набрав воду, возвращается домой. Этот обряд имеет давние корни: невеста ежедневно должна ходить по воду; на новом месте ее мог подстергать водяной, который мог затянуть в омут. Чтобы «обезопасить» невесту, участники свадьбы для приманки водяного бросают хлеб в воду или лепешку, а затем и «убивают» водяного.

На следующее утро невеста становится молодой хозяйкой дома. Во время свадьбы и церемонии вывода невесты к воде же-

них отсутствует, часто проводит это время с друзьями в веселье.

Через месяц, а иногда и раньше невестка отправляется домой (децIа яхар) с подарками для своих родителей и родственников в сопровождении близкой родственницы жениха (захалоу), которая преподносит подарок – приношение родителям (дзагIа). Сопровождающая невестку женщина сразу же возвращается с подаренным ей обычно отрезом ткани или ковром. Дома она готовит постельные принадлежности и другое приданое, затем возвращается к мужу с подарками для свекрови, деверя и золовок. Для свекра, как правило, она привозит из дома постель (мотт-гIайба), а для остальных – подарки в зависимости от возможностей невесты.

Свадьбы у чеченцев, как правило, игрались после сбора урожая или до начала посевной кампании.

КУЛЬТ КОНЯ

Как известно, культ коня существовал на Кавказе с эпохи поздней бронзы (XIII век до н.э.), то есть еще до скифов и сарматов. У абхазов, например, имело место обожествление коня, ему приносили бескровные жертвы.

По мнению исследователей, задолго до знакомства предков чеченцев с культурой скифов и сарматов у них существовал культ коня и, по-видимому, имело место и его обожествление. О наличии погребения лошади с человеком в предскифское время говорит обнаруженное в Чечне захоронение IX-VIII веков до н.э. (зандакский могильник).

Еще с древних времен жители Северного Кавказа, в том числе предки чеченцев, занимались коневодством, а позднее они, по-видимому, заимствовали у сарматов, так же как и римляне, селекцию коней. Можно предположить, что на Северном Кавказе существовало несколько пород лошадей, подвергшихся селекции. Знание и опыт сарматов в коневодстве были широко известны. Кони, считавшиеся непригодными к воспроизводству, подвергались кастрации, таким образом из потомства выбраковывались второсортные экземпляры.

О древности коня у чеченцев говорит и адекватность названия коня (говр) в чеченском и урартском языках. Издревле чеченцы придавали большое значение коню. Вспомнить хотя бы о

том, как относился Казбич к своему коню «Карагез» в повести М.Ю. Лермонтова «Бэла».

В чеченских сказках конь умеет говорить. В эпической песне «Князь Монца и Вдовый сын» побежденный герой обращается за помощью к коню. Особенно идеализируется конь в эпических песнях чеченцев.

Своеобразны были и правила спешивания, посадки на коня гостей, передвижения на конях. С детства приучали мальчиков ритуалу посадки на коня гостя и его спешивания. Обычно при приеме гостей юноша (а если его не было у хозяина, приходил соседский) подскакивал к лошади, брал уздечку левой рукой, а правой поддерживал стремя, пока гость не спешится.

При посадке на коня гостя или почетного всадника церемониал сводился примерно к следующему. Юноша подводил к самому старшему коню, он, простившись с хозяевами, садился на лошадь, которую правой рукой за уздечку держал молодой человек, а левой поддерживал правое стремя, чтобы при посадке гостя не перекошилось седло. Затем конники выезжали за околицу в возвратном порядке. Если среди гостей находился зять этого дома или его родственник, то он выводил лошадь за ворота и там на нее садился.

При встрече всадников и завязавшемся разговоре молодежь обычно спешивалась и внимательно, держа лошадей за уздечки, слушала старших.

Существовали и наставления, поговорки и пословицы о поведении гостя на чужбине, вне пределов села, дома: «Нехан хьовьдий тЕхь дин а ма барстабе, бехачу новкъахь куралла а ма лелае» – «В чужих яслях коня не откармливай, в длинной дороге не будь гордым», – говорили чеченцы. «Сих а ма ло, виц а ма ло» – «Не торопись и не забывайся». «Сихалло са даьккхина, собаро лам баьккхина» – «Торопливость – души лишила, а терпение – гору покорило».

Не принято было проявлять в гостях и национальный эгоизм: «Хьекъал долчунна дерриг дуьне а шен даймохк санна хетта» – «Умному весь мир – Родина!» – часто говорили чеченцы.

ГОСТЕПРИИМСТВО

Высоко ценилось у чеченцев и гостеприимство. «Хъаша ца вогӀучу беркат ца догӀу». – «Куда не приходит гость, туда не приходит и благодать», – говорили чеченцы.

«Гостеприимство считается одной из добродетелей и исполняется в строгости всеми», – писал И. Иванов¹, а мусульманский путешественник из Гренады, который посетил Дагестан в первой половине XII века, пишет: «Я жил у одного из эмиров, известного под именем Абу-л Касим; его рабы каждый день резали для меня барана, я говорил им: «Не режьте снова барана, ведь нам хватит небольшой его части», а они отвечали: «Так приказал нам наш господин»².

Нужно отметить, что нигде так ярко и броско не проявляется гостеприимство, как в сельском быту. Гостеприимство (хьошалла) – священный закон, обязательный для чеченцев. Правда, в последнее время он стал угасать, особенно среди городских чеченцев. Сколько написано и сколько сказано в научной и художественной литературе о гостеприимстве чеченцев!

«Ингуши, как и вообще все горцы, гостеприимны, – писал Н.Ф. Грабовский. – Для приема гостей мало-мальски зажиточный человек имеет особое помещение – кунацкую. Редкий вайнах, имея возможность, не угостит приезжего к нему. Он выбьется из сил, а добудет барана, чтобы подать его гостю»³.

Вспомним, как мастерски описывает Л.Н. Толстой встречу Хаджи-Мурата в 1851 году в селе Махкеты горцем среднего достатка Садо: «Жена Садо несла низкий, круглый столик, на котором были чай, блины в масле, сыр, чурек – тонко раскатанный хлеб – и мед. Девочка несла таз, кумган и полотенце.

Садо и Хаджи-Мурат – оба молчали во все времена, пока женщины, тихо двигаясь в своих красных бесподошвенных чувяках, устанавливали принесенное перед гостями. Эльдар же, устремив свои глаза на скрещенные ноги, был неподвижен, как статуя, пока женщины были в сакле...

¹ Иванов И. Чечня // Москвитянин. 1851. № 19-20.

² Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в восточную и центральную Европу (1131-1135 гг.) М., 1971. С. 26.

³ Грабовский Н.Ф. Ингуши // Сборник сведений о кавказских горцах. 1876. Вып. XI. С. 39.

Несмотря на то, что Хаджи-Мурат более суток ничего не ел, он съел только немного хлеба, сыра и, достав из-под кинжала ножичек, набрал меду и намазал его на хлеб... Эльдару хотелось еще есть, но он так же, отодвинулся от стола и подал Хаджи-Мурату таз и кумган».¹

Обратите внимание (как подметил и Л.Н. Толстой) на поведение Эльдара, когда зашли женщины, и воздержание от употребления пищи Хаджи-Муратом а вслед за ним и Эльдаром.

Дело в том, что было неэтично гостю смотреть на женщин, на их движения, ноги, вообще на фигуру. Это считалось невоспитанностью и плохим тоном. После взаимного приветствия гости не должны были обзирать комнату и смотреть на обслуживающих их женщин.

Рассказывают, когда-то пришедший в гости с ночевкой чеченец непристойно рассматривал обслуживающую их хозяйскую дочь, на это обратил внимание ее брат. И вот наутро, когда гость собирался принять туалет, брат девушки попросил свою мать, чтобы в кумган гостю налили горячую воду. И гость, догадавшись о немилости хозяев, бросив на пороге кумган, говорят, убежал...

Существовал у чеченцев и этикет приема пищи: сдержанность, аккуратность, мытье рук до и после принятия пищи, начало трапезы для молодых только после того, как к ней приступали старшие.

Довольно оригинальны у чеченцев и пожелания хозяевам после приема пищи: «Дала иман а, беркат а ма эшадойла кху чохь!» – «Дай бог, чтобы в этом доме была скромность и благодать!». «Дала кху цѐнтIахь сискал ма эшайойла!» – «Дай бог, чтобы в этом доме не иссяк хлеб (сискал)».

Тостов как таковых, в отличие от других народов Северного Кавказа (абхазов, адыгов, осетин), у чеченцев почти раньше не было, они стали появляться лишь в советское время, но были пожелания дому, невесте, рожденному ребенку и т.д.

Очень интересно одно из пожеланий невесте, которое отражало положение невестки в доме: «Дала багана Iахара, куьйгашна каде йолуш лелийла хьо кху цѐнтIехь» – «Дай бог, чтобы у тебя в этом доме рот (то есть речь) был молчаливый, а руки актив-

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч. М., 1987. Т. XII. С. 288.

ные».

Согласно традициям и этикету, гость не может, конечно, предложить деньги или какую-нибудь другую плату за прием или услугу. Но часто гость делает подарок детям.

Один из законов и обязанностей хозяина, принявшего гостя, – это защита его жизни, чести, имущества, иногда даже с риском для собственной жизни. Если даже гость позволяет себе относительную вольность, хозяева должны относиться к нему снисходительно и терпеливо.

Главнейшим ритуалом гостеприимства у чеченцев, безусловно, является хлеб-соль (сискал), поэтому каждая чеченская семья всегда припрятывала что-нибудь для гостей (хъаша-да – «гостю-отцу»).

Когда гость накормлен и напоен, ему готовят самую хорошую в доме постель в лучшей комнате. В старину хозяйская дочь или невестка помогали снимать обувь, верхнюю одежду.

Хороший обычай, в данном случае традиционное чеченское гостеприимство, – это выражение души народа, его исторического этикета и человеколюбия, доставляющее как хозяевам, так и гостям приятное ощущение духовного общения.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- // – параллельные формы слов;
= – знак равенства; знак соответствия;
< – возникло из...; произошло из...;
> – перешло в...; переходит в...;
+ – знак плюс...; при сложении...;
(а) – знак долготы (над буквой).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

абаз. – абазинский	м.и. – мужское имя
абх. – абхазский	мн.ч. – множественное число
аварск. – аварский	монг. – монгольский
агул. – агульский	ног. – ногайский
азерб. – азербайджанский	осет. – осетинский
акк. – аккинский диалект	перс. – персидский
акуш. – акушинский	полов. – половецкий
анд. – андийский	польск. – польский
араб. – арабский	русск. – русский
арм. – армянский	рутул. – рутульский
арчин. – арчинский	сван. – сванский
балк. – балкарский	ср. – сравни
башк. – башкирский	табас. – табасаранский
бац. – бацбийский	тат. – татарский
греч. – греческий	тур. – турецкий
груз. – грузинский	туркм. – туркменский
дарг. – даргинский	туш. – тушинский
ед. ч. – единственное число	тюрк. – тюркский
ж. и. – женское имя	убых. – убыхский
инг. – ингушский	удин. – удинский
итум. – итумкалинский диалект	узб. – узбекский
каб. – кабардинский	укр. – украинский
каз. – казахский	хварш. – хваршинский
карач. – карачаевский	хевсур. – хевсурский
карт. – картвельский	хиналуг. – хиналугский
кирг. – киргизский	цахур. – цахурский
кист. – кистинский диалект	чан. – чанский
кум. – кумыкский	чеб. – чеберлоевский диалект
куман. – куманский	черк. – черкесский
лак. – лакский	чеч. – чеченский
лезг. – лезгинский	чув. – чувашский
мегр. – мегрельский	чеш. – чешский

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Айдаев Ю.А. Народные истоки чечено-ингушской драмы // Известия ЧИНИИИЯЛ. Литературоведение. Грозный, 1968. Т. 5. Вып. 3. С. 55.
2. Алироев И.Ю. Библиография по нахскому языкознанию. Грозный, 1968. С.38, 73-83.
3. Алироев И.Ю. Кистинский диалект чеченского языка // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Языкознание. Грозны, 1962. Т. 3. Вып. 2. С. 87.
4. Алироев И.Ю. Орлов М.М. Зоонимия народов Северного Кавказа // Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1978. С. 84.
5. Ахмадов Ш.Б. Ремесленные занятия чеченцев и ингушей в XVIII-XIX веках. Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С. 47.
6. Бердзенишвили Н. История Грузии. Тбилиси, 1959. С. 240.
7. Берже А.П. Алексей Петрович Ермолов и его кебинные жены на Кавказе (1816-1827) // Русская старина. СПб., 1884. Кн. IX. С. 524-528.
8. Берже А. Чечня и чеченцы. Тифлис. 1859. С. 90-91; Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев. ССГ. Тифлис, 1898. С 117.
9. Браун И., Климов Г. Об историческом взаимоотношении урартского и кавказских языков // Тезисы докладов. Тбилиси, 1954. С. 50-51.
10. Бромлей Ю. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 335.
11. Бромлей Ю.В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // Советская этнография. 1977. №1. С. 6.
12. БСЭ. Т. 28. С. 425.
13. Вахушти Багратиони. География Грузии. Тифлис, 1904. С.152.
14. Веселовский А. Несколько географических сведений о древней России из рассказов итальянцев. СПб., 1870. С. 20.
15. Вертепов Г.Н. Очерки кустарных промыслов Тверской области. // Терский сб. Владикавказ, 1887. Вып. 4
16. Властов Г.К. Война в Большой Чечне // Газета «Русский инвалид». 1856. 19 июля.
17. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 175-178.
18. Гегечкори Г.Г. Жилища, типа «ц1а» в ущелье реки Армхи и ее притоков // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. С. 252-253.
19. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. П., 1930. Т. 5.. С. 683.
20. Генко А.Н. Из области чеченской диалектологии [Рецензия] // Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.-Л., 1935. Т.1. С. 118-133.
21. Гониашвили Т.Б. Словарные сходжения чеченского и картвельского языков // Труды института языка, истории, материальной культуры им. Академика Н.Я.Марра. Тбилиси, 1940 Т. 5-6. С. 576-623.
22. Горчханова Г.А. К состоянию кустарных промыслов и обрабатывающей промышленности в пореформенной Чечено-Ингушетии // Сб. статей. Грозный, 1968. С. 82.

23. Горчханова Г.А. К состоянию кустарных промыслов и обрабатывающей промышленности в пореформенной Чечено-Ингушетии. Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный 1996. С. 82.
24. Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 38.
25. Грабовский Н.Ф. Ингуши // Сборник сведений о кавказских горцах. 1876. Вып. XI. С. 39.
26. Гриценко Н.П. Современники середины XIX века о Чечне и чеченцах // Археолого-этнографический сборник. Грозный. 1968.
27. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб.: Изд. Германа, 1809.
28. Далгат Б. Родовой быт чеченцев // Известия Ингушского науч.-исслед. ин-та. Владикавказ, 1930. Т.2.
29. Даутова Р.А. Изготовление деревянной посуды вайнахами в эпоху позднего средневековья. // Сб. статей. Грозный, 1986. С. 53.
30. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. Грозный, 1963. С. 27, 62.
31. Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык (фонетика, морфология, синтаксис, лексика). М., 1953. С. 9.
32. Дешериев Ю.Д. Изучение иберийско-кавказских языков в советскую эпоху // Известия ЧИНИИИЯЛ. Языкознание. Т. 1. Вып. 2.
33. Джанашавили Г. Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России. Тифлис, 1897. С. 51.
34. Дирр А.М. О классах (родах) в кавказских языках // Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа. Тифлис, 1907. Вып. 37, отд. 3. С. 91-102.
35. Дирр А.М. В Тагаурии и Куртатии Осетии // ИКОРГО. Т. 20. Тифлис, 1912. С. 262.
36. Досов К. Нохчийн джуж ду хIара. Тифлис, 1862.
37. Древности Чечено-Ингушетии. М, 1963. С. 44.
38. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1-3. С. 416.
39. Евецкий О. Статистические описания Закавказского края. СПб., 1835. С. 42.
40. Зейдлиц Н.К. Поездка в Галгаевское и Дешерахоевское ущелье // ИКОРГО. Тифлис, 1873. Т. 2. № 4. С. 147.
41. Зиссерман А.И. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. I. СПб., 1879. С. 110.
42. Иванов И. Чечня // Журнал «Моквитянин». М., 1851, № 19-20.
43. Исламов А.А. вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чантты-Аргун // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1963. Вып. 1. Т. 3. С. 40.
44. История Грузии. Тбилиси, 1963. С. 7.
45. Ипполитов А.П. Этнографический очерк Аргунского округа //

ССКГ. Тифлис, 1868. Отд. 3. С. 43.

46. Кавказская война. СПб., 1887. Т. 2, Вып. 1. С. 94-95. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. 3. Ч. II. С. 40.

47. Клапорт. Путешествие по горам Кавказа и Грузии. Лейпциг, 1878. С. 232.

48. Климов Г. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.

49. Клингер И. Нечто о Чечне. (Заметки о виденном, слышанном и узнанном во время плена у чеченцев с 24-го июля 1846 года по 1 января 1850) // Кавказ, 1856. Декабрь.

50. Кокиев Г.А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии. Орджоникидзе, 1933. С. 219.

51. Кобычев В.П. Новые и традиционные черты в современном жилище народов Северного Кавказа. Этнические и культурно-бытовые процессы Кавказа. М., 1978. С.192

52. Культура Чечни. История и современные проблемы. М.: Наука, 2002, 2006.

53. Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963. С. 72.

54. Крупнов Е.И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961. С. 42.

55. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

56. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1972. С.58

57. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып.4. С. 4.

58. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1879. Вып. 6. С. 48.

59. Лилов А. Очерки быта кавказских горцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 18.

60. Макалатия С.И. Хевсуретия. Тбилиси, 1940. С. 95.

61. Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник, Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 89.

62. Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» // Известия ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 2.

63. Мамакаев М. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973. С. 50.

64. Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с Юга и с Севера Кавказа // Известия Императорской Академии наук. СПб. 1912. № 11.

65. Марр Н.Я. О ново-тушинском диалекте в наречиях андо-дидойской группы // Известия Российской Академии наук. Пг., 1916; Значение и роль изучения нацменьшинств в краеведении // Краеведение. Т.4. Вып. 1. 1927. С. 3-20; Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа // Труды комиссии по изучению племенного состава населения России. Пг., 1920. С. 64.

66. Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882. С. 86.

67. Маркович В.В. В лесах Ичкерии. Записки кавказского отдела Рус-

- ского географического общества. Кн. 19. Тифлис, 1897. С. 314.
68. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 155.
69. Мациев А.Г. Тушско-чеченско-русский словарь. Грозный, 1932.
70. Межидов Д.Д., Алироев И.Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Социально-философский аспект. Грозный, «Книга». 1992.
71. Меликишвили Г.А. Урартские клинописные надписи. М., 1960.
72. Моисей Хоренский. История Армении. М., 1893. Кн. 3. Гл. 54.
73. О движении горцев под руководством Шамиля // Материалы сессии Дагестанского филиала АН СССР 4-7 октября 1956 г. Махачкала, 1957. С. 197.
74. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 гг. // Русская старина. 1893. №7. С. 311.
75. Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. М.: Academia, 2003.
76. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР (с древнейших времен до наших дней). Грозный. 1967. Т.1. С. 69.
77. Ошаев Х.Д. Пламенные годы. Грозный, 1978. С. 32.
78. Ошаев Х.Д. Слова пха и ца в чеченском языке // Известия научного общества Чеченской автономной области. Грозный, 1930. Т. 2. С. 56-60.
79. «Положение от 17 мая 1835г.» С. 3. Т. 9. 1842. С. 915. ССКГ. Тифлис. 1897. Отд. 2. С. 35.
80. Потто В.А. Два века Терского казачества. Владикавказ. Т. 1. С. 27.
81. Путешествие Абу-Хамиду Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153). Москва, 1971. С. 56.
82. Робакидзе А.И., Косвен М.О. Советская этнография. М., 1965. С. 192-193.
83. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847. С. 38.
84. Саидов И.М. Этнографические заметки // Известия ЧИНИИИЯЛ. История. Грозный, 1964. Т. V. Вып. 1. С. 127.
85. Самойлов К. Заметки о Чечне // Журнал «Пантеон». СПб., 1855. № 10. С. 35.
86. Семенов Л.Н. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-32 годах. Грозный. 193. С. 33.
87. Семенов Л.Н. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия ЧИНИИИЯЛ. История. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 1. С. 205.
88. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. СПб., 1787. Т. 1, 2.
89. Техиева К. Загадки «кур-харсов» // Университетский вестник. 1982. 14 октября.
90. Тогошвили Г.Д. Из истории грузино-вайнахских политических взаимоотношений во второй половине XVIII века // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный. 1964. Т. 5. Вып. 1. С. 150.
91. Толстой Л.Н. Собр. соч. М., 1987. Т. XII. С. 288.
92. Тотоев Ф.М. Развитие рабства и работорговли в Чечне // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1958. Т. 8. Вып. 1. С. 193

93. Тревер Е.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959.
94. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Чеченский язык. Тифлис, 1888. С.336.
95. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис. 1904. Т. 3. Ч. II. С. 40.
96. Хасбулатова З.И. Пища в семейно-бытовой обрядности чеченцев и ингушей // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987. С. 92.
97. Хасиев С.-М. А. Из истории развития кустарных промыслов чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. Обработка металла и камня // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 21.
98. Хасиев С.-М.А. О столярном инструментарии вайнахов второй половины XIX – начала XX в. // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987. С. 95-109.
99. Хасиев С.-М. А. Этнографические реалии в героических илли // Поэтика чеченских героических песен илли. Грозный, 1983. С. 60.
100. Харузин Н. По горам Северного Кавказа // Вестник Европы. 1888. С. 516.
101. ЦГА ДАССР. Ф. 379. Оп. 2. Д. 53. Дл. 86-86 об.
102. Чахкиев Д. Тушоли // Грозненский рабочий. 1988. 12 сентября.
103. Чикобава А.С. Введение в иберийско-кавказское языкознание // Ежегодник НКП. Тбилиси, 1980. Т. 7. С. 9.
104. Чикобава А.С. Проблемы родства иберийско-кавказских языков // Тезисы докладов национ. конференции. Историко-лингвистические связи народов Кавказа. Махачкала, 1965. С. 7.
105. Шавхелашвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами Грозный, 1963. С. 21.
106. Шамилев А.И. Пути проникновения ислама к чеченцам и ингушам // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1963. Т. Вып. 1.
107. Шидловский Ю. Записки о Кизляре // Журнал Министерства Внешних дел. СПб., 1843. Ч. IV. С. 180.
108. Щерблыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. Владикавказ, 1928.
109. Щербатов К. Генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский. СПб., 1891. Т. 3. С. 229.
110. Яндаров Х. История чеченской письменности // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов-на-Дону, 1928. Т. 2. С. 7.

Научное издание

Мовла Камилович Осмаев

Чеченцы: обычаи, традиции, обряды

Подготовка оригинал-макета и дизайн обложки

Керимов В.А.

Подписано в печать 29.03.2016 г.

Формат 60x84¹/₁₆. Печать ризографная. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 12,9. Тираж 500 экз.

Издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Адрес: 364037 ЧР, г. Грозный,

ул. Киевская, 33.